

71890

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЬ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 16.

АВГУСТЪ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Стр.

Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича. О Христіанскомъ прогрессѣ. Преосвященнаго *Амвросія* 169—185

О покоѣ Воскреснаго дня (продолженіе). Доцента Московской Духовной Академіи *А. Бгьяева* 186—214

Замѣтки о церковной жизни за-границей (продолженіе). *Н.* 215—236

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Метафизика и философія. Изъ чтеній профессора Казанской Духовной Академіи Вен. Ал. Снегирева (окончаніе). *В. Снегирева* 135—145

Ученіе Аристотеля и его школы (перипатетической) о Богѣ (продолженіе). *И. Корсунскаго* 146—176

III. ЛИСТОКЪ ДЛЯ ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. Указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду о новой инструкціи для церковныхъ старостъ.—Инструкція церковнымъ старостамъ.—Отъ Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философвъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко въ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложения, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТѢ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ и въ книжномъ магазинѣ В. и А. Бирюковыхъ на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ пер. д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая ул., Гостинный дворъ.
№ 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Августа 31 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

СЛОВО

Преосвященнаго Амвросія, Архієпископа Харьковскаго,

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

Благочестивѣйшаго Государя Императора Александра Александровича.

О ХРИСТИАНСКОМЪ ПРОГРЕССѢ.

*Будите вы совершенны, якоже Отецъ вашъ
небесный совершенъ есть. (Мат. 5. 48).*

Любимое слово образованныхъ людей нашего времени есть: *прогрессъ*.

Слово *прогрессъ* ново для церковной кафедрѣ, но намъ приходится употреблять его по нашей обязанности слѣдить за всѣми новыми движеніями и направленіями мысли въ христіанскомъ обществѣ. Самое же понятіе о прогрессѣ не ново для христіанскаго ученія и церкви; но велико различіе и неизмѣримо разстояніе между современнымъ философскимъ ученіемъ о прогрессѣ и ученіемъ христіанскимъ. Цѣль нашего настоящаго слова—показать это различіе и разстояніе. Особое побужденіе къ этому мы находимъ въ тѣхъ непріязненныхъ отношеніяхъ, въ которыя поставили себя современные прогрессисты къ христіанскому ученію. По ихъ понятіямъ ученіе христіанское задерживаетъ прогрессъ челоуѣчества. Говорятъ, что неизмѣнныя догматы христіанства стѣсняють свободную дѣятельность ума челоуѣ-

ческаго, что его нравственныя правила и аскетическія наставленія подавляютъ самыя естественныя и законныя потребности природы человѣческой, что его уставы и предписанія относительно внѣшняго поведенія людей лишаютъ ихъ свободы пользоваться по праву принадлежащими имъ радостями и наслажденіями жизни; однимъ словомъ, что христіанское ученіе убиваетъ жизнь. Нельзя не видѣть, какъ много во всемъ этомъ кроется опасностей и соблазновъ для христіанъ, не имѣющихъ твердыхъ религіозныхъ убѣжденій, и особенно для молодыхъ поколѣній.

Итакъ, сдѣлаемъ сначала краткій очеркъ современнаго философскаго ученія о прогрессѣ, потомъ изложимъ христіанскій взглядъ на вѣчное усовершенствованіе человѣчества, слѣдуя божественному откровенію, со всею точностію и строгостію, безъ уклоненій, умолчаній, ограниченій и перетолкованій, какія нынѣ позволяютъ себѣ подъ вліяніемъ духа времени нѣкоторые и христіанскіе писатели.

Современное и наиболѣе у насъ распространенное философское ученіе о прогрессѣ есть прямой выводъ изъ матеріалистическаго предположенія о происхожденіи міра и человѣка. По этому предположенію міръ и человѣчество произошли изъ неизвѣстнаго матеріальнаго начала жизни движущейся и развивающейся изъ себя самой по закону естественной неотразимой необходимости. Неизмѣнно направляясь впередъ, жизнь остановиться не можетъ, и это ея развитіе безъ остановки и совершенствованіе безъ конца, — и есть самый *прогрессъ*. Міровая машина въ вѣчномъ своемъ движеніи образуетъ изъ вѣка въ вѣкъ новыя формы существъ, въ томъ числѣ и людей, изъ несовершенныхъ болѣе совершенныя, но такъ, что ихъ будущихъ свойствъ никто и предвидѣть не можетъ. Такимъ образомъ,

прогрессъ есть движеніе отъ неизвѣстнаго къ неизвѣстному. Чтобы внести въ этотъ туманъ нѣкоторый просвѣтъ, ученые, не имѣя возможности указать Первопричину бытія, опираются на причины вторичныя, утверждая, что человѣкъ совершенствуется не силою свободной самодѣятельности, а подѣ неотразимымъ вліяніемъ внѣ его стоящихъ дѣятелей, каковы: силы природы, законы органическаго развитія, среда, гдѣ родился и живетъ человѣкъ, соціальныя, или общественныя условія жизни, законы, обычаи, привычки и т. под. Отсюда слѣдуетъ, что человѣкъ неизбѣжно уносится общимъ теченіемъ жизни; жизнь, какъ волна, несетъ его къ совершенству и благополучію. Напрасно, говорятъ прогрессисты, человѣкъ по предразсудочному понятію о своей свободѣ вздумалъ бы остановиться, размыслить о томъ, куда онъ идетъ и что дѣлаетъ, и принять другое направленіе, если чувствуетъ себя несчастнымъ. Онъ долженъ жить со всѣми, а особенно съ *передовыми людьми* общею жизнію по принятымъ правиламъ и порядкамъ; иначе, какъ *отсталой*, онъ будетъ раздавленъ слѣдующею за нимъ толпою, или выброшенъ изъ ряда людей, идущихъ по данному жизнію направленію. Отсюда правило: „иди за всѣми; счастье впереди. И если не увидишь его ты, то увидитъ будущее человечество“. Очевидно, это ученіе противорѣчитъ всѣмъ неотъемлемымъ свойствамъ и законамъ дѣятельности разумно-свободнаго человѣческаго существа: самосознанію, самоопредѣленію, свободѣ въ разборѣ своихъ помысловъ и рѣшеній, нравственной отвѣтственности предъ собою и другими людьми, вмѣняемости преступленія и пр. По простому здравому смыслу человѣкъ почитаетъ безразсуднымъ и въ обыденной жизни дѣйствовать безъ понятной для него причины и цѣли, какъ говорится, *наобумъ*; а здѣсь, въ высшихъ вопросахъ

жизни, говорятъ ему: „не спрашивай, откуда ты, и куда идешь“. Трудно представить себѣ ученіе болѣе противоестественное и болѣе унижительное для природы человѣческой.

Печально утѣшеніе, предлагаемое страждущему чело-вѣку философскимъ ученіемъ о прогрессѣ: „ты страдай, за то потомки твои будутъ счастливы“. Мы можемъ находить утѣшеніе и въ страданіяхъ, когда намъ понят-но и для насъ внутренно ощутимо благо, для котора-го мы страдаемъ; но страдать за неизвѣстное и непон-ятное, притомъ за общее благо въ будущемъ безъ воз-можности личнаго участія въ немъ, хотя бы въ буду-щей, загробной жизни,—это значитъ страдать безцѣль-но и напрасно, слѣдовательно, бессмысленно. Чтобы до-вести это ученіе послѣдовательно до конца, проповѣ-дуется въ дальнѣйшемъ прогрессѣ человѣчества совер-шенное уничтоженіе человѣческой личности съ отрица-ніемъ безсмертія души. Это значитъ открывать чело-вѣку бездну отчаянія. Что и оправдывается появле-ніемъ ученія *пессимистовъ* о безвыходности страданій человѣческихъ. Такимъ образомъ еще углубляется про-пасть, къ которой современный прогрессъ ведетъ чело-вѣчество.

Послѣдователи современнаго ученія о прогрессѣ го-ворятъ однако же объ *идеалахъ*, или умопредставляе-мыхъ первообразахъ совершенства, съ которыми должна сообразоваться жизнь человѣческая и которые рисуют-ся въ разнообразныхъ проэктахъ относительно будуща-го благополучія всего человѣчества. Спросите ихъ: гдѣ найдутъ, и какъ установятъ они черты, изъ которыхъ долженъ быть составленъ идеаль совершенства и бла-гополучія, понятный и доступный всѣмъ людямъ, на всѣхъ степеняхъ ихъ развитія и удовлетворяющій все человѣчество? Исторія прошедшихъ вѣковъ и наше вре-

мя представляютъ только недовольство настоящимъ и исканіе счастья въ будущемъ. Благо одного времени представляется зломъ для другого. Благосостояніе однихъ людей сопровождается лишеніями и тягостями для другихъ. Новое оказывается повтореніемъ стараго. Лучшіе проэктъы не оправдываются на дѣлѣ; мечты остаются мечтами. Недовольство и жалобы—вотъ общій голосъ человѣчества всѣхъ вѣковъ. Изъ сознанія неудовлетворенности и дѣйствительныхъ лишеній нельзя собрать матеріаловъ для изображенія идеала истиннаго совершенства и благосостоянія человѣчества въ будущемъ. Современныя открытія и усовершенствованія въ разныхъ отрасляхъ жизни не могутъ быть собраны и сложены въ общую сумму, или въ одно цѣлое, которое въ представленіи о будущемъ могло бы составить полный и всесторонній идеалъ человѣческаго совершенства. Все это большею частію внѣшнее, второстепенное, измѣнчивое, одно другое поборающее и уничтожающее; все это неспособно устоять предъ смѣною вѣковъ и направленій жизни, а еще болѣе предъ тѣми бурными переворотами во вселенной, которые сметають съ лица земли цѣлые народы и государства, даже и съ блестящей цивилизаціей. И надъ всѣмъ этимъ опять возстаетъ вопросъ: къ чему же направить и какъ упрочить безостановочное восхожденіе человѣчества къ совершенству и счастью?

Только христіанское ученіе даетъ на этотъ вопросъ точный и все разясняющій отвѣтъ.

Не на землѣ указываетъ оно идеалъ человѣческаго совершенства,—такъ какъ здѣсь нѣтъ ничего совершеннаго,—а на небѣ: *будьте вы совершенны*, говоритъ Господь Іисусъ Христосъ, *яко же Отецъ вашъ небесный совершенъ есть*.

Съ поразительной ясностію въ божественномъ откоро-

веніи указаны намъ священныя черты этого идеала въ изображеніи свойствъ Божіихъ.

Богъ есть существо вѣчное и безконечно совершенное; слѣдовательно въ уподобленіи Ему свободно дѣятельностію, при соотвѣтствіи нашей природы Его природѣ (какъ образа созданнаго по Первообразу), открывается для насъ прямое, вѣрное и нескончаемое восхожденіе къ совершенству.

Богъ есть всесовершенная премудрость и истина; слѣдовательно для насъ Онъ есть неизсякающій источникъ искомаго умомъ нашимъ знанія и истины.

Богъ есть всесовершенная правда, чистота и святость; слѣдовательно Онъ есть для насъ Указатель и Руководитель къ искомой нашею совѣстію праведности и нравственной чистоты.

Богъ есть безконечная любовь; слѣдовательно для насъ Онъ есть неисчерпаемый источникъ любви и вѣчнаго блаженства въ Его любви.

Богъ есть всемогущій творецъ и владыка всего міра; слѣдовательно для насъ Онъ есть щедрый Раздатель могущества и силы какъ для внутренней нашей дѣятельности, такъ и для внѣшней,—въ распоряженіи дарами окружающей насъ природы.

Богъ есть сама вѣчная жизнь и источникъ жизни; слѣдовательно для насъ Онъ есть идеаль, — не умопредставляемый только и мечтательный, а живой, отвѣчающій на всѣ наши чистыя желанія, встрѣчающій всѣ наши стремленія къ Нему, и удовлетворяющій всѣ наши нүжды.

Укажемъ по слову Божію примѣненіе этого идеала къ жизни человѣчества, или тѣ пути, по которымъ человекъ можетъ восходить къ Нему и воплощать его въ себя.

Первый путь безспорно есть познаніе истины. Она

изложена намъ божественнымъ откровеніемъ въ догматахъ вѣры непререкаемыхъ и неприкосновенныхъ. Это истины вѣчныя, которыхъ одна сторона обращена къ намъ и понятна для насъ, другая скрывается въ таинственной высотѣ небесъ, и не подлежитъ нашему изслѣдованію. Почему же этѣ истины предложены намъ не въ вопросахъ, или въ положеніяхъ, данныхъ людямъ для свободнаго разрѣшенія, или развитія, а въ понятіяхъ точныхъ, не подлежащихъ видоизмѣненіямъ, и притомъ подъ непремѣннымъ условіемъ принятія ихъ на вѣру? Потому что поврежденный грѣхомъ умъ человѣческій не можетъ самъ собою придти къ правильному рѣшенію высшихъ вопросовъ о судьбѣ человечества, какъ доказали это великіе философы міра языческаго; не можетъ сохранить въ чистотѣ и истины богооткровенной безъ преданія себя въ послушаніе вѣры (2 Кор. 10, 5), какъ это доказали философы міра христіанскаго, исказившіе истины откровенія смѣшеніемъ ихъ съ человѣческими измышленіями и заблужденіями. Что же? неприкосновенность догматовъ можетъ ли быть соглашена съ вѣчнымъ и безпрепятственнымъ восхожденіемъ ума человѣческаго въ познаніи истины?— Несомнѣнно. Догматы вѣры,—это звѣзды небесныя, по которымъ мореплаватели опредѣлили и изучили вѣрныя пути по всѣмъ морямъ міра. Какъ перестановка свѣтилъ небесныхъ на новыя мѣста и направленіе теченія ихъ по новымъ путямъ разрушили бы науку мореплаванія: такъ перестановка и искаженіе догматовъ вѣры передутываютъ пути человѣческой жизни. Какимъ же образомъ догматы вѣры при своей неизмѣняемости открываютъ уму человѣческому пути къ нескончаемому усовершенствованію въ познаніи истины? Намъ дано понять въ словѣ Божіемъ, что догматы не должны останавливать нашего вниманія только на се-

бѣ, какъ на заключенныхъ въ книгѣ мысляхъ данныхъ намъ для знанія, а имѣютъ и другое, высшее, назначеніе. Составляя въ своей совокупности науку о *Богѣ*, они ведутъ насъ, какъ говоритъ Ап. Павелъ, подъ руководствомъ Духа премудрости къ познанію *Самого Бога Отца и Сына Божія* (Еф. 4, 13. 1, 17.). Сообщая истиннымъ ученикамъ откровенія ощущеніе, что за словомъ писаннымъ стоитъ Самъ говорящій это слово Духъ Божій, богооткровенныя истины путемъ богомыслія и молитвы вводятъ душу человѣческую въ непосредственное общеніе съ Богомъ по обѣтованію, что «чистые сердцемъ Бога узрятъ». Здѣсь догматическое основаніе историческихъ событій, каковы: дѣйствительныя боговидѣнія, откровенія, восхожденія на небо и собесѣдованія на языкѣ небесномъ, непередаваемомъ словомъ человѣческимъ. Здѣсь путь—не къ познанію только отдѣльныхъ мыслей, или ученій связно изложенныхъ, не ограниченныхъ предѣлами *гадательнаго* знанія, а къ созерцанію самой истины *лицемъ къ лицу* (1 Кор. 13, 12). Здѣсь ревностные подвижники сердечной чистоты, или нравственнаго совершенства, какъ свидѣтельствуется исторія христіанства, получали дары: духовнаго совѣта, или опытной мудрости, пророчества, прозорливости, читающей въ душахъ человѣческихъ, видящей на отдаленныхъ разстояніяхъ, и дары чудотвореній, для которыхъ нѣтъ ничего невозможнаго. Этимъ только людямъ, высоко восходящимъ по пути къ живому идеалу человѣческаго совершенства, и можетъ быть усвоено упогребляемое нынѣ названіе *передовыхъ людей*, а не тѣмъ, которые проповѣдуя прогрессъ къ невѣдомому совершенству, сами бродя ощупью, подпадаютъ строгому приговору Христа Спасителя: *слѣпецъ слѣпца ище водитъ, оба въ яму впадутъ* (Мат. 15, 14).

Это христіанское ученіе многіе изъ современныхъ

рѣтенія съ научными приобрѣтеніями прогрессистовъ и плоды тѣхъ и другихъ, и вы увидите раздѣляющую ихъ бездну. У передовыхъ христіанъ, которыхъ Ап. Павелъ по степенямъ ихъ духовныхъ совершенствъ уподобляетъ солнцу, лунѣ и звѣздамъ (1 Кор. 15, 41), мы учимся направлять умы и сердца къ вѣчному усовершенствованію въ Богѣ, начинаемому здѣсь и продолжаемому въ загробной жизни: подъ руководствомъ же свѣтилъ современной философской науки получаемъ обратное направленіе къ временному, ограниченному, измѣнчивому, земному, гдѣ весь прогрессъ, согласно съ Екклесіастомъ, можно назвать *суетною и крушеніемъ духа*. У тѣхъ мы научаемся познавать высокое достоинство и великія силы души человѣческой: у этихъ учимся всѣ проявленія духовной жизни признавать отправленіями нашего тѣлеснаго организма и отрицать самое бытіе души человѣческой. У тѣхъ мы узнаемъ глубокія язвы производимыя грѣхами въ душахъ нашихъ: у этихъ научаемся заглушать страданія сердца и совѣсти плотскими наслажденіями и отвергать самыя понятія о грѣхахъ. У тѣхъ мы находимъ при уваженіи къ уму человѣческому предостереженія отъ свойственныхъ ему заблужденій и на ихъ твореніяхъ воспитываемъ въ себѣ тонкое чувство истины, охраняющее насъ отъ увлеченій нарядными системами и соблазнительною новизною: у этихъ научаемся самую новизну, какова бы она ни была, принимать за шагъ впередъ въ познаніи истины. У тѣхъ мы находимъ въ опытахъ нравственной жизни твердыя основанія для установленія прочныхъ и благотворныхъ законовъ общественныхъ и государственныхъ: отъ этихъ слышимъ, что всѣ законы жизни заключены въ тѣлесной природѣ нашей и только съ ея развитіемъ въ будущемъ они получаютъ надлежащую силу въ обществахъ человѣческихъ. У тѣхъ мы находимъ

идеалы какъ въ частности совершеннаго человѣка, такъ и цѣлыхъ обществъ: у этихъ встрѣчаемъ не только въ сочиненіяхъ уродливыя представленія о совершенствахъ человѣческихъ, но и на дѣлѣ безразсудныхъ преобразователей человѣческихъ обществъ, и наконецъ тѣхъ вырожденій человѣчества, которые проповѣдуютъ ниспроверженіе всѣхъ государственныхъ учрежденій и властей. Такимъ образомъ прогрессъ христіанскій дѣйствительно ведетъ жизнь человѣческую къ созиданію и благоустроенію, а современный прогрессъ философскій къ разстройству и разрушенію.

Это различіе прогресса христіанскаго и философскаго еще яснѣе обнаруживается въ практической жизни служащей выраженіемъ міросозерцанія послѣдователей того и другого. У Св. Апостола Петра мы находимъ прекрасное объясненіе восхожденія ума человѣческаго отъ изученія догматовъ откровенія къ благодатному просвѣщенію непосредственно отъ Бога, о которомъ говорили мы выше. Уподобляя жизнь безъ вѣры *темному мѣсту*, Апостоль слово Божіе называетъ свѣтильникомъ сіяющимъ въ немъ. Вѣрующихъ же онъ приглашаетъ пользоваться этимъ свѣтильникомъ *дондеже день озаритъ и денница возсіяетъ въ сердцахъ ихъ* (2 Пет. 1, 19). Этотъ свѣтъ возникающій въ сердцѣ и озаряющій человѣка на всѣхъ путяхъ его жизни, былъ извѣстенъ и ветхозавѣтнымъ праведникамъ. О нихъ говоритъ псалмопѣвецъ: *Господи, во свѣтъ Лица Твоего пойдутъ, и о имени Твоемъ возрадуются весь день.* (Пс. 88, 16). Благоговѣйное настроеніе духа человѣческаго, озаряемаго этимъ свѣтомъ, подвижники вѣры всѣхъ временъ называютъ *страхомъ Божіимъ*, и дѣятельность совершаемую, въ чувствѣ присутствія Божія *хожденіемъ предъ Богомъ*. Вотъ гдѣ исходная точка, отъ которой направляется движеніе христіанина къ нравственному усовершенствованію.

ванію, съ цѣлію достиженія вѣчнаго блаженства въ Богѣ. Здѣсь оцѣниваются наши нечистые помыслы и вожделѣнія прежде нежели переходятъ въ слово, или дѣло, и называются *мерзостію предъ Богомъ* (Лук. 16, 15), а при обнаруженіи въ словѣ и дѣлѣ получаютъ значеніе *неправды*, или беззаконія предъ Богомъ и людьми. Отсюда же исходятъ благія мысли, чистыя побужденія и претворяются въ добродѣтели составляющія *праведность*. При этомъ же благодатномъ освѣщеніи происходящемъ отъ Лица Божія возникаетъ въ сердцѣ нашемъ чувство нашего недостойнства предъ Богомъ, опредѣляются права нашихъ ближнихъ на благосостояніе, и на наше участіе къ нимъ, и является потребность дѣлиться съ ними счастіемъ и сострадать имъ въ несчастіяхъ. Здѣсь зарождается расположеніе къ самоотверженію и самопожертвованію, которое въ дѣйствительной жизни переходитъ въ *любовь*. Такимъ образомъ правда и любовь становятся законами жизни. Развѣтвленіе этихъ двухъ свойствъ, какъ двухъ большихъ рѣкъ, расходятся потоками частныхъ добродѣтелей во всѣ отрасли человѣческой жизни, каковы: честность, вѣрность, скромность, цѣломудріе, трудолюбіе, воздержаніе, безкорыстіе и всѣ виды человѣколюбія. Прими это направленіе все человѣчество, будь оно послушно божественному откровенію, живи по его указаніямъ, восходи по степенямъ пройденнымъ великими подвижниками, доказавшими своими опытами возможность исполненія самыхъ возвышенныхъ заповѣдей Евангелія, — и вотъ вамъ истинный прогрессъ, который способенъ объять весь міръ и отовсюду указать пути къ вѣчному усовершенствованію и блаженству. Но величайшее несчастіе человѣчества въ томъ и состоитъ, что большинство его, какъ сказалъ Господь, предпочитаетъ *узкимъ вратамъ*, ведущимъ къ духовному совершенству, *широ-*

кѣи путь плотской жизни, на которомъ и гибнетъ. (Мат. 7, 13. 14).

Это мы и видимъ на опытѣ въ современной жизни человѣчества. Съ распространеніемъ матеріалистическихъ воззрѣній жизнь и дѣятельность преимущественно сосредоточивается въ области чувственной природы человѣческой. А эта природа, по суду самихъ ученыхъ, граничитъ съ природою животныхъ, которая руководится, какъ извѣстно, животными инстинктами. И вотъ вмѣсто христіанской строгости въ разборѣ мыслей и побужденій получается полная свобода всякимъ побужденіямъ, и конечно, всего болѣе животнымъ, свойственнымъ плоти. Вмѣсто идеальной честности и чистоты является ловкость и искусство облагораживать неблагородное, вмѣсто самоотверженія—своекорыстіе, вмѣсто уступчивости изъ своихъ правъ въ пользу ближняго, борьба за кусокъ хлѣба забывающая чужое право,—вмѣсто скромнаго сужденія о себѣ, указывающаго каждому свое мѣсто, грубое стремленіе стать на голову другимъ, вмѣсто страха предъ совѣстію и закономъ—безстрашіе и дерзость въ преступленіяхъ. Мы хвалимся образованіемъ и не знаемъ какъ удовлетворить притязанія образованныхъ на удобства жизни. Мы гордимся распространеніемъ изданій и ускореніемъ книгопечатанія, а враги религіи и общественнаго порядка стараются упредить людей благонамѣренныхъ въ распространеніи своихъ сочиненій. Мы хвалимся благотворительностію, но забывая святой путь воздержанія и самоотверженія, и при современной роскоши проживая все пріобрѣтаемое нами безъ остатка, ухищряемся въ изобрѣтеніи искусственныхъ способовъ благотворенія. Мы радуемся на развитіе промышленности и народнаго богатства, а богатствомъ пользуются немногіе, и между тѣмъ распалается жажда пріобрѣтенія его у рабо-

чихъ, которые обречены на труды и лишенія. Мы утѣшаемъ желѣзными дорогами, а воры стараются сдѣлать ихъ поприщемъ своихъ подвиговъ и не задумываются опрокидывать для грабежа цѣлые желѣзнодорожные поѣзда. Мы восхищаемся телеграфами, а бунтовщики пользуются ими для одновременныхъ возмущеній въ цѣломъ свѣтѣ и для направленія издалека преступныхъ покушеній противъ правительствъ и для избѣжанія наказаній. Мы изобрѣтаемъ для успѣшной войны огнестрѣльные орудія, а развращенные люди въ мирное время пользуются наиболее удобными изъ нихъ для убійствъ и самоубійствъ. Мы хвалимся познаніями въ химіи, но никто ими столько не пользуется, какъ поддѣльватели винъ, съѣстныхъ припасовъ и пр. Такимъ образомъ при ложномъ направленіи нравственной жизни одновременно съ возвышеніемъ внѣшней цивилизаціи углубляется развращеніе человѣчества. Этому прогрессу видѣнъ конецъ: превращеніе частныхъ пороковъ въ общую безнравственность; развитіе личныхъ страстей въ общій пожаръ мятежей и возстаній, мѣстныхъ бѣдствій—въ страданія всего человѣчества.

До утомленія повторяется нынѣ мысль о совершенномъ подчиненіи природы власти человѣка съ успѣхами науки: и моря мы укротимъ, и по воздуху полетимъ, и заразы истребимъ, и землетрясенія упредимъ и сдѣлаемъ безвредными, и болѣзни побѣдимъ, и старому тѣлу возвратимъ молодость, а наконецъ и смерть уничтожимъ. Но природа гнѣвно возражаетъ намъ и смиряетъ самонадѣянность ученыхъ непрекращающимися до послѣдняго времени бѣдствіями: и засухами, и наводненіями, и ураганами, и градобитіями, и землетрясеніями, и моровыми язвами, и появленіемъ новыхъ болѣзней. Между тѣмъ христіанство, изъ котораго и заимствовано понятіе о господствѣ чело-

вѣка надъ природою, проливаетъ истинный свѣтъ на наши отношенія къ ней, и на возможность господства надъ нею, но не нашею силою, а силою нашего и ея Создателя. Это господство, по слову Божію, было даровано человѣку при сотвореніи, утрачено имъ въ грѣхопаденіи, и возвращается при возстановленіи падшаго человѣка заслугами Искупителя. Опыты этого возстановленія и передаетъ намъ исторія христіанства. Въ числѣ „побѣдныхъ наградъ“ подвижниковъ мы видимъ, что по обѣтованію и примѣру Іисуса Христа они владычествовали надъ силами природы: и по водамъ ходили, и бури укрощали, и по воздуху были переносимы руками Ангеловъ, и больныхъ исцѣляли, и мертвыхъ воскрешали. Даже по вѣрѣ еще въ грядущаго Искупителя, до пришествія Его въ міръ, все это было совершаемо великими ветхо-завѣтными праведниками, а по совершеніи Имъ нашего спасенія, оставлено Имъ въ церкви Его обѣтованіе, что подобные опыты всегда будутъ возможны подъ условіемъ истиннаго благочестія, вѣры и молитвы. Имѣющіе очи видѣтъ ихъ, и уши слышать о нихъ, и теперь видятъ и слышатъ о явленіяхъ силы Божіей тамъ, гдѣ не оскудѣваетъ вѣра. Но Господь, предоставивъ Себѣ времена и лѣта для явленія чудесныхъ знаменій, превышающихъ законы природы, по усмотрѣнію своего благого промысленія, далъ всѣмъ намъ власть упреждать и прекращать физическія бѣдствія силою покаянія и молитвы: „просите и дано будетъ вамъ, ищите, и найдете, стучите, и отворятъ вамъ“. (Мат. 7, 7); и урожаи будутъ, и язвы прекратятся, и миръ водворится, и жизнь продлится до послѣднихъ предѣловъ, и смерть не будетъ страшна. Опыты вѣры и благочестивой жизни, если мы не полѣнимся совершать ихъ, скорѣе убѣдятъ насъ въ этомъ, чѣмъ опыты наукъ естественныхъ.

Есть ли однако средства примирить прогрессъ христіанскій съ прогрессомъ истинно научнымъ? Есть, и они въ нашихъ рукахъ.

Для этого нужно прежде всего выбросить изъ ученія о прогрессѣ, или вѣчномъ усовершенствованіи челоуѣчества эту тупую философскую идею о вѣчномъ матеріальномъ развитіи жизни самой изъ себя со включеніемъ сюда и челоуѣка, лишаемаго духовной половины своего существа, и представляющаго изъ себя вещь выдѣлываемую и усовершеншаемую въ громадной фабрикѣ природы.

Загѣмъ нужно возбуждать въ учащихъ и учащихся живое сознаніе обитающаго въ тѣлѣ ихъ духа и ощущеніе внутренней жизни, безъ всякаго сравненія превосходящей жизнь тѣлесную, и особенно плотскую, т. е. направляемую не только инстинктами, но еще и порочными склонностями и страстями. Это достигается не собираніемъ и заучиваніемъ только фактовъ, не производствомъ физическихъ опытовъ, а крѣпкимъ и самостоятельнымъ размышленіемъ о высшихъ вопросахъ жизни челоуѣческой и изученіемъ наилучшихъ рѣшеній этихъ вопросовъ. А чтобы это размышленіе и изученіе имѣло не научный только (хотя и самъ по себѣ питательный) интересъ, а интересъ познанія истины нашего высшаго назначенія и убѣжденія въ ней, для этого нужно выше всякаго другого знанія поставить изученіе божественнаго откровенія и наукъ его раскрывающихъ, иначе сказать: философское знаніе освѣщать и провѣрять откровеніемъ. За такимъ соединеніемъ знанія естественнаго и благодатнаго не замедлитъ пробудиться и стремленіе къ очищенію сердца, которое вводитъ въ общеніе съ Богомъ.

Далѣе,—выше всякихъ успѣховъ цивилизаціи нужно поставить нравственное развитіе обществъ челоуѣческихъ по руководству ученія Христова. Только при

условіи чистоты мыслей и правоты дѣлъ, заповѣдуемыхъ Господомъ нашимъ, возможно устройство внѣшняго благосостоянія и безопасное пользованіе пріобрѣтаемыми наукою усовершенствованіями общежитія.

Наконецъ, нужно отложить ученую гордость и самовосхваленіе, которыя несовмѣстимы ни съ истиннымъ значеніемъ человѣческаго знанія, какъ ограниченнаго, ни съ безпредѣльностью области познаваемаго, открытой человѣку. Особенно же не слѣдуетъ придавать значенія великихъ событій всѣмъ безъ разбора открытіямъ въ области естествознанія, которыя нынѣ принимаютъ уже характеръ *игрушекъ для взрослыхъ людей*.

Такимъ образомъ, опредѣляются слѣдующія существенныя черты истинно христіанскаго прогресса: приближеніе къ Богу вѣрою и благочестіемъ, благоустройство жизни развитіемъ частныхъ и общественныхъ добродѣтелей, облегченіе трудностей жизни и украшеніе ея научными познаніями и усовершенствованіями, не вредящими чистотѣ нравовъ, умѣренности и воздержанію.

Таковъ взглядъ и Благочестивѣйшаго Государя нашего на преуспѣваніе ввѣреннаго Ему Господомъ отечества нашего, какъ мы ясно видимъ изъ Его царственныхъ дѣяній и предначертаній. Его собственное благочестіе, любовь къ церкви, попеченіе о христіанскомъ просвѣщеніи народа, покровительство всѣмъ религіознымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, поощреніе всѣхъ честно трудящихся на истинную пользу отечества—и милостивымъ царскимъ словомъ, и щедрыми наградами,—все въ Его дѣятельности даетъ намъ понять, что Онъ хочетъ видѣть въ своемъ царствѣ не языческіе опыты прогресса, а твердое христіанское движеніе къ совершенству.

Помолимся отъ всего сердца да даруетъ Ему Господь утѣшеніе видѣть и въ нашей дѣятельности исполненіе благихъ Его желаній. Аминь.

О ПОКОѢ ВОСКРЕСНАГО ДНЯ.

(Продолженіе *).

Мнѣніе германской оффиціозной печати противъ обязательнаго соблюденія воскреснаго покоя рабочими было высказано по поводу проекта закона объ обязательности этого покоя. Представители нѣмецкаго народа въ рейхстагѣ въ началѣ 1888 года съ рѣдкимъ единодушіемъ приняли проектъ этого закона, выработанный предварительно въ комиссіи послѣ самаго тщательнаго изслѣдованія этого предмета. Такимъ образомъ нѣмецкій народъ въ большей и разсудительнѣйшей части своей пожелалъ стряхнуть иго воскресной работы, разрушительно дѣйствующее на душу и тѣло человѣка, и сдѣлать воскресенье, согласно его божественному назначенію, днемъ покоя. Можно сказать, что всѣ классы народа были воодушевлены однимъ желаніемъ: мы хотимъ опять имѣть воскресенье! И кто же воспротивился? Кто выступилъ съ упрямствомъ противъ общаго требованія объ изданіи покровительственнаго воскресному дню закона? Никто, кромѣ оффиціозной печати германскаго имперскаго канцлера. Рѣдко можно встрѣтить такое безразсудное и нечестивое сужденіе о воскресномъ вопросѣ, какъ въ *Съверо-Германской Всеобщей Газетѣ*, органѣ князя Бисмарка, которая тономъ непогрѣшимости снова выставляетъ возраженія, стократно опровергну-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1890 г., № 15.

тыя, и противъ каждаго идеальнаго проявленія народнаго духа приводить доводы безсердечнаго матеріализма. Вотъ слова ея о воскресномъ вопросѣ по поводу обсужденія его рейхстагомъ:

«Изъ чтенія доклада комиссіи и протоколовъ выносишь впечатлѣніе, что этотъ опытъ рѣшенія одной изъ труднѣйшихъ соціальныхъ проблеммъ былъ подготовленъ такъ плохо, что уже съ самаго начала исключалась возможность удачи. Чтобы судить о всеобщемъ введеніи обязательнаго воскреснаго покоя, нужно прежде всего уяснить, потерпитъ ли чрезъ это рабочій уменьшеніе заработка и какъ можетъ быть восполнено это уменьшеніе. Комиссія оказалась не способной подвергнуть этотъ вопросъ серьезному изслѣдованію, потому что въ докладѣ она покончила съ нимъ лаконическимъ замѣчаніемъ: уменьшеніе заработка тѣмъ меньше можетъ вызывать недоумѣніе, что оно по экономическимъ законамъ должно будетъ восполняться соотвѣтствующимъ повышеніемъ платы. Намъ о такомъ экономическомъ законѣ ничего не извѣстно, и потому мы желали бы, — желаніе это, конечно, раздѣляютъ съ нами многіе, — чтобы комиссія высказалась объ этомъ яснѣе. Ограниченіе времени работы, которое будетъ послѣдствіемъ обсуждаемаго нами проекта закона, ухудшитъ экономическое состояніе рабочаго. Рабочій, трудящійся въ теченіе недѣли однимъ днемъ меньше, теряетъ седьмую часть своего теперешняго недѣльнаго заработка, т. е. такую сумму, которая въ положеніи рабочаго равняется платѣ за квартиру. Не придумаешь, какой факторъ произведетъ упомянутое повышение заработной платы, какія основанія вынудятъ работодателя взять на свои плечи протори рабочаго. На христіанскую любовь къ ближнимъ политическая экономія полагаться не можетъ; иначе всѣ вообще законы въ этой области были бы излишни. Но чѣмъ же въ такомъ случаѣ оправдывается предположеніе комиссіи? Выставленное въ докладѣ положеніе, будто пріобрѣтаемое чрезъ воскресный покой рабочимъ укрѣпленіе силъ увеличитъ его способность къ труду, заслуживаетъ вниманія только въ той мѣрѣ, насколько оно доказываетъ незнаніе практической жизни. Масса нашего рабочаго населенія свободный воскресный день, конечно, прове-

детъ не въ тихомъ спокойствіи, съ цѣлію укрѣпиться къ слѣдующей рабочей недѣлѣ. Скорѣе большинство рабочихъ будутъ проводить воскресенье въ такихъ развлеченіяхъ, которыя физически ослабятъ ихъ по крайней мѣрѣ такъ же, какъ ежедневная работа; въ понедѣльникъ утромъ они обнаружатъ не только менѣе охоты, по и менѣе способности къ работѣ, чѣмъ въ субботу вечеромъ. И на чемъ держится предположеніе коммисіи, будто выйдетъ изъ обычая голубой понедѣльникъ? Почему рабочій прекратитъ это старинное учрежденіе? Мы убѣждены, что послѣ введенія обязательнаго воскреснаго отдыха голубой понедѣльникъ сдѣлается еще болѣе голубымъ.

Въ содержаніи этой статьи высказаны слѣдующія, болѣе чѣмъ языческія, положенія:

1) Ввести воскресный покой—значитъ сократить время труда рабочаго и этимъ ухудшить его положеніе.

2) Рабочій не можетъ обойтись безъ заработка, приобретаемаго имъ въ седьмой день и такимъ образомъ неотмѣннымъ экономическимъ закономъ осуждается на воскресный трудъ.

3) Нельзя рассчитывать, что при соблюденіи воскреснаго покоя плата за прочіе шесть дней повысится, потому что никто не можетъ понудить работодателя дать высшую плату.

4) Рабочему тѣмъ меньше можно предоставить право на отдыхъ, что онъ, безъ сомнѣнія, этимъ правомъ будетъ злоупотреблять.

Вліятельный органъ правленія Германской имперіи столь безсовѣстно попираетъ общепризнанныя требованія религіи, нравственности и трезвой хозяйственной политики народа! Если вышеприведенныя положенія истины, тогда просто нужно вычеркнуть заповѣдь о соблюденіи седьмого дня изъ катехизиса государственной религіи. Эти положенія не укоренятъ ли въ рабочихъ классахъ мысли, что они не больше, какъ рабы капитала? Не воспитаютъ ли они въ нихъ озлобленія противъ правительства за то, что оно не гарантируетъ имъ пользованія элементарнымъ правомъ всякаго человѣка—правомъ отдыха въ воскресные дни? Эти положенія только на первый взглядъ кажутся убѣдительными и неопровержимыми, а на самомъ дѣлѣ они несостоятельны даже съ эконо-

номической и гигиенической точки зрѣнія на трудъ и отдыхъ. Мы выше примѣромъ ученаго и учебнаго труда доказали, что во всѣхъ тяжелыхъ работахъ не достаточно для отдыха и восстановления силъ не только пятидесяти двухъ воскресныхъ дней и десяти праздниковъ, которые признаны и протестантами, но едва достаточно девяноста дней. А между тѣмъ есть работы, столь тяжкія и изнурительныя, что для полныхъ сутокъ употребляются три, четыре и даже болѣе смѣнъ рабочихъ, и все-таки онѣ изнуряютъ силы этихъ несчастныхъ; такова, напр., топка машинъ и доменныхъ печей. Но легче ли работа въ рудникахъ, на химическихъ заводахъ, на спичечныхъ фабрикахъ, на зеркальныхъ заводахъ и многихъ другихъ, гдѣ ядовитые продукты производства, или до крайности испорченный воздухъ медленно, но вѣрно отравляютъ организмъ рабочихъ? Легче ли трудъ тѣхъ, которые подвергаютъ свои мускулы крайнему напряженію, а внутренности сильному сотрясенію чрезъ то, что они ударяютъ огромнымъ молотомъ, или поднимаютъ и переносятъ тяжести и т. п.? Неужели и всѣ таковыя должны работать семь дней въ недѣлѣ только потому, что иначе, если они будутъ пользоваться воскреснымъ отдыхомъ, они потеряютъ часть заработка? Такое выгадываніе крайне невыгодно, и подобный экономическій расчетъ граничитъ съ полною неразчетливостію. Кто постоянно отказывается себѣ въ отдыхѣ по принципѣ недосуга, тотъ рано или поздно вынужденъ будетъ бездѣйствовать, чтобы лѣчиться; трата времени и денегъ на лѣченія далеко превзойдетъ отрицательный недочетъ, получаемый чрезъ воскресный отдыхъ. Хроническіе недуги, преждевременная дряхлость и старость, не своевременная смерть и рановременная утрата или, по крайней мѣрѣ, уменьшеніе способности къ труду— вотъ печальныя въ экономическомъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ результаты усиленнаго труда, не облегчаемаго периодически пѣлодневнымъ отдыхомъ. Мы не говоримъ уже о томъ, что едва ли работающій семь дней въ недѣлю сдѣлаетъ больше, нежели работающій шесть дней и одинъ день отдыхающій. У перваго не можетъ быть столько охоты и энергіи къ труду, сколько у втораго. Трудъ перваго качественно бу-

детъ хуже, количественно развѣ немного больше труда второго. Въ общемъ итогѣ благоразумно отдыхающій въ теченіе воскреснаго дня выгадаетъ и въ сохраненіи своего здоровья, и въ поддержаніи экономическаго благосостоянія себя и своей семьи больше, нежели работающій сплошь все дни. Мы лично глубоко убѣждены, что даже при сравнительно легкихъ работахъ воскресный отдыхъ необходимъ для поддержанія бодрости духа и энергіи въ трудѣ. Нѣмецкій рабочій бѣденъ—это правда. Но онъ не улучшитъ своего матеріальнаго состоянія воскресной работой. Возвысить его благосостояніе могутъ уменьшеніе потребностей, возвышеніе нравственнаго уровня, повышеніе, гдѣ это возможно и справедливо, заработной платы и другія условія, смотря по мѣстности, времени, видамъ труда и производства, и инымъ отношеніямъ. Воспрепятствовать развитію пролетаріата, улучшить матеріальное благосостояніе рабочихъ классовъ, устранить кореннымъ образомъ причины недовольства ихъ и положить конецъ стачкамъ и волненіямъ рабочихъ—дѣло чрезвычайно трудное для государствъ Запада. Развитіе машиннаго производства и другія причины вызвали чрезмѣрное скопленіе капиталовъ въ немногихъ рукахъ, которыя, притомъ, къ несчастію, оказались руками не христіанъ, а евреевъ, до крайности съузили предѣлы ручного труда, умножили количество свободныхъ рабочихъ рукъ и этимъ путемъ понизили заработную плату. Утрата низшими классами общества старинной простоты въ образѣ жизни, умноженіе потребностей безъ возможности постоянного удовлетворенія ихъ, упадокъ семейнаго и религіознаго начала и развращеніе нравовъ въ средѣ рабочихъ, живущихъ большими массами въ многолюдныхъ городахъ и фабрично-промышленныхъ центрахъ, развивающаяся въ семейнаго очага въ большихъ артеляхъ рабочихъ склонность къ гульбѣ и разврату, еще болѣе способствуютъ обѣднѣнію и даже производятъ полное разореніе рабочихъ. Такимъ образомъ первоисточники бѣдности и недовольства рабочихъ классовъ заключаются въ самомъ строѣ, въ самой жизни современнаго общества, въ началахъ политико-экономическаго устройства послѣдняго. Вотъ почему все мѣры, предпринимаемыя для

уврачеванія экономическихъ золъ въ Западной Европѣ, касаются только поверхности его, суть палліативы и полумѣры и не могутъ быть иными, а потому самое зло продолжаетъ существовать. Рекомендуемая органомъ Бисмарка воскресная работа въ качествѣ средства противъ еще большаго об'ѣднѣнія рабочихъ классовъ есть одна изъ такихъ полумѣръ, и притомъ самая ненадежная, не цѣлесообразная и даже положительно вредная. Но государственные люди и политико-экономисты Запада, не исключая и Бисмарка, не сумѣли придумать дѣйствительныхъ средствъ противъ экономической неурядицы, распространенія пролетаріата и недовольства среди низшихъ классовъ, противъ социализма и анархизма, и, подобно утопающему, хватаются за соломинку. Теперешній Германскій императоръ, какъ видно изъ созыва имъ конференціи по рабочему вопросу, смотритъ на воскресный отдыхъ совершенно иначе, нежели Бисмаркъ; равнымъ образомъ и сама Конференція высказалась за непркосновенность воскреснаго покоя. Разумѣется, никакая конференція не можетъ уврачевать всѣхъ социальныхъ золъ. Но во всякомъ случаѣ убѣжденіе членовъ Берлинской Конференціи и Германскаго императора въ необходимости для рабочихъ отдыхать въ воскресные дни основано на правильномъ въ экономическомъ, гигиеническомъ и религіозно-правственномъ отношеніи взглядѣ на воскресный покой, на значеніе его и на право и обязанность каждаго человѣка пользоваться имъ. Наше личное мнѣніе то, что требованія гражданъ, къ какому бы званію, состоянію и сословію они ни принадлежали, должны быть удовлетворяемы, если эти требованія основываются на законѣ Божіемъ, церковномъ, гражданскомъ, или на общечеловѣческомъ правѣ; напротивъ, незаконныя требованія должны быть отвергаемы безъ поблажки, съ твердымъ постоянствомъ. Что касается до вопроса о различеніи первыхъ требованій отъ вторыхъ въ частныхъ случаяхъ и объ узаконеніи новыхъ требованій, то, конечно, это задача трудная, такъ какъ требованія мѣняются соотвѣтственно переменамъ самой жизни. Надъ рѣшеніемъ этой задачи должны трудиться и трудятся государственные люди, администраторы, законовѣды, ученые, мыслители, пуб-

лицы и проч. Но по отношенію собственно къ покою воскреснаго дня не можетъ даже и возникать вопросъ о законности или незаконности требованія его. Право и вмѣстѣ обязанность каждаго человѣка, изъ какого бы онъ ни былъ званія и сословія, въ какомъ бы ни жилъ государствѣ, къ какой-бы ни принадлежалъ религія, отдыхать въ день недѣльный основываются на законѣ Божіемъ, на законахъ государственныхъ, на законѣ природы. Каждое благоустроенное государство не только должно предоставлять и обезпечивать всѣмъ и каждому возможность и удобства пользоваться этимъ правомъ, но и обязывать осуществлять его и принимать мѣры противъ нарушенія этого права и обязанности.

Очевидно, *Сверло-Германская Всеобщая Газета* оправдываетъ воскресную работу экономической необходимостію. Окончательный выводъ изъ ея разсужденій слѣдующій: «если бы рабочій могъ выработать достаточное для содержанія себя и своей семьи количество денегъ въ теченіе шести дней изъ семи, то въ такомъ случаѣ можно было бы обязать его не работать въ воскресенье; но такъ какъ онъ не можетъ покрыть своихъ издержекъ шестидневнымъ заработкомъ, то и нельзя налагать на него обязанности покоиться въ воскресные дни». Дозволеніе нарушать четвертую заповѣдь здѣсь мотивируется тѣмъ, что чрезъ это можетъ быть достигнуто нѣкоторое матеріальное улучшеніе бѣднѣйшихъ классовъ населенія и, косвенно, спокойствіе и благоденствіе народа и государства; однимъ словомъ, нарушеніе четвертой заповѣди выставляется какъ социальная и государственная необходимость и оправдывается достигаемыми будто бы чрезъ него важными выгодами для народа и государства, и, въ частности и въ особенности, для рабочихъ, бѣднѣйшихъ, классовъ.

Подобныя оправданія и даже требованія огульнаго и какъ бы лояльнаго поруганія четвертой заповѣди, во имя экономической необходимости и ради соблюденія частныхъ, общественныхъ и государственныхъ интересовъ, предъявляются не въ одной Германіи, а встрѣчаются и у насъ въ Россіи. Вотъ характерный во многихъ отношеніяхъ примѣръ близорукаго и фальшиваго, по нашему мнѣнію, радѣнія о частныхъ, народныхъ и государственныхъ интересахъ

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1888 года отъ бывшаго управляющаго Юго-Западными желѣзными дорогами г. Витте послѣдовало официальное отношеніе къ высокопреосвященному Никанору, архіепископу Херсонскому и Одесскому, слѣдующаго содержанія:

«Вскорѣ за уборкой хлѣбовъ наступаетъ ежегодно, въ продолженіи трехъ-четырехъ мѣсяцевъ, періодъ усиленной подвозки ихъ къ желѣзнымъ дорогамъ въ такихъ громадныхъ количествахъ, что на многихъ станціяхъ образуются залежи грузовъ, парализующія правильный ходъ движенія на дорогахъ и крайне вредно отражающіяся на интересахъ торговли и промышленности. Нарушая связанныя съ своевременной перевозкой грузовъ расчеты и комбинаціи торговли, служа причиною медленнаго оборота капиталовъ и лишая, наконецъ, возможности выполненія заключенныхъ на срокъ сдѣлокъ, подобныя залежи возбуждаютъ въ средѣ торгово-промышленнаго міра несправедливыя жалобы и нареканія на желѣзныя дороги.

«Въ годы обильныхъ урожаевъ въ краѣ отъ такихъ обвиненій не были свободны и юго-западныя желѣзныя дороги. Сведя при сихъ обстоятельствахъ все нареканія къ тому, что дороги эти, будто бы, не имѣютъ достаточнаго количества подвижнаго состава соотвѣтствующаго предъявляемой къ перевозкѣ массѣ грузовъ, публика обвиняла ихъ въ безразличномъ отношеніи къ настоящимъ нуждамъ торговли и промышленности. Между тѣмъ изъ ближайшаго изученія дѣла усматривается, что во всѣхъ указанныхъ выше вредныхъ явленіяхъ менѣе всего должны были быть обвиняемы дороги, такъ какъ за все время существованія провозоспособность ихъ никогда не исчерпывалась и не была ниже количества предъявляемыхъ имъ къ перевозкѣ грузовъ, и никогда совокупность производства всѣхъ операцій по перевозкѣ не доходила предѣловъ возможной для нея напряженности. Желѣзныя дороги, будучи приспособлены къ непрерывной работѣ и производя такую безостановочно днемъ и ночью, въ будни и въ праздники, весьма часто, по причинамъ отъ нихъ не зависящимъ, выполняютъ свою задачу безъ той интенсивности, на которую онѣ способны и къ которой онѣ подготовлены великими

жертвами и усиліями правительства, затратившаго съ этою общегосударственною цѣлью сотни милліоновъ народнаго достоянія. — Къ категоріи этихъ причинъ на юго-западныхъ желѣзныхъ дорогахъ должно быть отнесено, между прочимъ, то обстоятельство, что въ воскресные и праздничные дни станціи дорогъ, за неимѣніемъ рабочихъ рукъ, лишены возможности производить операціи нагрузки и выгрузки товаровъ. Отсутствіе рабочихъ, не смотря на предлагаемую имъ высокую заработную плату, объясняется внушеніями мѣстныхъ духовныхъ лицъ и, подѣ влияніемъ сихъ внушеній, прямымъ запрещеніемъ со стороны мѣстныхъ низшихъ агентовъ администраціи населенію выходить въ праздничные дни на работу. Вполнѣ понимая высоко-нравственныя цѣли, руководящія подобнымъ запрещеніемъ, я тѣмъ не менѣе позволяю себѣ думать, что никакой честный трудъ въ праздничные и воскресные дни, трудъ, облегчающій замѣшательства въ правильномъ ходѣ работъ на желѣзныхъ дорогахъ и тѣмъ самымъ способствующій къ устраниенію потерь въ экономической жизни страны, не можетъ почитаться безнравственнымъ, тѣмъ болѣе, что единственнымъ выходомъ изъ ненормальнаго положенія торговли и промышленности представлялось бы тогда приспособленіе желѣзныхъ дорогъ, къ работамъ лишь въ будни и сообразно предъявляемымъ къ нимъ грузамъ — въ періодъ лишь трехъ или четырехъ мѣсяцевъ въ году, но такое приспособленіе могло бы потребовать со стороны правительственнаго казначейства и за нимъ стоящаго податнаго класса населенія новыхъ такихъ тяжкихъ жертвъ, на которыя едва ли рѣшится правительство. Въ сихъ видахъ и во вниманіе выяснившихся результатовъ урожая текущаго года, я долгомъ пріемлю почти тельнѣйше просить ваше высокопреосвященство не отказать въ соотвѣтственныхъ указаніяхъ мѣстному духовенству».

На этомъ, замѣчательномъ во многихъ отношеніяхъ, документѣ, высокопреосвященный Никаноръ написалъ слѣдующую резолюцію: «Г. Витте желаетъ, чтобы православный архіерей обратился къ православному народу съ проповѣдью, чтобы православные русскіе люди еще меньше уважали свои воскресные и праздничные дни, чѣмъ уважаютъ. Народъ нашъ

тяжко нуждается въ урокахъ совершенно обратнаго смысла и духа. Пускай г. Витте обратится съ своимъ предложеніемъ къ еврейскимъ раввинамъ, чтобы тѣ вотъ внушили евреямъ, что имъ не слѣдуетъ чтить свои субботы и праздники. А евреи дѣйствительно чтутъ свои праздничные дни, чѣмъ могли бы давать добрый примѣръ я христіанамъ, особенно же православнымъ». Объ этомъ объявлено къ свѣдѣнію и руководству епархіальнаго духовенства ¹⁾.

Отказъ рѣшительный и энергически выраженный, вполне достойный православнаго архипастыря! Онъ былъ вызванъ необычайною смѣлостію и въ то же время безосновательностію ходатайства. Соотвѣтственно своему званію высокопреосвященный Никаноръ не уважилъ ходатайства по требованію вѣры, по соображеніямъ религіозно-правственнымъ. Но отношеніе г. Витте не выдерживаетъ критики и съ экономической точки зрѣнія.

Г. Витте старался придать чрезвычайную силу и внушительность своей просьбѣ тѣмъ, что поставилъ въ основаніе ея охрану матеріальныхъ интересовъ народа и государства, которыя, будто бы страдаютъ отъ соблюденія праздничнаго и воскреснаго покоя. Этимъ, а равно и софистическимъ мнѣніемъ, будто никакой честный трудъ въ праздники и воскресенье не можетъ почитаться безнравственнымъ, г. Витте какъ бы желалъ извиниться предъ архипастыремъ и пастырями церкви, что онъ поставляетъ ихъ въ крайне неестественное положеніе убѣждать народъ, не исполнять одну изъ главныхъ заповѣдей Божіихъ.

Но дѣйствительно ли экономическіе интересы страны страдаютъ отъ соблюденія праздничнаго покоя въ такой степени, какъ думаетъ г. Витте? Вызывается ли нарушеніе этого покоя въ данномъ случаѣ государственною необходимостію? Что на станціяхъ бываютъ залежи хлѣба, и что отъ этого народъ несетъ убытки, это правда; но дѣйствительно ли прекращеніе нагрузки и разгрузки вагоновъ въ воскресные и празднич-

¹⁾ Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости. См. также «Православное Обзорніе» 1888 г. Декабрь. 810 и 811 стр.

ные дни служить важной причиной образованія этихъ залежей, или же скопленіе грузовъ зависитъ не отъ этой, а отъ другихъ причинъ? Не на эти ли другія причины и слѣдуетъ обратить вниманіе? Нельзя ли соблюсти интересы народа и гоеударственнаго казначейства и безъ нарушенія заповѣди Божіей, безъ оскорбленія святости христіанскихъ праздниковъ, безъ развращенія народа?

Допустимъ для примѣра, что прекращеніе нагрузки и разгрузки товаровъ по воскресеньямъ и праздникамъ причиняетъ значительные убытки стравѣ и что чрезъ дозволеніе нагружать вагоны въ эти дни убытки и прекратились бы. Но выгодно ли матеріальные барыши покупать такой дорогой цѣной, какъ прямое нарушеніе одной изъ основныхъ заповѣдей Божіихъ? Нельзя разсчитывать на прочность экономическаго благосостоянія страны, если однимъ изъ основаній его будетъ пренебреженіе основными требованіями религіи и нравственности. Безправственная дѣятельность безусловно вредна и для матеріальныхъ интересовъ. Принять проектъ г. Витте, -- значитъ одной рукой собирать, а другой расточать. Самъ г. Витте не можетъ отвергнуть этой истины прямо, ибо онъ заявляетъ, что понимаетъ высоко-нравственныя цѣли, при запрещеніи работы въ праздники; но онъ старается ослабить обязательность этой истины тѣмъ соображеніемъ, что «никакой честный трудъ въ праздники не можетъ почитаться безнравственнымъ». Если всякій честный трудъ въ праздники не безнравственъ, слѣдовательно вполне допустимъ, то зачѣмъ же дана четвертая заповѣдь? зачѣмъ и почему она доселѣ соблюдается всѣми христіанами и іудеями? Повелѣвая производить всякія дѣла только въ теченіе шести дней и запрещаая дѣлать ихъ въ седьмой день она, очевидно, имѣетъ въ виду именно честный трудъ. А нечестныя дѣла, какъ напр., дѣланіе фальшивыхъ ассигнацій, совершеніе подлоговъ, кражи и т. п. безнравственны, хотя бы они производились и въ будни. Они запрещаются не четвертой, а другими заповѣдями.

Мы предположили для примѣра, что воскресный и праздничный покой составляетъ въ разсматриваемомъ отношеніи важную причину экономическихъ убытковъ страны, но на са-

момъ дѣлѣ г. Витте до крайности преувеличилъ вліяніе этой причины на вредную для народа задержку въ движеніи грузовъ.

Прежде всего, самъ г. Витте признаетъ праздничный и воскресный покой только одной, хотя и важной изъ причинъ задержки въ движеніи грузовъ. Но на самомъ дѣлѣ эта причина маловажна, а есть другія, дѣйствительно важныя причины замедленія въ движеніи грузовъ, устраненіемъ которыхъ и нужно бы заняться.

Если бы на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ въ праздники прекращалось самое движеніе товарныхъ поѣздовъ, это, дѣйствительно, служило бы важной причиной образованія залежей грузовъ на станціяхъ. А прекращеніе нагрузки и разгрузки товаровъ въ праздники можетъ задерживать движеніе грузовъ только въ томъ случаѣ, если нѣтъ достаточнаго количества вагоновъ. Представимъ себѣ, что на Юго-Западныхъ желѣзныхъ дорогахъ въ осенніе мѣсяцы требуется ежедневно 1000 грузильщиковъ подъ условіемъ, чтобы они работали и въ праздники, какъ желаетъ г. Витте; въ недѣлю они сдѣлаютъ столько, сколько 7000 въ одинъ день. Допустимъ, что каждую недѣлю, кромѣ воскресенья, бываетъ еще одинъ праздникъ, такъ что рабочихъ дней на недѣлѣ выходитъ только пять. Что намъ препятствуетъ приглашать въ каждый рабочий день не тысячу, а тысячу четыреста грузильщиковъ? А недостатка рабочихъ рукъ въ Юго-Западной Россіи осенью и зимой быть не можетъ. Очевидно, въ теченіе пяти дней 1400 рабочихъ сдѣлаютъ столько, сколько 1000 рабочихъ въ теченіе семи дней. А правильнѣе сказать, они сдѣлаютъ больше тѣхъ, которые не отдыхаютъ въ праздникъ. Г. Витте не хочетъ взять въ толкъ, что нагрузка и разгрузка—работа тяжелая. Самый сильный человѣкъ не выдержитъ, если онъ будетъ усердно нести эту работу въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ, не имѣя ни одного дня отдыха. А такъ какъ никто не пожелаетъ надрывать свои силы, то грузильщики будутъ работать такъ, какъ работаютъ подещики, когда при нихъ нѣтъ надсмотрщика.

Не отъ воскреснаго и праздничнаго покоя, а отъ желѣзнодорожныхъ порядковъ, или лучше, беспорядковъ, образуются залежи грузовъ на станціяхъ.

Г. Витте увѣряетъ, что подвижной составъ и провозоспособность на Юго-Западныхъ дорогахъ превышаетъ даже норму, говоря проще, недостатка въ товарныхъ вагонахъ нѣкогда не бываетъ. Но мы, къ счастью, имѣемъ официальное опроверженіе этого. Именно, коммиссія, назначенная для изслѣдованія причинъ каменноугольнаго кризиса, постигшаго южную окраину зимой 1888—89 гг. въ числѣ этихъ причинъ указала и недостатокъ подвижного состава на тамошнихъ желѣзныхъ дорогахъ? Не отъ избытка ли подвижного состава даже для царскаго поѣзда былъ прицѣпленъ одинъ паровикъ пассажирскій, а другой—товарный?

Въ настоящее время министерство путей сообщенія утвердило проектъ увеличенія товарной провозоспособности желѣзныхъ дорогъ, а именно, вводятся товарные поѣзда усиленной скорости, въ видахъ болѣе быстраго оборота вагоновъ и болѣе частой отправки поѣздовъ; кромѣ того, обращено вниманіе на правильную эксплуатацію подвижного состава и увеличеніе подъемной силы вагоновъ до однообразнаго максимальнаго размѣра не менѣе 150 пудовъ.

Кромѣ недостатка вагоновъ, накопленіе залежей груза можетъ происходить отъ недостатка расторопности и энергіи служащихъ, отъ неаккуратности въ отправкѣ и движеніи поѣздовъ, отъ свойственной Русскимъ мѣшкотности и халатности. Если уже пассажирскіе поѣзда запаздываютъ на нѣкоторыхъ дорогахъ даже лѣтомъ, то можно ли ожидать точности въ исполненіи распisanія товарныхъ поѣздовъ? Если бы отвѣтственные въ замедленіи движенія лица подвергались штрафу, тогда, быть можетъ, и залежей-то не было бы? Если у насъ ежегодно приносятся въ жертву желѣзно-дорожному Молоху десятки, почти сотни людей, и эти жертвы остаются почти не отмщенными, то можно ли ручаться за исправность въ отправкѣ и движеніи грузовъ, когда неисправность этого рода совершенно безнаказанна? Нѣтъ ничего удивительнаго, что на желѣзно-дорожные порядки сыплются жалобы со всѣхъ сторонъ. Въ огромномъ большинствѣ случаевъ эти жалобы справедливы, и напрасно г. Витте старается доказать несправедливость этихъ жалобъ, сваливая вину на воскресный и

праздничный отдыхъ грузилъщиковъ: едва ли кто ему повѣритъ.

Мы остановились довольно долго на неудавшемся проектѣ г. Витте по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, за границей, въ Швейцаріи напримѣръ, обратили вниманіе на то, что желѣзныя дороги отвлекаютъ отъ христіанскаго провозженія праздниковъ слишкомъ большое число людей и этимъ путемъ деморализуютъ общество. Для ослабленія этого зла, тамъ были сдѣланы даже попытки добиться отъ правительства запрещенія движенія товарныхъ поѣздовъ по воскресеньямъ. Правда, эти попытки пока не удались вслѣдствіе отказа со стороны Германскаго правительства, согласіе котораго въ этомъ дѣлѣ требовалось. Но замѣчательно уже и то, что за границей находятъ нужнымъ сократить желѣзно-дорожную дѣятельность по воскресеньямъ, а у насъ г. Витте замышляетъ ее расширить. Не слѣдуетъ также забывать, что въ Англійи число желѣзно-дорожныхъ поѣздовъ въ воскресенье уменьшается въ четыре съ половиною раза противъ будничнаго дня.

Дѣйствительно, желѣзныя дороги отвлекаютъ отъ посѣщенія церкви въ воскресные и праздничные дни массу работающаго и разъѣзжающаго на нихъ народа, подрываютъ этимъ путемъ въ народѣ религіозность и память о Богѣ, нарушаютъ святость праздничныхъ дней и ведутъ къ упадку вѣры. Это огромное зло. Его теперь у насъ не сознаютъ частію потому, что желѣзныя дороги существуютъ въ Россіи недавно и зло не успѣло еще распространиться, частію потому, что оно неуловимо и мало замѣтно. Но если во время не примутъ противъ него мѣръ, то оно съ теченіемъ времени отравитъ значительную часть населенія. Это — крайне дурной признакъ, когда простолюдинъ, волей или неволей, не ходитъ въ церковь и не соблюдаетъ постовъ. Религіозность простолюдина состоитъ главнымъ образомъ въ соблюденіи внѣшнихъ обрядовъ. По преданію отъ отцовъ онъ считаетъ хожденіе въ церковь и соблюденіе постовъ главнѣйшею своею религіозною обязанностію и нарушеніе ея — величайшимъ грѣхомъ. Поэтому если онъ не соблюдаетъ церковныхъ обрядовъ, это значитъ, что

онъ сталъ забывать Бога. Дѣйствительно, церковная служба составляетъ для него почти единственную духовную пищу: она воспитываетъ и оживляетъ въ немъ религіозность и нравственное чувство и наполняетъ его столь необходимымъ ему страхомъ Божиимъ.

Если онъ самъ добровольно лишаетъ себя этой пищи, это признакъ духовнаго омертвѣнія и равнодушія къ вѣрѣ: если общество, или частныя лица будутъ препятствовать ему питаться этой пищей, то это будетъ вѣрнымъ средствомъ вести народныя массы къ религіозному равнодушію и даже невѣрію, къ нравственной распущенности, къ одичанію.

А одичалый народъ — это бѣшеный конь, котораго ничто не можетъ сдержать. Неужели мы глухи къ громовымъ взрывамъ, которые стали все чаще и сильнѣе раздаваться изъ среды рабочихъ классовъ въ западныхъ государствахъ? Правда, рабочіе поднимаютъ тамъ кровавое знамя бунта или потому, что совсѣмъ не имѣютъ работы и умираютъ съ голоду, какъ это было и есть въ Лондонѣ, или потому, что заработная плата слишкомъ мала и не удовлетворяетъ ихъ насущныхъ нуждъ, какъ это было въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, во Франціи, Германіи и въ Бельгіи. У насъ такой бѣдности нѣтъ. Но съ развитіемъ машиннаго производства и съ умноженіемъ населія она можетъ явиться и у насъ. Конечно, для предотвращенія ея должны быть принимаемы экономическія мѣры. Но никакая политическая экономія не спасетъ народа отъ бѣдности, если въ немъ ослабѣютъ нравственныя начала, никакія экономическія улучшенія не будутъ представлять достаточной гарантіи противъ революціоннаго духа, если въ черни станетъ угасать свѣточъ религіозной вѣры. Почему сельское населеніе, какъ ни бѣдно оно во многихъ мѣстностяхъ Западной Европы, никогда не бунтовало, но бунты всегда возгарались или въ фабричныхъ округахъ, или въ большихъ городахъ, какъ въ Парижѣ? Безъ сомнѣнія, провинціальное населеніе, преданное мирной дѣятельности и честному труду, чуждается революціоннаго движенія потому, что послѣднее грозитъ нарушить его трудолюбивую жизнь и дѣятельность, и потому всегда готово поддержать правитель-

ство, лишь бы оно обезпечивало миръ и давало возможность всякому гражданину въ полной безопасности заниматься своимъ личнымъ полезнымъ дѣломъ. Но кромѣ этой, чисто-экономической и соціальной причины нерасположенія провинціального населенія къ революціи, есть другая причина того же явленія: строгость нравовъ и религіозность. Напротивъ, въ столичной черни и фабричномъ людѣ гнѣздятся развратъ, безнравственность, безбожіе; а при такихъ свойствахъ чело-вѣкъ становится наглымъ, теряетъ уваженіе къ порядку и закону, нравственная распущенность вызываетъ распущенность соціальную, и если къ этому еще присоединяется бѣдность, то достаточно какого-нибудь политическаго или соціального толчка, или даже сумасбродной рѣчи революціоннаго вожака для того, чтобы безнравственная столичная чернь превратилась въ революціонеровъ.

Во-вторыхъ, проектъ г. Витте по своимъ принципамъ во-все не есть явленіе исключительное. Каждому изъ насъ случалось слышать разсужденія слѣдующаго характера: мы не отрицаемъ святости христіанскихъ праздниковъ, но честный трудъ не оскорбителенъ для праздниковъ, и не есть грѣхъ предъ Богомъ, напротивъ, грѣшнѣе лѣниться; при томъ же, работать въ праздники заставляеть необходимость, напримѣръ, крайняя нужда, или невозможность управиться съ дѣлами въ будни, или неотложность дѣлъ; измышляются и другія, смотря по случаю, доказательства въ пользу необходимости производить работы и въ праздники и т. д.

Но стоитъ только повнимательнѣе вникнуть въ такіа разсужденія, и найдешь, что они состоятъ изъ софизмовъ, что изъ пяти случаевъ въ трехъ-четырехъ нѣтъ дѣйствительной необходимости работать въ праздники, что требованіе праздничной работы почти всегда вытекаетъ изъ эгоистическаго расчета и неуваженія къ праздникамъ и проч. Добываемая праздничной работой выгоды суть частныя выгоды и отнюдь не могутъ способствовать общенародному благосостоянію: выгоды для однихъ, онѣ вредны для другихъ и во всякомъ случаѣ не могутъ покрыть причиняемаго праздничной работой ущерба физическаго и душевнаго здоровья.

Но точно ли воскресный отдыхъ полезенъ въ гигиеническомъ, экономическомъ и религіозно-нравственномъ отноше-ніи? Говорятъ, что онъ полезенъ только при хорошемъ поль-зованіи имъ, когда человѣкъ употребляетъ воскресный день на слушаніе церковнаго богослуженія, чтеніе книгъ, сонъ, невинныя увеселенія въ семьѣ, или среди знакомыхъ, или въ общественныхъ собраніяхъ и т. п. Но такого рода провозжде-ніе его въ дѣйствительности встрѣчается рѣдко, особенно въ средѣ рабочихъ, низшихъ классовъ. Большинство ремеслен-никовъ и рабочихъ всѣхъ видовъ въ праздники предаются грубому разгулу. Они пропиваютъ и прогуливаютъ въ вос-кресенье заработокъ нѣсколькихъ дней, или даже цѣлой не-дѣли; теряютъ способность къ работѣ въ понедѣльникъ; въ опьянѣніи становятся буйными, отъ чего страдаютъ жена и дѣти, порываются семейныя связи, совершаются даже и пре-ступленія; пьяный разгулъ благопріятствуетъ разврату. Та-кимъ образомъ, рабочіе, злоупотребляющіе воскреснымъ от-дыхомъ, подрываютъ свое здоровье, опустошаютъ свои кар-маны, мучаютъ близкихъ себѣ людей, развращаютъ себя и свои семейства, а иногда сами себя ввергаютъ въ арестант-ское и даже тюремное заключеніе.

Всѣ эти факты слишкомъ заурядны, чтобы можно было ос-паривать ихъ. Но праздничная ли свобода отъ работы слу-жить причиной или хотя бы только косвеннымъ условіемъ разгула рабочихъ? Мы сильно въ этомъ сомнѣваемся.

Отнимите у рабочихъ возможность гулять въ праздники, они будутъ гулять въ будни. Они могутъ дѣлать это тѣмъ легче, что и въ рабочіе дни они бывають свободны отъ сво-ихъ обязанностей послѣ заката солнца. Спрашивается, кто можетъ удержать рабочаго отъ гульбы въ теченіе вечера ра-бочаго дня, подобно тому, какъ никто не въ состояніи удер-жать его отъ этого въ праздники? Гульба вечера повлечетъ гульбу въ продолженіи цѣлаго рабочаго дня. Будетъ то же, что и теперь. Быть можетъ на первыхъ порахъ рабочій станетъ крѣпиться, но достаточно ему разъ превратить рабочій день въ разгульный, и затѣмъ онъ уже будетъ обрывать свою ра-боту, какъ только ему заблагоразсудится. Нарушеніе своихъ

обязательствъ предъ работодателемъ онъ постоянно будетъ извѣнчать слабостію, заразительнымъ примѣромъ сотоварищей, наконецъ, тѣмъ соображеніемъ, что нужно же когда-нибудь и отдохнуть и разгуляться, нельзя же вѣкъ работать изо дня въ день. Однимъ словомъ, рабочій будетъ приводить въ свое оправданіе предъ судомъ своей совѣсти, своей семьи и своего хозяина всѣ тѣ доводы, которыми онъ теперь оправдываетъ прогуль въ понедѣльникъ, а чаще и вовсе не станетъ оправдываться, и на упреки жены, или хозяина отвѣтитъ: «я гуляю на свои деньги, и никто не можетъ мнѣ въ этомъ препятствовать». Правда, отъ крупныхъ работодателей и капиталистовъ рабочіе находятся въ зависимости, и потому первые угрозой отказывать отъ мѣста неисправнымъ рабочимъ могутъ удерживать ихъ отъ гульбы. Но мелкіе хозяева, т. е. огромное большинство работодателей, имѣютъ такъ мало власти надъ своими рабочими, что во многихъ случаяхъ сами вынуждаются завскаивать у нихъ.

На чемъ же мы основываемъ свое мнѣніе, что рабочихъ нельзя удержать отъ гульбы праздничнымъ трудомъ? На присущей человѣку и неискоренимой потребности развлеченій. Какъ ни отвратительна сама по себѣ гульба, доводящая человѣка до состоянія скотства, какъ ни зловредна она по своимъ послѣдствіямъ, но она есть неизбѣжное зло, коренящееся частію въ натуральной потребности человѣка имѣть развлеченія, частію въ строѣ общественной жизни образованныхъ народовъ. У всѣхъ народовъ, начиная съ самыхъ образованныхъ и кончая самыми дикими, есть общественныя и частныя увеселенія, игры, зрѣлища, празднества; съ другой стороны, нѣтъ ни одного народа, который бы не употреблялъ веселящихъ, возбуждающихъ нервы, горячащихъ кровь и усиливающихъ дѣятельность воображенія напитковъ или куреній. Потребность увеселеній живетъ въ человѣкѣ отъ колыбели до могилы, она только видоизмѣняется соотвѣтственно возрастамъ: свои забавы, игры и увеселенія въ младенчествѣ, дѣтствѣ, отрочествѣ и въ каждомъ изъ прочихъ возрастовъ. Мы не говоримъ, хорошо это или дурно; мы отмѣчаемъ фактъ, широта распространенія котораго посреди людей

свидѣтельствуемъ объ его неизбѣжности и необходимости. И чѣмъ больше человѣкъ трудится, тѣмъ необходимѣе и полезнѣе ему развлеченія. Вспомнимъ русскую пословицу: «мѣшай дѣло съ бездѣльемъ—вѣкъ съума не сойдешь». Чѣмъ однообразнѣе, постояннѣе, тяжелѣе трудъ, чѣмъ болѣе онъ механиченъ и менѣе осмысленъ въ своемъ процессѣ: тѣмъ болѣе полезень и необходимъ для работающаго отдыхъ. Но, кромѣ сна, ничто не доставляетъ человѣку столь дѣйствительнаго отдыха и облегченія, душевнаго и тѣлеснаго, ничто не вливаетъ въ него столько бодрости, крѣпости и примиряющаго чувства, какъ веселость. Еще болѣе необходимы развлеченія для тѣхъ, которые, кромѣ трудовъ, утомлены, раздражены и отягощены заботами, семейными и всякими другими непріятностями, житейскими дрязгами и т. п., или по самой природѣ склонны къ меланхоліи, къ мрачной подозрительности, къ печальному настроенію, къ сумасшествію. Одна бездѣтельность не можетъ доставить человѣку полнаго отдохновенія отъ трудовъ, потому что она легко вызываетъ скуку, а скука гложетъ, по народному выраженію «сосетъ» человѣка. Если у человѣка много заботъ и непріятностей, и онъ не отличается терпѣніемъ, благодушіемъ и не имѣетъ веселаго нрава, то бездѣтельность можетъ въ иныхъ случаяхъ удручать его не меньше, чѣмъ самый тяжелый трудъ. Вотъ почему людямъ, удрученными тяжелымъ горемъ, совѣтуютъ заниматься ихъ текущими дѣлами, чтобы дѣятельностію отвлечь свое вниманіе отъ тягостныхъ мыслей и разсѣять тоскливое настроеніе. Отъ чего мастеровые болѣе склонны къ нетрезвости, нежели земледѣльцы, не смотря на то, что послѣднимъ водка гораздо нужнѣе для восстановленія силъ, чѣмъ для первыхъ? конечно, главнымъ образомъ отъ того, что земледѣльцы живутъ въ патриархальной простотѣ, а ремесленники окружены соблазнами городской жизни и съ дѣтства возвращаются въ средѣ, располагающей къ нетрезвости. Но есть и другая причина этого явленія. Трудъ земледѣльца тяжелъ, но за то разнообразенъ и скрашивается благотворнымъ воздѣйствіемъ на душу человѣка красотъ и жизни природы, не говоря уже о бодрящемъ дѣйствіи чистаго воздуха; все это освѣжаетъ душу крестьянина

и облегчаетъ отчасти даже физическую усталость. Вотъ почему земледѣльцы нуждаются не столько въ развлеченіи, сколько въ отдыхѣ. Напротивъ, трудъ ремесленниковъ большею частію не требуетъ сильнаго мускульнаго напряженія, но онъ тяжель своимъ крайнимъ однообразіемъ и безсмыслиемъ, одуряющей механичностью его процесса. Эти свойства ремесленнаго труда нагоняютъ скуку, которую ремесленники и топятъ въ пьяномъ разгулѣ. Они не сознаютъ этого, но инстинктивно ищутъ забвенія гнетущаго однообразія работы и разсѣянія скуки. А почему они для достиженія этой цѣли прибѣгаютъ именно къ вину, объясняется тѣмъ, что, при ихъ неразвитости, въ ихъ общественномъ положеніи, при взглядахъ и привычкахъ ихъ среды, при унаслѣдованной отъ родителей склонности къ вину, этотъ способъ развлечения есть самый доступный, привычный и общераспространенный. Одинъ портной, человѣкъ не пьющій, религіозный, интеллигентный и, въ качествѣ содержателя мастерской, заинтересованный въ томъ, чтобы его рабочіе не пьянствовали, на нашъ вопросъ— «слѣдуетъ ли прикащиковъ освободить отъ торговли въ праздники, или же полезнѣе отвлечь ихъ отъ праздничнаго пьянства и разгула торговлей, даль отвѣтъ, котораго мы совсѣмъ не ожидали. «Рабочимъ, сказалъ онъ, нельзя не пить вина. Я наблюдалъ и замѣтилъ на своихъ рабочихъ, что если портной воздерживается отъ вина недѣли двѣ, то онъ становится вялымъ, работа у него не спорится, игла какъ бы вываливается изъ рукъ. А послѣ того какъ онъ встряхнетъ себя выпивкой, и вытрезвится, онъ начинаетъ работать съ живостію». Быть можетъ здѣсь дѣйствуетъ привычка къ вину: вѣдь шьютъ же тѣ, которые не пьютъ вина. Привыкшій къ куренію не можетъ съ успѣхомъ работать головой, если не будетъ курить во время своей работы, тогда какъ некурящій отлично мыслить и писать и безъ куренія и даже не можетъ понять, для чего нужно послѣднее. Очевидно, нервная система курильщика привыкла получать возбужденія отъ куренія и безъ него дѣйствуетъ вяло и слабо, между тѣмъ какъ не курящій не пуждается въ искусственномъ возбужденіи своихъ нервовъ. Все это правда. Но замѣчательно, что мы и отъ другихъ лю-

дей, и притомъ ведущихъ самый строгій, методически правильный и рациональный образъ жизни слышали, что отъ времени до времени полезно намѣренно нарушать установленный порядокъ жизни и дѣятельности и этимъ встряхивать и какъ бы возбуждать къ жизнедѣятельности организмъ. И это справедливо, если принять во вниманіе, что машинное однообразіе жизни и дѣятельности, особенно дѣятельности механической, приглушаетъ и одуряетъ человѣка. Силы человѣка, какъ физическія, такъ и духовныя, нуждаются въ возбужденіяхъ для того, чтобы онѣ могли развернуться въ полной степени. Люди жизни говорятъ, что человѣку нужны внезапныя потрясенія, восторгъ, порывъ и хотя мгновенное забвеніе отъ житейскихъ заботъ, а иначе грубѣетъ нравъ, или закрадывается въ сердце черная дума и тоска, или душа засыпаетъ въ праздномъ покоѣ, или даже овладѣваютъ человѣкомъ пороки. Возбудителями жизнедѣятельности въ человѣкѣ являются разнообразныя отношенія къ людямъ, отношенія къ природѣ, чтеніе книгъ, событія жизни и т. п., и въ частности, увеселенія. Эти послѣднія не только даютъ отдохновеніе отъ трудовъ и забвеніе заботъ, не только примиряютъ съ неприятностями жизни, но и пробуждаютъ силы къ дѣятельности. Конечно, мы говоримъ не о тѣхъ увеселеніяхъ, которыя развращаютъ душу и изнуряютъ тѣло, и не о тѣхъ, которыя, обращаясь въ привычку и развиваясь до степени страсти, излѣниваютъ человѣка, доводятъ до разоренія, деморализуютъ его, поглощаютъ и губятъ.

Задача руководителей народа въ отношеніи къ послѣднему и каждому человѣку въ отношеніи къ себѣ самому не въ томъ, чтобы искоренить всякія игры, забавы и увеселенія: такая задача неосуществима и уже по этому одному безразсудна, да если бы она и была достигнута, люди не стали бы отъ этого лучше и счастливѣе. Задача въ томъ, чтобы обезвреживать и облагораживать увеселенія, искоренять увеселенія и привязанность къ нимъ вредныя, грубыя, и располагать къ развлеченіямъ невиннымъ, благороднымъ, возвышеннымъ, или, по крайней мѣрѣ, маловреднымъ. Постепенно и въ нѣкоторой мѣрѣ можно отучить народъ отъ грубыхъ и вредныхъ развлеченій по-

средствомъ подъема умственнаго, религіознаго и нравственнаго уровня народа, путемъ благоразумныхъ и цѣлесообразныхъ правительственныхъ и общественныхъ мѣропріятій и силой печати и слова.

Говорятъ, пока низшіе классы общества не развиты, они всегда будутъ предпочитать грубыя и вредныя наслажденія благороднымъ и невиннымъ, будутъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ злоупотреблять, а не пользоваться воскресной свободой отъ обязательной работы, поэтому дарованіе имъ этой свободы принесетъ имъ больше вреда нежели пользы; нужно сначала воспитать, просвѣтить и подготовить народъ къ достойному и благотворному проведению праздниковъ и тогда уже дать ему свободу отъ работъ въ праздники.

Но, во-первыхъ, праздничная работа, какъ мы сказали выше, не можетъ уменьшить гульбы рабочихъ, потому что не имѣя свободы въ праздники, они будутъ безразлично гулять въ праздники и въ будни, когда имъ вздумается. Такимъ образомъ праздничная работа не достигнетъ той цѣли, которою ее стремятся оправдать.

Во-вторыхъ, слѣдуетъ избѣгать примѣнять іезуитское правило: цѣль оправдываетъ средства. Допустимъ, что обязательная праздничная работа ослабитъ гульбу и такимъ образомъ въ нѣкоторой мѣрѣ достигнетъ доброй цѣли. Но спрашивается, должно ли и полезно ли покупать этотъ успѣхъ такой дорогой цѣной, какъ узаконенное нарушеніе основной заповѣди Божіей? Быть не можетъ, чтобы достигаемая этимъ нарушеніемъ польза уравновѣшивала проистекающій отъ него вредъ; а иначе придется самую заповѣдь Божию признать неразумной, или устарѣвшей. Но кто же, кромѣ явныхъ безбожниковъ, дерзнетъ сказать такую хулу?

Въ-третьихъ, чѣмъ же, и какъ, и когда мы будемъ воспитывать и приготавливать народъ къ достойному или, по крайней мѣрѣ, не предосудительному и безвредному пользованію праздничнымъ досугомъ, если мы будемъ заставлятъ его работать и въ будни и въ праздники? Учащіеся плавать иногда тонуть; но это неизбежное зло, потому что нельзя выучиться плавать на сухомъ берегу. Праздничнымъ досугомъ луч-

шіе и просвѣщенные люди общества и должны воспользо-ваться для просвѣщенія и облагороженія народа и вмѣстѣ для обоюдупользнаго сближенія съ нимъ. Храмы для народа въ праздники открыты, и грѣхъ сказать, чтобы онъ не посѣщалъ ихъ; скажемъ болѣе: онъ чаще бываетъ въ нихъ, благоговѣннѣе и приличнѣе стоитъ и усерднѣе молится, нежели интеллигентные классы общества. Такимъ образомъ, наканунѣ праздника ¹⁾ (всенощная) и утро его (утреня и литургія) рабочій людъ употребляетъ на святое дѣло. Не трудно дать полезное и невинное развлеченіе народу и вмѣстѣ средства для его просвѣщенія и въ остальные часы праздника. Устройте и откройте ему музеи, пригласите его на бесѣды и чтенія, устройте невинныя игры и зрѣлища. Сначала пойдутъ лучшіе, не пьющіе, а потомъ за ними потянутся и пьющіе, но не приобрѣвшіе еще несчастной привычки или страсти къ алкоголю. Мало-по-малу будетъ убывать число и этихъ послѣднихъ, особенно если будутъ приняты благоразумныя мѣры для ограниченія продажи спиртныхъ напитковъ. Нашъ народъ не требователенъ; не затѣвайте многого и несбыточнаго, а давайте, что можете и польза будетъ. Научить простой народъ проводить праздники съ пользой и соотвѣтственно ихъ священному достоинству не трудно; нужно только учить не однимъ словомъ, но и примѣромъ, и больше всего примѣромъ. Низшіе классы всегда и вездѣ, и во всемъ подражаютъ высшимъ сословіямъ. Если господа будутъ по праздникамъ ходить въ церковь, то и прислуга ихъ станетъ посѣщать церковь; и наоборотъ, холодность и пренебреженіе къ религіи высшихъ классовъ общества передается низшимъ классамъ. Въ томъ то и бѣда, что у насъ не низшіе, а скорѣе высшіе классы общества проводятъ праздники не по христіански и увлекаютъ своимъ соблазнительнымъ примѣромъ рабочихъ, живущихъ въ городахъ, особенно въ многолюдныхъ. Были и теперь есть даже и такіе радѣтели народнаго блага, которые

¹⁾ Если только рабочаго въ субботу отпускаютъ съ работы раньше обычнаго времени, что, къ сожалѣнію, бываетъ не часто; но это не вина рабочихъ.

намѣренно отвлекали народъ отъ церкви и угашали въ немъ свѣточъ вѣры. И уже одно то, что народъ, не смотря на свою темноту, силой одного здраваго смысла, непосредственнаго чувства и простой вѣры въ Бога, отвергъ этихъ лже-учителей, показываетъ, что онъ вовсе не такъ тупъ, грубъ и развращенъ, чтобы онъ не могъ какъ должно пользоваться праздничнымъ досугомъ и чтобы онъ сталъ отказываться отъ предлагаемыхъ ему средствъ къ еще лучшему пользованію имъ. И, дѣйствительно, огромное большинство сельскихъ жителей проводятъ праздники гораздо лучше нежели высшіе слои нашего общества. Рабочіе въ городахъ проводятъ праздники гораздо хуже своихъ земляковъ-сельчанъ. Но у кого они научились проводить праздники по язычески, какъ не у горожанъ, т. е. у высшаго и средняго классовъ общества? Гдѣ они забыли и утратили добрыя отеческія преданія и простыя нравы и обычаи, какъ не въ городахъ? Если бы горожане вели себя въ праздники такъ, какъ селяне,—а они должны бы вести себя даже лучше послѣднихъ, потому что богаче и развитѣе ихъ,—то не было бы и самого вопроса о воскресномъ днѣ. Во всякомъ случаѣ даже и теперь большая половина народа во всей его совокупности проводить праздники не предосудительно и можетъ съ пользою употреблять воскресный досугъ. Но эта половина будетъ постепенно возрастать, если объ этомъ позаботятся высшіе классы общества, и просвѣщеннѣйшіе члены его и правительство. Временемъ же наилучшимъ и единственно удобнымъ для наученія и приученія народа къ достойному проведению праздниковъ служить праздничный досугъ. Нужно принять за правило, что никакъ нельзя научить кого бы то ни было правильно пользоваться праздничнымъ досугомъ, не давши предварительно ему этого досуга. Позволять или заставлять работать въ праздники—значитъ воспитывать неуваженіе къ праздникамъ, а оно у насъ и безъ того встрѣчается часто, значитъ отвлекать народъ отъ той несравненной школы, которая разгоняетъ тьму невѣжества, смягчаетъ нравы, цѣлитъ духовныя язвы, умиротворяетъ и возвышаетъ душу, которой народъ безусловно довѣряетъ и изъ которой онъ выходитъ лучшимъ, нежели какимъ входитъ,

разумѣемъ церковь. Ограничьте доступъ народу въ эту школу, и вы доведете его до огрубѣнія и одичанія, до язычества, --- темнаго, развращеннаго, кровожаднаго. А работа въ праздники именно и представляетъ самое дѣйствительное препятствіе для посѣщенія народомъ храма Божія. Если работы будутъ начинаемы послѣ литургіи, то и въ такомъ разѣ онѣ многихъ отвлекутъ отъ церкви. Само собой понятно, что праздничныя работы препятствуютъ и всѣмъ другимъ просвѣтительнымъ вліаніямъ проникать въ народъ и облагораживать его. И такъ какъ рабочій людъ только въ праздники и имѣетъ время для своего просвѣщенія, то явно, что праздничная работа безусловно преграждаетъ народу доступъ къ просвѣщенію ума и сердца; не возвыситъ она его нравственности, а скорѣе доведетъ до состоянія скотства. Домогающіеся поддержать нравственность народа праздничной работой забываютъ, что при всѣхъ видахъ механическаго труда, т. е. въ огромномъ большинствѣ работъ, человѣкъ дѣйствуетъ и живетъ, почти какъ машина или какъ рабочій скотъ, и безразсудно и жестоко желать и требовать, чтобы онъ несъ тяжкое иго такого дѣйствованія и прозябанія во всю жизнь безъ перерыва. Только въ воскресенье онъ можетъ, имѣетъ право и долженъ жить какъ *человѣкъ*, и это драгоценное право, эту священную обязанность у него отнимаютъ во имя соблюденія его собственнаго нравственнаго достоинства! Путаница понятій можетъ ли идти дальше этого?

Въ-четвертыхъ, допустимъ, что людямъ, злоупотребляющимъ праздничнымъ досугомъ, полезнѣе въ праздники работать, нежели не работать: справедливо ли и полезно ли изъ за нихъ обременять праздничной работой и лишать всѣхъ благъ, связанныхъ съ воскреснымъ отдыхомъ, тѣхъ, которые умѣютъ ими пользоваться? Это тѣмъ болѣе несправедливо и вредно, что, по нашему мнѣнію, злоупотребляющихъ воскресной свободой гораздо меньше, нежели пользующихся ею во благо себѣ и окружающимъ. Если намъ скажутъ: заставьте работать въ праздники не умѣющихъ ими пользоваться, и освободите отъ работы прочихъ, то мы отвѣтимъ, что при конкуренціи труда, при производствѣ многихъ работъ огромными массами

рабочихъ, при широко распространенномъ теперь артельномъ началѣ въ работахъ, сдѣлать такое раздѣленіе въ огромномъ большинствѣ случаевъ невозможно, практически оно неосуществимо. Если я открываю свою лавку въ праздники, то вынуждаю этимъ торговать и своихъ конкурентовъ по торговлѣ, хотя бы они и не желали сидѣть въ лавкахъ въ праздники; фабрикантъ, засадивши за праздничную работу рабочихъ-гулякъ, не можетъ, по самымъ свойствамъ фабричнаго производства, не присоединить къ нимъ трезвыхъ и исправныхъ рабочихъ. То же должно случиться и при многихъ другихъ видахъ труда.

Эти разсужденія привели насъ къ вопросу о томъ, позволительно ли праздничный отдыхъ дѣлать принудительною обязанностію, напр., ограждать его неприкосновенность гражданскими законами и нарушенія его предупреждать и наказывать карательными мѣрами? или же нужно предоставить доброй волѣ всякаго работать, или отдыхать въ праздники, такъ какъ праздничный отдыхъ есть обязанность религіозная, а исполненіе таковой только тогда имѣетъ цѣну, когда бываетъ добровольнымъ?

По нашему мнѣнію, если бы праздничный отдыхъ соблюдался всѣми безъ всякихъ предписаній, вполне свободно, то это было бы самое лучшее, чего только можно желать; по это — недостижимый идеаль. Одни по бѣдности, другіе по своекорыстію, третьи вслѣдствіе антирелигіознаго духа, четвертые вслѣдствіе чрезвычайнаго трудолюбія, иные по другимъ причинамъ, которыхъ можетъ быть крайне много, будутъ нарушать праздничный отдыхъ; и еще чаще будутъ нарушать его по недостаточности сознанія и пониманія важности его соблюденія и вреда отъ его нарушенія: а при конкуренціи труда, при артельномъ началѣ производства многихъ работъ добровольное нарушеніе праздничнаго покоя нѣкоторыми вынудитъ нарушать его и тѣхъ, которые желали бы соблюдать его, наконецъ, матеріальная зависимость массы рабочихъ отъ работодателей на половину лишаетъ ихъ свободы дѣйствія, такъ что они не могутъ не работать въ праздники, хотя бы и желали отдыхать, если ихъ принуждаетъ работать навнима-

тель. Если и всегда нельзя было рассчитывать, чтобы все люди добровольно отказались от праздничной работы, то тѣмъ болѣе нельзя этого ожидать при современномъ экономическомъ состояніи образованныхъ народовъ. Поэтому не только позволительно, но и необходимо регулировать трудъ и отдыхъ законами. Благоразумные, цѣлесообразные и строго соблюдаемые законы относительно праздничнаго отдыха могутъ служить важнѣйшимъ орудіемъ развитія и распространенія въ обществѣ необходимости и пользы этого отдыха и постепенно приучить его къ добровольному соблюденію его. Всякая принудительная мѣра, если только она не противна законамъ природы и нравственнымъ началамъ, сначала вызываетъ противодѣйствіе со стороны ненормальнаго строя, испорченныхъ вкусовъ, искусственныхъ потребностей, своекорыстія и проч., потомъ осуществляется, хотя съ неудовольствіемъ и ропотомъ, но при продолжительномъ и настойчивомъ ея примѣненіи постепенно входитъ въ привычку и обычай; и то, что сначала дѣлалось по принужденію, съ теченіемъ времени становится дѣломъ добровольнымъ. Такъ дѣйствуютъ при воспитаніи дѣтей; не иначе можно дѣйствовать и при религіозномъ, умственномъ и нравственномъ воспитаніи цѣлыхъ народовъ. Сама Церковь регулируетъ чисто религіозныя обязанности законами и ограждаетъ ихъ исполненіе воспитательными и карательными наказаніями. Если даже невинному человѣку дана была Богомъ и, слѣдовательно, нужна была положительная религіозно-нравственная заповѣдь, то несравненно болѣе пуждаются въ положительныхъ религіозно-нравственныхъ законахъ все потомки прародителей, не исключая и христіанъ, потому что нравственная свобода ихъ повреждена и ослаблена грѣхомъ и вся природа ихъ сдѣлалась косяной въ отношеніи къ добру и склонной къ грѣху. Церковь всегда учила и внушала, что члены ея должны исполнять свои религіозно-нравственныя обязанности охотно, по совѣсти, а не изъ страха только и не ради выгодъ; и тѣмъ не менѣе она предписывала исполнять эти обязанности, обличала слабость и небрежность въ исполненіи ихъ и наказывала явныя нарушенія ихъ; самыя обязанности и степени на-

казаній за нарушение ихъ она опредѣляла особыми правилами, за намѣренное и упорное сопротивленіе которымъ она даже отлучала отъ общенія. По слову Апостола Павла, *законъ положенъ не для праведника, но для беззаконныхъ и непокоривыхъ, нечестивыхъ и грѣшниковъ* (1 Тим. 1, 9). И такъ какъ грѣшниковъ много есть и въ самой Церкви и еще болѣе внѣ ея, то Церковь всегда и пользовалась своимъ правомъ изданія законовъ и правилъ касательно религіозно-нравственной жизни. Въ частности она издавала правила и касательно освященія воскреснаго дня и налагала наказанія за нарушенія ихъ. Такимъ образомъ даже чисто религіозныя обязанности нуждаются въ регламентаціи ихъ правилами, и Церковь, издавая эти правила, никогда не опасалась, что она этимъ нарушаетъ свободу людей и стѣсняетъ ихъ совѣсть. И даже противники ея не обвиняли ее за то, что она имѣетъ законодательное право и пользуется имъ.

Но воскресный отдыхъ не есть только религіозная обязанность: его нужно соблюдать также для поддержанія здоровья и въ видахъ экономическаго благосостоянія народа. Эти двѣ стороны предмета обязываютъ и гражданское правительство и даютъ ему право охранять соблюденіе воскреснаго покоя и для этой цѣли издавать законы. Въ особенности ему принадлежитъ право устанавливать норму для тѣхъ видовъ труда, которые производятся большой массой нанимаемыхъ рабочихъ, и тѣхъ, которые имѣютъ характеръ публичной, и государственной, казенной, какъ у насъ выражаются, дѣятельности.

Иные отрицаютъ пользу обязательныхъ законовъ касательно соблюденія воскреснаго покоя не по той причинѣ, что они стѣсняютъ свободу воли, а что они не могутъ удовлетворить требованій справедливости, ибо, разсуждаютъ, во имя справедливости слѣдуетъ запретить всѣ виды труда, или вовсе не воспрепятствовать производить работы въ праздничные дни; но такъ какъ при современномъ строѣ жизни и при крайней сложности нѣкоторыхъ видовъ производства невозможно прекращать нѣкоторые виды труда и въ праздники, то, слѣдовательно, нельзя достигнуть полной справедливости въ законахъ о воскресномъ покоѣ.

Но и всякіе другіе человѣческіе законы несовершенны и не вполне осуществляютъ идею правды: слѣдуетъ ли отсюда заключать объ ихъ бесполезности и требовать совершенной отмѣны всякихъ законовъ? Да и правильно ли считать нарушеніемъ справедливости допущеніе такихъ работъ въ праздники, непрерывность производства которыхъ совершенно необходима и запрещеніе такихъ, праздничное прекращеніе которыхъ безвредно и вполне возможно? Законы должны давать норму жизни и дѣятельности, но въ то же время они должны и сообразоваться съ самою жизнію и ея истинными потребностями; управляя жизнію, они не должны давить ее и насплювать.

Конечно, намъ скажутъ, что на практикѣ не легко опредѣлить, какіе виды труда въ праздники должны быть допущены, какъ необходимые, такъ какъ самое понятіе необходимости очень растяжимо и измѣняется соотвѣтственно съ разнообразными случаями, духомъ времени, положеніемъ лицъ и цѣлыхъ классовъ людей и вообще со всѣмъ строемъ и порядками жизни, а вслѣдствіе этого общество не гарантировано отъ изданія такихъ законовъ, которые дѣйствительно необходимыя работы будутъ останавливать въ праздники и, наоборотъ, разрѣшать не необходимыя; съ другой стороны многіе случаи не будутъ предусмотрѣны закономъ. И на практикѣ все это послужитъ причиной недоразумѣній, ропота и дастъ поводъ къ злоупотребленіямъ, къ обходу и нарушеніямъ законовъ.

Это правда. Но это — неизбежное зло, которое существуетъ и во всѣхъ другихъ частяхъ законодательства. Во всякомъ случаѣ, оно не можетъ быть настолько велико, чтобы для предотвращенія зла, проистекающаго отъ дурныхъ законовъ и отъ злоупотребленія хорошими, полезно и нужно было отмѣнить самыя законы. Въ томъ и задача законодательной мудрости, чтобы улучшать законы, принаравлять ихъ къ истиннымъ потребностямъ жизни и предотвращать возможность обходовъ ихъ, уклоненій отъ нихъ и явнаго нарушенія ихъ.

А. Блляевъ.

(Продолженіе будетъ)

ЗАМѢТКИ О ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ ЗА-ГРАНИЦЕЙ.

(Продолженіе *).

The Church Review приводитъ далѣе содержаніе рѣчи, въ которой Фарраръ разъясняетъ и защищаетъ свое предложеніе. Средства, предложенныя резолюціей комитета, не могутъ устранить тѣхъ серьезныхъ затрудненій, противъ которыхъ онѣ направлены. Но если бы вся церковь единодушно приняла предложеніе объ учрежденіи такихъ именно братствъ, то великія блага ожидаютъ націю. Съ іюля прошлаго года, говоритъ Фарраръ, когда вопросъ о братствахъ открылся въ палатѣ, значительная часть дѣла уже покончена. Открылось и поле для возраженій. Оратора обвиняли въ іезуитствѣ, но онъ предпочиталъ терпѣть всякія инсинуаціи, лишь бы не измѣнять ходъ дѣла, установить который онъ считалъ своею обязанностью. Въ его резолюціи видятъ реакціонныя тенденціи, попытки возстановить римско-католическое монашество, но онъ отрицаетъ справедливость такого взгляда. Онъ стремился возбудить симпатію къ дѣлу англиканской церкви во всѣхъ классахъ общества, среди всѣхъ членовъ націи, къ какой бы религіозной партіи они ни принадлежали, но въ концѣ концовъ резолюція стала яблокомъ раздора. Въ частности, противъ обвиненія въ томъ, что предложеніе носитъ характеръ римскаго католицизма, ораторъ заявляетъ: едва ли кто-нибудь сумѣетъ показать лишь одного прелата съ римскими симпатіями.

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 15.

ми изъ 8, составлявшихъ комиссію (слушайте, слушайте). Достаточно посмотрѣть на составъ комиссіи, выработавшей резолюцію, чтобы всякія обвиненія въ романизмѣ оказались липеными основанія. Само по себѣ монашество имѣетъ свои хорошія и дурныя стороны; но лучше уничтожить дурное и оставить хорошее. Слабость системы обѣтовъ выражалась въ опасности обѣтовъ преждевременныхъ, но связывающихъ человека на всю жизнь. Члены проектированныхъ братствъ будутъ проводить жизнь, совершенно не похожую на жизнь монаховъ. Они будутъ жить въ обществѣ, а не въ уединеніи, будутъ заниматься дѣлами благотворительности. Ораторъ спрашиваетъ далѣе, кто видитъ какую-нибудь римскую окраску въ почтенномъ церковно-миссіонерскомъ обществѣ (Church Missionary Society), или въ какомъ-либо изъ его членовъ, принявшихъ обѣтъ цѣломудрія и нестяжательности. Ораторъ предлагаетъ, чтобы каждый членъ церкви, которому только дороги ея интересы внимательно вдумался въ разбираемую резолюцію и понялъ всю силу тѣхъ обстоятельствъ церковно-общественной жизни, которыя заставили оратора обратить вниманіе палаты на организацію братствъ. Фарраръ проситъ палату остерегаться нетерпимости, въ которой англичане такъ усердно обвиняютъ римскую церковь и допустить къ дѣятельности какъ лицъ, не связавшихъ себя никакими опредѣленными обѣтами, такъ и лицъ, произнесшихъ обѣты. Въ заключеніе ораторъ настойчиво убѣждаетъ палату подумать, разумно ли она поступитъ, если отвергнетъ предложеніе, которое, по его мнѣнію, имѣетъ своею цѣлію освободить англиканскую церковь отъ обвиненій въ небрежности; которыя направлены противъ нея и отъ тѣхъ упрековъ, которыми не обинуясь, забрасываютъ ее враги ея.

Послѣ одушевленной рѣчи Фаррара въ палатѣ поднялись дебаты. Архидіаконъ Линкольнъ допускаетъ, что дѣятельность приходского духовенства дѣйствительно упала и упала именно въ такихъ мѣстахъ, гдѣ всего менѣе желателенъ подобный упадокъ. Поэтому, думаетъ Линкольнъ, епископы по своему усмотрѣнію могли бы призвать на помощь приходскому духовенству корпорацію братьевъ, о которой говоритъ резолюція,

но только въ силу дѣйствительной надобности и на короткое время. При томъ Линкольнъ прямо отрицаетъ предложеніе о дѣятельности братьевъ, связавшихъ себя какимъ-нибудь временнымъ или пожизненнымъ обѣтомъ.

Каноникъ Брайтъ (Bright) заявилъ, что нѣтъ никакой необходимости въ обѣтѣ: этотъ обѣтъ испугаетъ народъ, особенно если лица, его произнесшія дадутъ понять обществу, что они отвѣтственны за дальнѣйшее преуспѣяніе дѣла Божія. Въ обращеніи съ такими серьезными вещами палата не должна допускать народъ увлекаться предрассудками, покоящимися на употребленіи извѣстныхъ терминовъ.

Каноникъ Перри (Perry) сказалъ, что хотя между предположенными въ резолюціи братьями и монахами большая разница, все-таки есть и близкое родство между ними. Этимъ онъ, Перри, не хочетъ набросить какую-нибудь тѣнь на имѣющія организовать братства, но для вящаго различія этихъ братствъ отъ монашества, онъ полагалъ бы нужнымъ установить опредѣленные сроки для возобновленія обѣтовъ.

Каноникъ Бернардъ (Bernard) съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ предложенію Фаррара, только, по его мнѣнію, слѣдовало бы слова резолюціи «ненарушимые обѣты» замѣнить словами «временныя обязательства».

Каноникъ Воганъ (Waugban) поддержалъ поправку Бернарда. Деканъ Чичестерскій упрекаетъ резолюцію въ томъ, что она стѣсняетъ свободу человѣческой совѣсти. По его мнѣнію упрекъ этотъ теряетъ свою силу только въ томъ случаѣ, если причина резолюціи окажется серьезною. Такимъ образомъ вопросъ о достоинствѣ резолюціи сводится къ причинѣ ее вызвавшей. По мнѣнію декана, дѣйствительно существуютъ достаточныя основанія для утвержденія разсматриваемой резолюціи.

Деканъ Чичестерскій поддержалъ резолюцію, замѣчая, что вѣкъ требуетъ самопожертвованія, или самоограниченія въ дѣлахъ, касающихся службы приходу; это не воскрешеніе средневѣковаго монашества, такъ какъ духъ вѣка порицаетъ подобныя институты.

Деканъ Линкольнскій, замѣтивъ о несостоятельности по-

правки, сдѣланной Бернардомъ, сказали, что безбрачіе лицъ, посвящающихъ себя на служеніе церкви, устраняетъ соблазнъ происходящій отъ того, что молодой клирикъ, вступивъ въ бракъ, весьма часто принужденъ терпѣть бѣдность и не-пріятности.

Дебаты еще не окончились, когда прокураторъ закрылъ засѣданіе.

Передавая журнальный отчетъ о засѣданіи нижней палаты Конвокаціи, мы имѣли въ виду познакомить читателей съ ходомъ конвокаціонныхъ преній и потому позволили себѣ нѣ-которую подробность въ изложеніи. Эта подробность изви-няется, по нашему мнѣнію, и самымъ содержаніемъ преній. Рѣчь, какъ мы видѣли, идетъ о средствахъ усилить вліяніе церкви на массы, особенно нуждающіяся въ ея просвѣтитель-номъ и спасительномъ руководствѣ, на массы рабочаго люда въ Англіи, которому въ настоящее время, м. б. болѣе, чѣмъ когда-нибудь, необходимо благодатное утѣшеніе церкви въ виду тѣхъ экономическихъ бѣдствій, которыя ему приходится переживать подъ гнетомъ экономического кризиса. Мы видѣ-ли, что всѣ лица, обсуждавшія въ Конвокаціи резолюцію ком-миссіи и поправку Фаррара, высказались за необходимость организаціи религіозныхъ братствъ, которыя, не прибѣгая къ помощи общественной благотворительности, явились бы въ то же время дѣятельными пособниками приходского духовен-ства въ его заботахъ о просвѣщеніи низшаго, особенно мно-гочисленнаго слоя въ англійскомъ обществѣ. Такая самоот-верженная дѣятельность членовъ проектированныхъ резолюціей комиссіи братствъ ведетъ къ предположенію, что эти члены руководятся въ своей дѣятельности не только высокими пра-вилами христіанской нравственности, но и стремятся къ осо-бо-труднымъ подвигамъ во славу Божию. Поэтому поправка Фаррара, гласящая о томъ, чтобы эти члены выразили свое душевное настроеніе въ обѣтахъ выработанныхъ древнѣй-шею практикой церкви, не могла возбудить неудовольствія въ англійскомъ духовенствѣ, хотя оно слишкомъ враждебно отно-сится къ тому, что сколько-нибудь напоминаетъ господство римскаго католицизма въ Англійской церкви до періода ре-

формы. Въ самомъ дѣлѣ, если члены предположенныхъ резолюціей братствъ пойдутъ на дѣло свое безъ всякой мысли о матеріальныхъ выгодахъ, объ удобствахъ личной жизни, о славѣ міра, то они уже самымъ поступкомъ своимъ засвидѣтельствуютъ готовность послѣдовать обѣтамъ, о которыхъ говоритъ Фарраръ. Весь вопросъ сводится такимъ образомъ къ формѣ, произносить ли эти обѣты, или нѣтъ? Мы видѣли, что большинство лицъ, обсуждавшихъ обѣты Фаррара, высказалось именно за послѣднее. Даже форма обѣта, предложенная Фарраромъ, осталась безъ измѣненій. Можно поэтому думать, что недалеко то время, когда на лонѣ англиканской церкви появится общество лицъ, связанныхъ обѣтами, которые въ нашей православной Церкви называются монашескими. Трудно сказать, конечно, насколько подобныя религіозныя общины будутъ похожи на православное монашество, да и будутъ ли онѣ похожи на монашество вообще, какъ учрежденіе, преслѣдующее исключительно религіозныя цѣли. Не привнесетъ ли практическій англійскій смыслъ въ такія общества какихъ-либо цѣлей, для религіи совершенно постороннихъ? Есть основанія предполагать, что англійское общество смотритъ на монашество съ узко-практической точки зрѣнія.

«Идея совмѣстной жизни цѣлаго общества» пишетъ Пенвицъ (Penwith) «была впервые высказана Платономъ еще за двѣ тысячи лѣтъ до нашего времени. Эта идея не разъ примѣнялась на опытѣ, конечно, съ значительными ограниченіями. Всѣ монашескіе ордена, моравскіе «братья», русскій «міръ» и мн. др. свидѣтельствуютъ о такихъ опытахъ. Коммунистическая идея позволяетъ рассчитывать на многія преимущества, особенно, если она примѣняется на практикѣ въ небольшихъ размѣрахъ. Вотъ эти преимущества. 1) Уничтоженіе бѣдности. Въ такомъ обществѣ никто не будетъ бѣденъ до тѣхъ поръ, пока всѣ не обѣдняютъ. Такъ просто изгоняется бѣдность, этотъ жестокой бичъ человѣчества. 2) Здѣсь угрожаетъ только одна опасность—обѣднѣніе цѣлаго общества. 3) Возможность пользоваться удобствами, недоступными средствамъ частнаго человѣка. Напримѣръ, предположите конвиктъ во 100 человѣкъ, изъ которыхъ каждый вноситъ въ

общую кассу по 100 фунтовъ стерлинговъ въ годъ (фунтъ стерлинговъ=10 р. металл.); на доходъ въ 10,000 фунтовъ ст. члены конвикта будутъ имѣть гораздо больше комфорта и роскоши, чѣмъ каждый изъ нихъ на своя 100 ф. с. отдѣльно. Таковъ принципъ лондонскихъ клубовъ, гдѣ членъ за умѣренную подписную плату пользуется комфортомъ, котораго никогда не получить дома.

Съ другой стороны существуютъ серьезныя неудобства по устройству такихъ обществъ въ Англии въ настоящее время.

Тѣ же социалисты, которые такъ сильно стремятся къ коммунистической формѣ жизни, были бы приведены въ смущеніе тѣмъ обстоятельствомъ, что подобная жизнь требуетъ отъ человѣка искренняго подчиненія и полного отсутствія эгоизма. Идеальное государство Платона есть единственная социальная организація, гдѣ всѣ живутъ для общества и общество существуетъ для каждаго. Для этого требуется полное отсутствіе эгоизма. Въ этомъ скрывается причина, почему коммунистическій идеалъ осуществлялся только въ монашескихъ орденахъ. Здѣсь, кромѣ того, послушаніе и нестяжательность соединялись съ цѣломудріемъ, что въ свою очередь устраняло одно изъ существенныхъ затрудненій коммунистической формы жизни—т. е. соединеніе двухъ половъ въ общинѣ. Однако, въ русскомъ «мирѣ» можно видѣть до извѣстной степени осуществленіе этого идеала въ примѣненіи къ цѣлому обществу. Но здѣсь существуютъ два условія (кромѣ христіанскаго брака)—подчиненіе авторитету и примитивная форма жизни. Поэтому русскіе думаютъ, что «миръ», вѣроятно исчезнетъ съ прогрессомъ націи. Индійскія деревенскія общины относятся къ тому же классу (если вѣрить описаніямъ сэра г. Мэна (Maine)). Но я не вижу, почему бы коммунистическій идеалъ не могъ осуществиться и на высшихъ степеняхъ культуры, если соблюдены необходимыя для сего условія—послушаніе и отсутствіе эгоизма. Дѣйствительно, онъ и осуществляется въ современной Европѣ, только на почвѣ семейныхъ отношеній. Не безызвѣстно англійскимъ читателямъ, что въ восточной Европѣ (я слышалъ подобное и объ Италіи) среди славянскихъ націй общежительный идеалъ про-

никъ и въ знатныя фамиліи. Старшій сынъ или дядя — вообще глава фамиліи — живутъ вмѣстѣ съ двоюродными братьями и ихъ женами, вмѣстѣ обѣдаютъ въ наслѣдственномъ залѣ. Всѣ члены такой семьи имѣютъ небольшую частную собственность, но общественное достояніе остается недѣлимымъ и поддерживается въ томъ видѣ, въ какомъ оно получено. Здѣсь, по моему мнѣнію, двѣ соціальныя крайности (т. е. бѣдные крестьяне, которые тратятъ мало и богатые собственники, которые проживаютъ много, но не могутъ покрывать своихъ расходовъ личнымъ трудомъ) приближаются къ одному и тому же общежительному идеалу; и славянскія расы (Россія, Польша, Сербія, Болгарія) выдерживаютъ эту старинную традицію гораздо послѣдовательнѣй, чѣмъ какая-либо другая европейская раса. Я сомнѣваюсь, чтобы въ 1000-лѣтней исторіи Англіи можно было найти подобныя примѣры, исключая легкую общежительную форму клуба или церковнаго монастыря. Этотъ идеалъ имѣетъ много привлекательности для бѣдняка; едва ли онъ достигаемъ для самостоятельнаго человѣка, имѣющаго возможность удовлетворять потребностямъ роскоши. Онъ заставляетъ отказаться отъ свободы и самопомощи, въ которыхъ выражаются основныя черты англійскаго характера, и мнѣ кажется, что настоящіе англичане, которые особенно настаиваютъ на этой теоріи, будутъ недовольны ею, если она осуществится на практикѣ, такъ какъ социализмъ и свобода непримиримы. Люди, живущіе въ обществѣ, должны жить для другихъ, для самого общества. Только одна религія можетъ внушить чувство, которое бы заставило человѣка обращаться съ другими такъ, какъ онъ хочетъ, чтобы съ нимъ обращались, поэтому-то мужскіе и женскіе монастыри, послѣ русскаго «міра», представляютъ наиболѣе прочную форму европейской ассоціаціи. Не знаю, какъ относится законъ Англійскаго королевства или Британскихъ колоній къ учрежденію подобныхъ общинъ; но я не думаю, что онъ запрещаетъ ихъ. Если такъ, то возможно, что люди, увлекающіеся теоріей, примѣняютъ ее на практикѣ. Теорія заслуживаетъ того, чтобы опытъ удался и если онъ удался, то послѣдствія будутъ имѣть весьма серьезное значеніе не только для Ан-

гліи, но и для всей Европы. Я сомнѣваюсь только, удастся ли онъ.

Такимъ образомъ корреспондентъ The Church Review видитъ въ монастыряхъ только одну изъ формъ соціальной жизни, нѣчто въ родѣ христіанской коммуны и пользуется принципами монашеской дисциплины и основаніями самого монашества лишь для того, чтобы показать, при какихъ условіяхъ возможна та коммуна, о которой мечталъ Платонъ. Для г. Пенвица все равно что клубъ, что монастырь, что общинное землевладѣніе, что большая семья, живущая въ одномъ домѣ и обѣдающая за однимъ столомъ. Онъ смотритъ на всѣ эти совершенно различные институты съ узкой точки зрѣнія—насколько они гарантируютъ возможно-большія удобства для жизни при возможно-меньшей затратѣ. Если корреспондентъ англійскаго духовнаго журнала забылъ истинный смыслъ и цѣль монастырей, то для русскаго читателя, надѣмся, будетъ ясно и безъ комментарія, что клубъ и монастырь два учрежденія совершенно различныя и смѣшивать ихъ невозможно.

The Church Review пока не сообщаетъ никакихъ свѣдѣній о судьбѣ резолюціи, излагающей проектъ учрежденія церковныхъ братствъ и переходитъ къ очерку другихъ конвокаціонныхъ работъ.

Одновременно съ палатами духовенства открыла свои засѣданія и палата мірянъ подъ предсѣдательствомъ графа Сельборна (Selbourn). Открывая засѣданія, предсѣдатель предложилъ палатѣ почтить память почившаго лорда Аддингтона. Потомъ палата обратилась къ текущимъ дѣламъ. М-ръ Спотнисвудъ (Spotniswood) представилъ докладъ комиссіи о реформѣ Конвокаціи. Въ докладѣ устанавливалась мысль, что сама Конвокація не имѣетъ права измѣнять своей конституціи; архіепископъ также не имѣетъ на это права. Вѣроятно, это право принадлежитъ Коронѣ, которая въ данномъ случаѣ, какъ и во всякомъ другомъ, дѣйствуетъ согласно съ мнѣніемъ кабинета министровъ. Поэтому м-ръ Спотнисвудъ предложилъ палатѣ утвердить резолюцію, въ которой признается бесполезнымъ дальнѣйшее обсужденіе этого вопроса.

Предсѣдатель отвѣчалъ на это, что онъ внимательно изу-

чалъ исторію Конвокаціи и имѣеть честь спросить у комиссіи, на какомъ основаніи она пришла къ заключенію, что Корона имѣеть право измѣнять устройство Конвокаціи въ силу своихъ прерогативъ. Онъ, предсѣдатель, не знаетъ такого права.

М-ръ Гиббсъ (Hibbs) отъ лица комиссіи заявилъ, что комиссія выработала свою резолюцію по совѣту м-ра Ельтона (Elton), члена парламента, (самъ онъ не былъ на засѣданіи Конвокаціи).

Гр. Бьючампъ (Beauchamp) сказалъ, что палатѣ лучше не высказывать опредѣленнаго мнѣнія относительно резолюціи и поблагодарить комиссію за ея докладъ.

Предложеніе Бьючампа было отвергнуто и послѣ долгихъ дебатовъ была наконецъ выработана слѣдующая резолюція: палата пришла къ убѣжденію, что вопросъ требуетъ дальнѣйшаго обсужденія и долженъ быть снова отданъ въ комиссію для болѣе подробной разработкы.

Хотя палата и отказалась отъ принципіальнаго рѣшенія вопроса, касающагося реформы Конвокаціи, лордъ Бьючампъ все-таки подвѣлъ нѣкоторые вопросы о конвокаціонной организаціи. Онъ заявилъ: было бы гораздо полезнѣй для дѣла, если бы члены палаты мірянъ избирались не въ одно время съ членами всей Конвокаціи и слѣдовательно не тотчасъ за генеральными выборами въ парламентъ, когда народу становится непріятнымъ самое слово «выборы» и когда, поэтому, онъ не можетъ отнестись съ полнымъ вниманіемъ къ дѣлу избранія. Тогда, по мнѣнію лорда, члены являлись бы въ Конвокацію однажды въ годъ, а не три раза, какъ теперь и не одновременно съ засѣданіями парламента, когда многіе изъ нихъ заняты въ законодательныхъ палатахъ. Далѣе было бы гораздо лучше, если бы засѣданія Конвокаціи происходили не постоянно въ Лондонѣ, но иногда и въ другихъ болѣе или менѣе значительныхъ городахъ Кэтнерберійскаго округа. Нѣкоторыя детали въ проектѣ требуютъ спеціального разсмотрѣнія и потому лордъ предложилъ назначить спеціальную комиссію.

Лордъ Нортонъ (Norton) призналъ проектъ Бьючампа неразумнымъ.

Предсѣдатель замѣтилъ, что едвали палата мірянъ имѣеть право принимать какія-либо опредѣленные рѣшенія по вопросамъ, поднятымъ л. Бьючампомъ безъ совѣта съ другими палатами Конвокаціи; но онъ, предсѣдатель, ничего не имѣеть противъ избранія требуемой лордомъ Бьючампомъ комиссіи.

По мнѣнію сэра Паджета (Paget) лордъ Бьючампъ не обдумалъ надлежащимъ образомъ своего предложенія, по идеѣ котораго руководились при организаціи палаты мірянъ, необходимо, что бы засѣданія этой палаты происходили одновременно съ засѣданіями всей Конвокаціи.

Предложеніе л. Бьючампа было отвергнуто большинствомъ 26 противъ 10.

Изъ дальнѣйшихъ работъ Конвокаціи The Church Review отмѣчаетъ постановленіе нижней палаты по вопросу о разводѣ.

Послѣ обычныхъ дебатовъ постановленіе было принято въ слѣдующей формѣ. «Въ брачный законъ привнесено весьма серьезное измѣненіе биллемъ о разводѣ (Divorce Bill), который прошелъ недавно въ парламентѣ. Одинъ отдѣлъ билля представляетъ слѣдующій случай: мужъ, покинувшій свою жену (или жена, покинувшая своего мужа) и не менѣе двухъ лѣтъ прожившій въ колоніяхъ Викторіи, имѣеть право просить высшее судебное учрежденіе о расторженіи брака на томъ основаніи, что жена (или мужъ) отказалась отъ брачнаго сожитія безъ достаточной для извиненія причины».

«Допустить такое основаніе для расторженія брака противно ученію св. Писанія».

«Правительство Викторіи, какъ мы слышали, обратилось съ просьбой къ статсъ-секретарю для колоній, чтобы онъ ходатайствовалъ предъ Короной объ утвержденіи билля съ такимъ отдѣломъ».

«Есть основанія опасаться, что какъ скоро корона утвердитъ билль и онъ станетъ закономъ, сторонники большей свободы развода въ Соединенномъ Королевствѣ, воспользуются такимъ дѣйствіемъ Короны, какъ аргументомъ въ пользу дальнѣйшихъ послабленій въ этой области».

«По мнѣнію палаты измѣненія въ законахъ о разводѣ, устанавливающія большую свободу развода, поведутъ за со-

бою серьезныя преступленія противъ религіознаго и соціальнаго благосостоянія подданныхъ Короны».

«Нижняя палата считаетъ долгомъ просить членовъ палаты верхней дать этому дѣлу такой ходъ, какой имъ покажется наиболѣе пригоднымъ для того, чтобы помѣшать парламентскому биллю стать закономъ».

Изъ возраженій противъ этой резолюціи замѣчательна рѣчь архидіакона Оксфордскаго. Онъ доказывалъ, что палата беретъ за непосильное дѣло и слѣдовательно поступаетъ противъ принциповъ своей конституціи, разсуждая о бракѣ въ колоніяхъ; признавая серьезное значеніе за брачнымъ вопросомъ въ дѣлѣ церковнаго и государственнаго единства, онъ порицаетъ несогласный съ конституціей шагъ палаты, который можетъ ослабить ея законное вліяніе. Ораторъ думаетъ, что церковь скоро будетъ имѣть возможность сказать весьма вѣское слово по этому вопросу. Не смотря на возраженіе архидіакона Оксфордскаго, резолюція нижней палаты духовенства была передана въ палату епископовъ.

Мы уже имѣли случай говорить объ отношеніи англійскаго духовенства къ вопросу о десятинѣ ¹⁾. Конвокація, конечно, не могла не обратить вниманія на этотъ существенный вопросъ въ жизни англійскаго духовенства. Нижняя палата ея выразила свое мнѣніе въ слѣдующихъ резолюціяхъ: «Въ Палатѣ Общинъ (House of Commons—нижняя палата парламента) вліятельные члены установили то положеніе, что десятина есть національная собственность, съ очевидностью доказывая, что иной собственности и не существуетъ, слѣдовательно, государство имѣетъ нравственное право контроля надъ такою собственностью; оно имѣетъ власть обращать эту собственность на какіе угодно предметы; своимъ правомъ по отношенію къ десятинѣ государство можетъ пользоваться даже гораздо шире, чѣмъ правами на всякую другую собственность, распоряженіе которою ограничивается правомъ первоначальнаго пожалованія, правами давности и законнаго обладанія; наконецъ положеніе десятины одинаково съ поло-

¹⁾ „Вѣра и Разумъ“, № 8, 90 г., Зап. о ц. ж. за-гран.

женіемъ всякой другой національной собственности». Нижняя палата обращается далѣе съ просьбою къ палатѣ епископовъ, чтобы они употребили зависяція отъ нихъ средства къ уничтоженію неправильныхъ представленій о десятинѣ въ Парламентѣ.

4-го марта н. г. кабинетъ внесъ въ парламентъ билль о десятинѣ. Чтобы уяснить содержаніе этого билля, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о томъ, что такое англійская десятина. Раздѣленіе Англіи на приходы и обычай прихожанъ вносить десятину на содержаніе духовенства относится къ самому раннему періоду исторіи англійской церкви; поэтому трудно установить точную хронологическую дату этого обычая. Несомнѣнно только, что въ 970 году приходы и десятина уже существовали. До этого года каждый англичанинъ давалъ десятину съ своего дохода церкви, избранной имъ по своему усмотрѣнію. Закономъ 970 года было опредѣлено, чтобы десятина платилась именно той церкви, къ приходу которой принадлежитъ плательщикъ. Самая десятина раздѣлялась на большую и малую. Къ первой принадлежали хлѣбные злаки, сѣно, лѣсъ; ко второй — всѣ остальные деревенскіе продукты. Соотвѣтственно тому, какая десятина получалась, и приходскіе священники, ее получавшіе, носили разныя названія, удержавшіяся въ англійской церкви и до сего времени. Такъ, священникъ, получавшій большую десятину, назывался ректоромъ (*rector*), малую — викаріемъ (*vicar*), приходъ, платившій десятину, по феодальной терминологіи, назывался бенефиціей. Были приходы, совсѣмъ не платившіе десятины. Священники, завѣдывавшіе такимъ приходомъ, назывались *Perpetual curate* (постоянный викарій); если же они нанимали за извѣстную плату другого священника для исправленія приходскихъ требъ, то этотъ послѣдній назывался *stipendiary curate* (букв. наемный викарій). Такъ обстояло дѣло до реформациі. Съ этого времени большая часть бенефицій поступила въ распоряженіе Короны и Генрихъ VIII-й распредѣлилъ значительную часть секвестрованныхъ церковныхъ имѣній между своими соподвижниками. Поэтому многіе изъ представителей современной англійской аристократіи владѣютъ имѣ-

ніями, которыя прежде принадлежали церкви и пользуются доходами, которые до реформаціи получало духовенство ¹⁾. Пока всѣ англичане принадлежали къ католической церкви, пока десятина платилась духовенству, вопроса о томъ, платить или не платить десятину не могло и возникнуть. Но когда реформація раздѣлила Англію на множество религіозныхъ партій, члены которыхъ далеко не одинаково относятся къ государственной церкви, то конечно, плательщики десятины, не признававшіе государственной церкви, не могли не задаться вопросомъ кому и за что они платятъ этотъ налогъ? Этимъ вопросомъ не разъ и задавались такъ называемые понконформисты, чѣмъ вызвали правительство на различныя узаконенія, касающіяся десятины. Мы уже упоминали объ одномъ изъ такихъ узаконеній — именно объ актѣ 1836 года. Въ настоящее время, какъ извѣстно, вопросъ о десятинѣ возникъ въ Валлисѣ, гдѣ большая часть населенія принадлежитъ къ понконформистамъ. Въ Англіи, гдѣ тоже много понконформистовъ, этотъ вопросъ не могъ не возбудить общественнаго вниманія и вотъ кабинетъ вноситъ въ парламентъ билль о десятинѣ. Этотъ билль долженъ пройти длинную процедуру парламентской дебатировки, прежде чѣмъ получить санкцію Короны, послѣ чего онъ и сдѣлается закономъ. Пока идутъ парламентскіе дебаты по вопросамъ, затронутымъ биллемъ, не молчитъ и англійская пресса. Она обсуждаетъ основные принципы билля. Мы позволимъ себѣ привести одно изъ такихъ обсужденій, гдѣ эти принципы выражаются съ особенной ясностію.

«Настоящія мѣропріятія правительства имѣютъ въ виду разъяснить сложный вопросъ о десятинѣ, поставленный еще въ 1836 году. Мы думаемъ, что правительство намѣрено слѣдовать указаніямъ справедливости и издастъ законъ, который устранилъ затрудненія, которыя беспокоили два поколѣнія англійскаго народа. Народъ однако долженъ ясно понять, что кабинетъ внесъ билль въ парламентъ не потому, что англійскій клиръ, или плательщики десятины требовали этого, но

¹⁾ Ср. Uhden. D. Lustande. d. Angl. Kirche. St. 47. 129.

исключительно въ интересахъ Валлійскихъ собственниковъ десятины. Въ Англіи встрѣчаются очень незначительныя затрудненія при сборѣ десятины и только недостаточные фермеры не выплачиваютъ низкаго налога на ренту. Когда десятина была выше, фермеры имѣли достаточно денегъ для ея уплаты; теперь она понижена болѣе, чѣмъ на 20% и фермеры оказываются настолько же несостоятельными, насколько прежде они были богаты. Это обѣднѣніе плательщиковъ десятины въ Англіи зависитъ отъ земледѣльческаго кризиса. Но въ Валлисѣ земледѣльческій кризисъ не отразился такъ печально на благосостояніи фермеровъ, какъ это случилось въ Англіи и отказъ Валлійцевъ платить десятину есть отказъ платить на будущее время и самую ренту».

Указавъ такимъ образомъ, для кого собственно предназначается дебатиремый въ парламентѣ билль, памфлетъ указываетъ основныя черты самого билля. — «Билль отмѣняетъ право налагать арестъ на имущество несостоятельнаго плательщика десятины. По смыслу билля собственники десятины будутъ получать этотъ доходъ какъ и всякіе другіе долги при посредствѣ гражданской палаты (County Court—мѣстное учрежденіе въ графствѣ); десятинный налогъ уплачивается фермерами прежде всякихъ другихъ налоговъ; конечно подъ эту статью закона не подходятъ арендаторы земель, свободныхъ отъ десятиннаго налога. Мы не видимъ, что собственно хорошаго заключается здѣсь для Англіи, но для Валлиса законъ имѣетъ существенное значеніе. Плательщики десятины, которые могутъ, но не хотятъ платить ее, болѣе не будутъ имѣть дѣла съ судебнымъ приставомъ, описывающимъ ихъ имущество; они прямо подчиняются гражданской палатѣ и всѣ дѣйствія по уплатѣ производятся по опредѣленію этой палаты и ея чиновниками. Если плательщикъ можетъ заплатить десятину, то онъ обязанъ сдѣлать это; если же онъ отказывается отъ этого, то его заключаютъ въ тюрьму по приговору суда. Безъ сомнѣнія, этотъ пунктъ билля будетъ оспариваться противниками церкви въ парламентѣ; но весьма справедливо желаніе кабинета утвердить въ обществѣ ту мысль, что заключеніе въ тюрьму есть послѣднее средство въ процессѣ та-

кихъ лицъ, которыя, имѣя средства, не хотятъ платить своихъ долговъ. Но правомъ заключенія въ тюрьму вѣроятно не будутъ пользоваться, потому что билль переноситъ уплату десятины съ непосредственнаго плательщика на землевладѣльца. И въ Валлисѣ, и въ Англіи есть землевладѣльцы-пунконформисты; и они обязаны платить десятину; но отказавшіеся недавно платить десятину принадлежатъ къ классу небогатыхъ фермеровъ, а не къ сословію состоятельныхъ собственниковъ. Это второе постановленіе билля и осуществится вѣроятно на дѣлѣ; плательщикъ десятины присоединитъ ее къ рентѣ, уплачиваемой лорду, который и отвѣчаетъ за уплату десятины предъ ея собственникомъ. Въ разбираемомъ биллѣ усматривается далѣе новая черта, которой мы не видимъ въ актѣ 1836 года. Билль предусматриваетъ случай, когда десятина превышаетъ таксу поземельнаго налога; если подобный фактъ будетъ удостовѣренъ оцѣночной комиссіей¹⁾, то излишекъ остается въ пользу плательщика. Третьимъ принципомъ билля предусматривается выкупъ десятины. Для этой цѣли десятины раздѣлены на два класса — въ двадцать шиллинговъ и выше. При такомъ расчетѣ произойдетъ большая путаница при расчетахъ собственниковъ десятины съ плательщиками, которые платятъ ничтожную сумму — отъ нѣсколькихъ пенсовъ до нѣсколькихъ шиллинговъ. Если число коттеджей, обложенныхъ подобной десятиной, достигаетъ, напримѣръ, до 100, то десятиной уже нельзя пренебрегать и по принципу, и потому, что соединеніе подобныхъ величинъ дастъ въ суммѣ очень многое. Желательно, конечно, чтобы подобныя десятины были выкуплены, и билль надѣется, что департаментъ земледѣлія возьметъ подобную операцію подъ свое наблюденіе. По просьбѣ собственниковъ земли и десятины департаментъ можетъ выдать правила для выкупа и установить цѣну согласно со всѣми обстоятельствами дѣла. Когда десятина превышаетъ 20 шиллинговъ, то департаментъ издастъ правила выкупа только по просьбѣ собственниковъ земли и десятины, вмѣстѣ съ этимъ онъ долженъ позаботиться

1) Poor Law Assessment Committee.

и о томъ, чтобы цѣна выкупа точно соотвѣтствовала постоянной стоимости бенефиціи. Выкупной капиталъ поступаетъ въ распоряженіе церковныхъ комиссаровъ, которые и выплачиваютъ съ него $3\frac{1}{2}\%$. Каждая 10 лѣтъ суммы ревизуются и казначейство имѣетъ право понизить или повысить процентъ».

«Таковы основныя черты билля», заключаетъ памфлетъ. Пройдетъ ли онъ во всѣхъ своихъ основныхъ чертахъ, или нѣтъ, кабинетъ во всякомъ случаѣ заслуживаетъ глубокой благодарности со стороны клира, и особенно Валлійскаго клира, за свои труды по разрѣшенію этого запутаннаго вопроса. Трудно ожидать, чтобы это мѣропріятіе удовлетворило всѣмъ партіямъ; положительно невѣроятно, чтобы оно прекратило всякую агитацію; но мы имѣемъ право надѣяться, что оно успокоитъ волненія и сохранитъ благочестивые дары усопшихъ благотворителей для выполненія тѣхъ цѣлей, которыя имѣли въ виду сами благотворители.

Въ нашихъ предыдущихъ замѣткахъ мы уже имѣли случай говорить ¹⁾ объ опасеніяхъ, которыя возбуждало социаль-демократическое движеніе въ евангелическомъ духовенствѣ; мы говорили также и о программѣ, которую евангелическіе пасторы выработали въ противовѣсъ политической программѣ социаль-демократовъ. Послѣ того, какъ закончились выборы въ рейхстагъ, *Algemeine Ewangelisch-Lutherische-Kirchenzeitung* въ свою очередь выступило съ указаніемъ того принципа, которымъ должно руководствоваться евангелическое духовенство въ борьбѣ съ социаль-демократическими идеями; названный журналъ указываетъ также и наиболѣе дѣйствительное средство для проведенія въ жизнь противодѣйствующаго социаль-демократамъ принципа. вмѣстѣ съ этимъ журналъ даетъ и характеристику религіозно-нравственныхъ воззрѣній, которыхъ держится господствующая политическая партія современной Германіи. Такъ какъ принципъ для борьбы съ социаль-демократами основывается на отличительныхъ чертахъ ихъ религіозно-нравственнаго міровоззрѣнія, то мы начнемъ съ характеристики сего послѣдняго.

—) «Вѣра и разумъ», № 8-й, 1890 г.

Результаты выборовъ въ рейхстагъ произвели опеломляющее впечатлѣніе на всѣ классы германскаго общества. «Если послѣдніе выборы увеличили численность социаль-демократической партіи почти въ полтора, то что же мы увидимъ въ ближайшемъ будущемъ? Какой разумный человѣкъ повѣритъ, что наступитъ реакція? Напротивъ, должно ожидать, что социаль-демократы выступятъ еще на избирательную арену съ гораздо большимъ запасомъ голосовъ. Благодаря громадному количеству избирательныхъ голосовъ, благодаря тѣсной партійной сплоченности, социаль-демократы считаютъ себя господами не только будущаго, но и даже настоящаго. Какъ поднялось ихъ самочувствіе, каждый можетъ замѣтить даже при случайной встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ на улицѣ. Очевидно, громадная опасность грозитъ всему зданію христіанской культуры. Какія же средства для борьбы съ этой опасностью? Социаль-демократія пропикнута строго-опредѣленнымъ міровоззрѣніемъ. Ей должно противопоставить не менѣе строгое, органически цѣлостное міросозерцаніе».

«За вѣкомъ пантеизма послѣдовалъ вѣкъ матеріализма. Для матеріалиста чувственная реальность—все: внѣ ея—ничто. Нѣтъ ничего тамъ за облаками. Нѣтъ ни Бога, ни загробной жизни. Триумфъ современной мысли выражается въ томъ, что человѣка пизвели на степень животнаго и жизнь поставили исключительно въ рамки чувственности. Естественно, Богъ и человѣкъ стоятъ и падаютъ одновременно. Богъ перестаетъ быть Богомъ и человѣкъ перестаетъ быть человѣкомъ. Богъ превращается въ матерію и человѣкъ начинаетъ жить исключительно матеріальной жизнью. Чувственное удовольствіе становится единственною цѣлію жизни. Это на философскомъ языкѣ основное міровоззрѣніе социаль-демократіи. Если рабочіе еще не пмѣютъ его, то пмѣ всячески внушаютъ его. Конечно, сначала это ученіе проповѣдуютъ въ учелыхъ книгахъ и съ кафедры, въ массы уже оно переходитъ въ формѣ популярной. Было бы и странно требовать, чтобы такое ученіе оставалось только въ тиши кабинета «образованнаго» человѣка. Да и можетъ ли быть въ наше время чисто-кабинетная теорія? Не гораздо ли чаще случается такъ, что ска-

завное вчера въ кабинетѣ, сегодня проповѣдуется съ крышъ? Ученые высказываютъ теорію, массы проводятъ ее въ жизнь. Но нельзя безнаказанно играть съ огнемъ. Что же удивительнаго, если социаль-демократія тотъ огонь, который грозитъ сжечь наше зданіе?».

«Въ стремленіяхъ низшаго класса къ улучшенію своего положенія нѣтъ ничего дурного. Не дѣлаютъ ли и всѣ то же? Если бы за подобными стремленіями не скрывалось ничего большаго, то дѣлу помочь было бы не трудно. Хорошая воля и серьезное размышленіе указали бы путь для удовлетворенія низшихъ классовъ. Да будутъ благословенны всѣ усилія упорядочить отношенія труда и капитала, да будутъ благословенны заботы о будущности рабочаго класса, заботы, предупреждающія несчастія и такимъ образомъ уничтожающія причину общественныхъ неудовольствій. Да... если бы далѣе ничего болѣе не было. Соціалистическія движенія были всегда, потому что всегда были скорбь и тѣснота, прискорбное неравенство въ распредѣленіи земныхъ благъ, въ оцѣнкѣ труда. Но современное движеніе отличается отъ предшествовавшихъ ему волненій въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, оно носитъ космополитическій характеръ. Раньше всѣ движенія замыкались въ тѣсныхъ границахъ земель и городовъ. Теперь впервые на сцену выступило космополитическое социальное движеніе. Естественно, какая польза отъ социальной реформы въ какой-нибудь одной странѣ? она всегда останется проблематичной и ея дѣйствія будутъ парализованы изъ за границы. Наше время придаетъ космополитическій характеръ и работѣ и социалистическимъ идеямъ. — Другой отличительный признакъ современнаго социализма выражается въ томъ, что онъ покоится на опредѣленномъ, ему одному свойственномъ міросозерцаніи, чего не было раньше. Это мировоззрѣніе—атеистическій матеріализмъ. Поставляя цѣлью жизни одно наслажденіе, социаль-демократія сознаетъ, что оно недостижимо при современномъ социальномъ порядкѣ, исключаящемъ равенство; поэтому, заключаетъ социаль-демократія, должно ввести новый общественный порядокъ, который бы гарантировалъ всѣмъ возможно большую сумму наслажденія. Какимъ

путемъ можно ввести этотъ порядокъ—мирнымъ или насильственнымъ -- все равно. Извѣстны фантастическія картины, которыми возбуждаютъ чувствениыя вождѣленія въ социалистахъ. Это жалкая фантазія рабочаго, который смотритъ на жизнь исключительно съ точки зрѣнія желудочнаго вопроса. Здѣсь тонетъ высшая жизнь духа. Духовное и хозяйственное варварство готово смѣнить истинно-христіанскую жизнь. Повидимому каждый разумный человѣкъ въ состояніи предвидѣть это. Но вождѣленіе омрачаетъ разумъ. Химерическая доктрина распространилась съ быстротою, которой никто не ожидалъ. Соціальная революція стала гораздо ближе, чѣмъ можно было предвидѣть за нѣсколько лѣтъ. Развѣ можно подавить ее военной силой? Развѣ можно скрыться отъ ней за стѣнами казармъ? Пытались бороться съ социалистами и законодательнымъ путемъ. Мысль хорошая, но пользы она не принесла. Пытались ослабить социализмъ критическимъ разборомъ соціальныхъ доктринъ. Но подобныя попытки не увѣнчались успѣхами. Нужно найти доступъ къ человѣческому сердцу».

«Соціаль-демократическое движеніе—орудіе исправленія въ рукахъ Божіихъ. Разъ общество не сумѣетъ воспользоваться этимъ предостереженіемъ Божественнаго Провидѣнія, оно погибнетъ и соціаль-демократія будетъ праздновать эту гибель ужасной пляской смерти. Теперь играютъ атеизмомъ и матеріализмомъ; но низшіе классы общества не ведутъ двойной бухгалтеріи. Соціаль-демократы серьезно связали свою судьбу съ атеизмомъ. Потворствуютъ жаждѣ пріобрѣтеній, которою отличаются массы, эти хищническіе инстинкты обращаютъ на службу чувственному удовольствію. Но развѣ высшіе слои общества имѣютъ какія-нибудь особыя привиллегіи на пользованіе этими удовольствіями? Наше время не знаетъ привиллегій и соціаль-демократія стремится подвести всякіе счета. Предотвратить подобную опасность можетъ только моральная сила, которая станетъ соціальной. Это сдѣлаетъ только религія, только христіанство. Соціальное значеніе христіанства покоится на церкви. Церковь проводитъ свое вліяніе при посредствѣ храма. Здѣсь-то и лежитъ исходный пунктъ въ борьбѣ съ социализмомъ».

«Христіанство—но какое? Современное либеральное, или ему подобное? Нѣтъ. Такое христіанство чистая выдумка, фикція, которой ничто не соотвѣтствуетъ въ дѣйствительности. Христіанство, установленное фактами исторіи, есть единственная реальность, которая можетъ произвести неотразимое впечатлѣніе на духъ человѣка. Но какимъ путемъ можно провести въ жизнь христіанскую образованность, истинно-христіанское настроеніе? Внутренняя миссія можетъ послужить этому дѣлу только въ томъ случаѣ, если она будетъ дѣйствовать независимо отъ разныхъ союзовъ, съ которыми неразрывно связано самое ея существованіе. Не словомъ ли проповѣди? Да. Ничто въ мірѣ не вліяетъ такъ сильно на духъ человѣческой, какъ слово Божіе. Но кто понесетъ его въ массы рабочаго люда, въ его дома и хижины? Замѣчательные проповѣдники, которые имѣютъ неотразимое вліяніе на массы. Они безъ сомнѣнія найдутся, но ихъ нельзя образовать по произволу. Не всякая искренняя вѣра одарена силой непреодолимаго убѣжденія».

«Безъ сомнѣнія все это—очень хорошія средства. Но это не то радикальное средство, которое можетъ замѣнить все и помочь одно, само по себѣ. Такое средство можно видѣть въ организаціи церковныхъ общинъ, небольшихъ по объему, такихъ общинъ, за которыми удобно наблюдать, которыми можно овладѣть, которыми удобно управлять и руководить. Объ этомъ говорили очень часто, но недостаточно полно. Многолюдныя церковныя общины нашихъ городовъ—наше несчастіе; отсутствіе храмовъ въ предмѣстіяхъ и окрестностяхъ большихъ городовъ—наша гибель. Если здѣсь не будетъ церковнаго вліянія, то все другое, какъ бы оно ни было хорошо, окажется тщетнымъ. Наше слово звучитъ тривіально; но эта тривіальность не лишаетъ его истины. Простѣйшее часто бываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и самымъ вѣрнымъ; истина выражается часто въ самой простой формѣ. Отсутствіе церквей и нравственное одичаніе стоятъ въ неразрывной связи. Ни полиція, ни армія, ни законы не въ силахъ уничтожить этого нравственнаго одичанія. Еще менѣе помогутъ этому тюрьмы. Построеніе церквей, усиленіе духовенства—вотъ коренное средство про-

тивъ зла. Вычислано, что для Берлина нужно еще 120 пасторовъ, кромѣ тѣхъ, которые тамъ есть теперь. По нашему мнѣнію нужно гораздо больше. Но если бы прибавилось даже 120 л. и 60 новыхъ церквей, то уже въ 10—20 лѣтъ обнаружилась бы благія послѣдствія этого усиленія. То же можно сказать и относительно всякаго другого округа. Рабочіе такіе же люди, какъ и богачи. Они имѣютъ нужду въ утѣшеніи и воспріимчивы къ личному участию и религіозному увѣщанію. Они забыли Бога только потому, что жили въ кварталахъ, гдѣ не было ни церквей, ни духовенства. Въ католической Баваріи и Вюртембергѣ на каждаго патера приходится 500—600 мірянъ, причемъ бѣлому духовенству помогаютъ монашескіе ордена. У насъ же въ окрестностяхъ городовъ на каждаго пастора приходится до 10.000 свѣтскихъ лицъ. Говорить при такихъ обстоятельствахъ о пастырскомъ душепопеченіи и требовать отъ евангелическаго духовенства вліянія на народъ но меньшей мѣрѣ неразумно».

«Итакъ оставьте въ силѣ всѣ мѣропріятія противъ социаль-демократіи, но раздробите приходы, выстройте новыя церкви, усильте личный составъ духовенства, дайте возможность пастору упрочить въ приходѣ свое личное вліяніе,—и борьба противъ социаль-демократіи станетъ на надлежащую почву. Намъ скажутъ: вѣдь это стоить громаднхъ денегъ. Да; если не хотите ихъ тратить, то все пойдетъ въ карманы социаль-демократіи. Если вздумаютъ устроить школу, деньги найдутся; если находятъ нужнымъ усилить армію, деньги тоже являются; если нужно было построить центральный вокзалъ для облегченія путей сообщенія, то не задумался затратить милліоны и т. п. Вѣдь церкви гораздо важнѣе, чѣмъ всѣ школы, полки и вокзалы. Неужели же въ государственной кассѣ не найдется суммы, необходимой для того, чтобы ихъ построить? Кто не любитъ церкви, кто не пользуется религіей въ своей личной жвзни, тотъ долженъ имѣть настолько политическаго смысла, чтобы понять необходимость религіи для народа, особенно нашего народа, который безъ нея жить не можетъ, тотъ долженъ понять, что религія обладаетъ величайшей нравственной силой, какая только существуетъ на

землѣ, что улучшение современнаго положенія дѣль можетъ быть обосновано только на нравственной почвѣ, что будущее нашего общества зиждется именно на этомъ основаніи, что, наконецъ, непозволительно терять дорогое время: сегодня и завтра еще въ нашемъ распоряженіи, но послѣ-завтра быть можетъ уже не будетъ принадлежать намъ .

N.

(Продолженіе будетъ).

МЕТАФИЗИКА И ФИЛОСОФІЯ.

Изъ чтеній профессора Казанской Духовной Академіи

Вен. Ал. Снегирева.

(Окончаніе *).

Философія имѣетъ свой опредѣленный предметъ, свою задачу и свое особое жизненно-практическое значеніе, и есть, потому, особая, специальная наука, изслѣдующая нѣчто такое, что не изучается ни одною изъ другихъ существующихъ наукъ, не изслѣдуется и всѣми ими взятыми въ цѣломъ и приведенными въ одну систему. Предметъ этотъ есть все сущее, вселенная, міръ, бытіе вообще, какъ одно живое цѣлое, какъ одинъ, необъятный по объему и сложности, но тѣмъ не менѣе вмѣстѣ дѣйствительный фактъ, часть котораго составляетъ и самъ познающій человѣкъ и его знаніе. Предметъ этотъ данъ необходимо въ представленіи каждаго мыслящаго и сознающаго себя, какъ обособленное единое цѣлое человѣка, данъ, слѣдовательно, какъ необходимая составная часть его самосознанія. Представленіе о немъ въ безчисленномъ разнообразіи формъ сопутствуетъ неизмѣнно и постоянно представленію каждаго отдѣльнаго предмета и явленія, какъ и ихъ совокупностей разнаго объема, точно также, какъ представленіе о части вещи, о части предмета или явленія отдѣльнаго сопутствуется неизбѣжно представленіемъ цѣлаго. Воспріятіе каждаго отдѣльнаго факта бытія или явленія міра предпола-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 12.

гаеть, потому, цѣлое, котораго они суть только части. Вотъ почему многіе почитали и доселѣ почитаютъ идею вселенной, космоса, бытія всего, какъ одного цѣлаго, — прирожденною чело-
вѣку. Вотъ почему изслѣдованіе цѣлаго, вопросы о природѣ этого цѣлаго, стремленіе понять его, какъ живое единство, яви-
лись прежде изученія частей его, отдѣльныхъ явленій и фило-
софія — прежде всѣхъ другихъ наукъ. Задача философіи по
отношенію къ этому, прямо данному въ воспріятіи и предста-
вленіи предмету, та же самая, какую имѣеть каждая изъ наукъ
по отношенію къ той группѣ предметовъ или явленій, кото-
рая она изслѣдуетъ. Она прежде всего должна описать этотъ
предметъ въ его существенныхъ составныхъ частяхъ, предста-
вить, слѣдовательно, картину міра, какъ онъ данъ въ непосред-
ственномъ представленіи и воспріятіи, — вообще — въ опытѣ.
Это описаніе, естественно, должно слагаться изъ описаній и
объясненій отдѣльныхъ группъ явленій въ томъ видѣ, какъ
они даны въ спеціальныхъ наукахъ о нихъ, въ видѣ того, что
обыкновенно называется послѣднимъ словомъ этихъ наукъ.
Оно должно быть сводомъ въ одно цѣлое всего, что извѣстно
о явленіяхъ міра и ихъ отношеніяхъ на основаніи опыта, на-
блюденія и строго научнаго изслѣдованія, безъ всякой примѣси
гаданій и предположеній. или, по крайней мѣрѣ, съ самымъ
строгимъ различеніемъ гадательнаго и гипотетическаго отъ того,
что несомнѣнно. Эту часть задачи философіи выполняетъ такъ
называемая позитивная философія, какъ сводъ положительныхъ
данныхъ о всѣхъ явленіяхъ и предметахъ міра, выполняетъ
пока весьма неудовлетворительно и односторонне, но во вся-
комъ случаѣ неизмѣримо лучше, чѣмъ всѣ попытки въ этомъ
родѣ древнихъ и новыхъ философовъ, сливавшихъ описаніе
частей вселенной съ объясненіемъ ея и довольствовавшихся
самымъ поверхностнымъ знаніемъ этихъ частей, самую общую,
т. е. смутною картиною цѣлаго, которое они брались и пыта-
лись объяснить. Но описавши такимъ образомъ свой предметъ,
описавши не на основаніи субъективныхъ воззрѣній и знаній
отдѣльной личности, а на основаніи безстрастныхъ объектив-
ныхъ данныхъ науки, знаній, созданныхъ умомъ человѣче-
скимъ вообще въ теченіе вѣковыхъ усилій, — философія воспол-

няетъ только часть своей задачи и притомъ часть не главную и существенную, а только подготовительную къ главной. Послѣ описанія, философія необходимо ставитъ вопросъ, изъ какихъ основныхъ факторовъ слагаются явленія міровой жизни, и какъ они производятся въ каждый моментъ своего бытія,—какіе причины и дѣятели лежатъ въ основѣ вселенной, дѣятели далѣе неразложимаго и несводимаго ни къ чему иному. Попытка отвѣтить на этотъ вопросъ, попытка открыть основы міра и изъ нихъ объяснить его, объяснить, конечно, насколько это возможно въ предѣлахъ ума человѣческаго и фактическихъ знаній о явленіяхъ міра въ данный моментъ,—эта попытка составляетъ существенное и главное въ содержаніи философіи. есть философія въ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Такимъ образомъ, задача философіи состоитъ въ открытіи производителей или дѣйствующихъ причинъ всего бытія и объясненіе изъ нихъ и ихъ взаимодѣйствій всего строя и направленія жизни вселенной. На основаніи этого философія можетъ быть прямо опредѣляема, какъ наука объ основныхъ началахъ бытія и прямо отождествляется съ метафизикою. При этомъ положеніе,—что безъ метафизики нѣтъ философіи и что философія и метафизика одно и то же, становится несомнѣннымъ до очевидности.

Правда, опыты объясненія міра изъ его началъ и опыты опредѣленія этихъ началъ доселѣ были почти безуспѣшными, и въ настоящее время они не могутъ привести къ чему-либо неоспоримому и для всѣхъ очевидному и несомнѣнному. Но этого и слѣдуетъ ожидать по самому существу предмета философіи, и было бы въ высшей степени страннымъ и противнымъ общимъ законамъ развитія человѣческаго знанія, если бы дѣло было иначе, если бы философія умѣла ужъ теперь объяснить вселенную, опредѣливъ число основныхъ ея производителей.—теперь, когда едва началось научное объясненіе нѣкоторыхъ только частныхъ явленій, ее составляющихъ, когда еще сумма, дѣйствительно, научныхъ объясненій отдѣльныхъ явленій, можно сказать, ничтожна. И во всякомъ случаѣ, изъ этого никакъ не слѣдуетъ, что нужно отказаться отъ философованія, отъ философскихъ изслѣдованій, отъ попытокъ

разрѣшенія метафизическихъ вопросовъ и попытокъ научнаго опредѣленія причинъ міровой жизни и объясненія ими вселенной,—признать эту задачу невыполнимою и неосуществимою навсегда, даже отчасти. Напротивъ, изъ этого слѣдуетъ необходимость сосредоточенія усилій въ этомъ, именно, направленіи и накопленія данныхъ научныхъ для рѣшенія вопросовъ, кажущихся теперь неразрѣшимыми. Въ наукахъ спеціальныхъ весьма много такихъ неразрѣшенныхъ и кажущихся теперь неразрѣшимыми вопросовъ; напр., вопросы: что такое тяготѣніе и тяжесть, притяженіе и т. п., что такое электричество, магнитизмъ, теплота, жизнь и много другихъ въ этомъ родѣ; но отсюда никто не дѣлаетъ вывода, что не слѣдуетъ и пытаться разрѣшить ихъ. Изъ того, напр., что всѣ объясненія жизни доселѣ были неудачными и что нѣтъ возможности, повидимому, теперь объяснить это явленіе, — вовсе не слѣдуетъ, что лучше оставить біологическія изслѣдованія, — и они не оставляются, а напротивъ привлекаютъ къ себѣ именно своею трудностію лучшіе умы. Изслѣдователи въ области явленій природы знаютъ по опыту, что иногда самая повидимому нелѣпая попытка объясненія заключаетъ въ себѣ истину и что истина нерѣдко открывается какъ бы случайно и неожиданно тамъ и тогда, гдѣ и когда этого менѣе всего ожидаютъ. Потому то вниманіе ихъ постоянно и сосредоточивается на пеконномъ, неразрѣшенномъ и кажущемся неразрѣшимымъ. То же самое, очевидно, должно быть въ области объясненія цѣлаго міра, — въ области философіи-метафизики. И здѣсь обязательно постоянное и неустанное попытаніе разрѣшить неразрѣшимое, постигнуть непостигнутое и кажущееся непостижимымъ. Это, строго говоря, азбучная истина, которую приходится повторять только вслѣдствіе недоразумѣній, накопившихся около самаго понятія философіи и философствованія. Во всякомъ случаѣ, задача философіи какъ вполне аналогичная и даже тождественная съ задачами всѣхъ наукъ спеціальныхъ по отношенію къ ихъ предметамъ, по существу своему, не есть нѣчто недостижимое и неосуществимое. Философъ стремится сдѣлать для всей совокупности явленій міра то же самое, что дѣлаетъ физикъ, напримѣръ, объясняя явленія свѣта и звука, или химикъ явленіе горѣнія. Эти по-

слѣдніе открываютъ въ явленіяхъ, скрытыхъ отъ непосредственнаго воспріятія дѣятелей и недоступныхъ никакому воспріятію, процессы. Философъ дѣлаетъ, или стремится сдѣлать, то же для всѣхъ явленій міра, для ихъ совокупности, т. е. открыть силы, ихъ производящія въ цѣломъ, и тѣ таинственные процессы, которые совершаются при этомъ, обнимая собою все бытіе. Разница только въ большей сложности, трудности изслѣдованія вопроса, а не въ самой сущности, разница количественная, а не качественная. Также точно было бы въ высшей степени страннымъ, если бы попытка объясненія міра въ цѣломъ не представляла (въ прошломъ) много нелѣпаго, разногласій, противорѣчій между собою, — въ силу того, что исторія объясненія каждаго изъ отдѣльныхъ явленій природы, теперь объясненныхъ, представляетъ большею частію рядъ самыхъ нелѣпыхъ построений, съ современной точки зрѣнія. То же самое имѣетъ мѣсто и относительно объясненія въ прошломъ такихъ явленій, которыя не имѣютъ объясненія дослѣ, и знаменитое изреченіе, что нѣтъ той нелѣпости, которую бы не придумали философы объясняя міръ, можетъ быть приложено, *mutatis mutandis*, къ каждому объясненію любого явленія природы наукою. Существованіе разныхъ противорѣчащихъ другъ другу философскихъ системъ въ настоящее время тоже въ высшей степени естественно и необходимо, и явленіе это вполне аналогично и параллельно съ такимъ же положеніемъ дѣла относительно еще необъясненныхъ отдѣльныхъ явленій природы: здѣсь тоже нерѣдкость существованіе нѣсколькихъ взаимно исключającychъ теорій.

Всѣ эти недостатки рельефно выставляются, когда рѣчь идетъ о философіи, потому, что исторія ея, т. е. исторія попытокъ опредѣлить основы міра разработаны хорошо и общеизвѣстны, тогда какъ исторія объясненія частныхъ явленій природы почти еще нѣтъ; существующія въ философіи разногласія и противорѣчія бросаются въ глаза и выставляются какъ ея особенность и характерный признакъ потому, что философскіе вопросы интересуютъ всѣхъ мыслящихъ людей, и всѣ образованные люди невольно слѣдятъ за ихъ разрѣшеніемъ, тогда какъ теоріи частныхъ явленій интересуютъ, въ огромномъ большинствѣ

случаевъ, только специалистовъ. И въ этомъ случаѣ философія разнится отъ другихъ наукъ развѣ только тѣмъ, что такое состояніе ея изслѣдованій естественнѣе и понятнѣе, въ виду громадной сложности ея предмета и зависимости ея изслѣдованій отъ состоянія точнаго знанія въ спеціальныхъ его областяхъ. Различныя теоріи относительно необъясненныхъ явленій признаются законными и плодотворными въ будущемъ потому, что всѣ они имѣютъ болѣе или менѣе прямое фактическое, научное основаніе, и теоріи произвольныя, фантастическія прямо исключаются изъ сферы науки. Въ этомъ главное и существенное отличіе повѣйшей науки отъ ея прошлыхъ формъ: произволь въ научномъ творествѣ исключенъ. Но того же самаго достигла уже и философія: и въ ея области произволь исключается, и такія построенія, какъ система Шеллинга или Гегеля стали невозможными. И философія придаетъ теперь цѣну только тому, что имѣетъ фактическое и научное вообще основаніе. И въ этомъ, опять, ея существенное отличіе отъ прежнихъ ея формъ, отличіе дающее смыслъ модному нынѣ выраженію «научная философія»... Во всякомъ случаѣ ни прошлое, ни современное состояніе философіи нисколько не доказываетъ невозможности, повторимъ опять, въ извѣстныхъ предѣлахъ, осуществленія задачи философіи-метафизики и не устраняетъ необходимости самыхъ тщательныхъ и усиленныхъ философско-метафизическихъ изслѣдованій. Миѣніе, что задача философіи не разрѣшима, вслѣдствіе абсолютной непознаваемости производителей, основъ міра, имѣетъ, какъ мы видѣли, нѣкоторое основаніе только при неправильной постановкѣ вопроса о нихъ и ихъ изслѣдованіяхъ, при предположеніи, что эти основы суть вещи въ себѣ и для себя, не связанныя съ явленіями въ самомъ бытіи и что познавать ихъ нужно не такъ, какъ познаются другіе дѣятели, сокрытыя отъ непосредственнаго воспріятія, т. е. съ той стороны, съ которой они доступны изслѣдованію и открываются въ явленіяхъ и черезъ явленія, а съ той, именно, стороны, съ какой они не доступны и не могутъ быть доступны уму. Въ самой постановкѣ вопроса, такимъ образомъ, дана его неразрѣшимость, и онъ оказывается просто нелѣпымъ. Онъ имѣетъ въ сущности та-

кой видъ: возможно ли познать то, чего нельзя знать, что немислимо? И такъ же нелѣпъ, какъ на примѣръ, вопросъ: возможно ли сдѣлать круглый квадратъ, или квадратный кругъ. или: можетъ ли коняное стать безконечнымъ и т. п. По своему существу, вообще, рассматриваемое мнѣніе нисколько не лучше положенія Сократа, что никогда нельзя узнать причины движенія тѣлъ небесныхъ или вѣтровъ. Конечная цѣль философіи и ея отношеніе къ жизни практической тоже аналогична съ цѣлію другихъ всѣхъ знаній и наукъ. Цѣль эта есть тоже господство, власть человѣка, *regnum (imperium), hominis*, только власть не надъ внѣшними силами природы, а власть человѣка надъ собою, власть высшаго порядка, по старинному изреченію, *sibi imperare — imperium maximum*. Философія достигаетъ этой цѣли, точнѣе, имѣетъ своимъ идеаломъ достиженіе ея тѣмъ, что даетъ или стремится, во всякомъ случаѣ, дать человѣку міросозерцаніе, выяснитъ для него его собственное положеніе среди міра, смыслъ и цѣль его жизни и дѣятельности. Едва ли нужно объяснять, какъ важно все это для человѣка, и какую могучую силу въ жизни даетъ человѣку опредѣленное міросозерцаніе. Извѣстно, что лучше имѣть какое-нибудь, самое плохое, ложное міросозерцаніе, чѣмъ вовсе не имѣть его. Въ первомъ случаѣ человѣкъ знаетъ, что ему дѣлать и чего искать въ жизни, и можетъ управлять своими дѣйствіями; но въ послѣднемъ онъ самое жалкое и безпомощное существо.

Философія-метафизика имѣетъ своимъ предметомъ міръ, какъ цѣлое, все сущее, бытіе. Описаніе, представленіе, изображеніе этого цѣлаго, обнимающаго всѣ существа и всѣ явленія,— она заимствуетъ или должна, въ настоящее время, заимствовать изъ спеціальныхъ наукъ о разныхъ предметахъ и явленіяхъ міра, о разныхъ его отдѣлахъ и сторонахъ, сводя всѣ ихъ несомнѣнные результаты въ одно цѣлое, въ одну, по возможности, стройную и всеобъемлющую систему. Задача ея—объяснить это цѣлое такъ же, какъ объясняютъ спеціальныя науки его разныя части, т. е. открыть причины и производителей цѣлаго и единства вселенной. Цѣль ея—дать человѣку научное міросозерцаніе, открывъ, на сколько возможно, внут-

ренній смыслъ всего бытія и собственной жизни человѣка. На основаніи только своего состава, вполне аналогичнаго съ составомъ и устройствомъ всѣхъ спеціальныхъ наукъ, философія-метафизика должна быть признана наукою особенною, самостоятельною, не могущею замѣниться ничѣмъ инымъ и въ этомъ смыслѣ спеціальною областію человѣческаго знанія. Но, по самому существу дѣла, она при этомъ является наукою единственною въ своемъ родѣ, наукою въ собственномъ смыслѣ, всеобщею наукою наукъ, для которой всѣ другія служатъ какъ бы собраніемъ еще сырого матеріала, подлежащаго новой переработкѣ. Пользуясь этимъ матеріаломъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и опираясь, такимъ образомъ, на добытое уже, готовое знаніе, эта наука идетъ дальше всѣхъ ихъ, такъ сказать, въ глубь познаваемого бытія, потому, продолжаетъ и доканчиваетъ ихъ до предѣловъ возможности. Въ то же время, открывая неизмѣнное и основное, она, въ свою очередь, освѣщаетъ все знаніе новымъ свѣтомъ и даетъ сама основу послѣднему и прочный фундаментъ всѣмъ наукамъ, являясь сама, съ этой точки зрѣнія, ихъ корнемъ и ихъ основой.

Въ виду полнаго сходства по своему составу и строенію съ другими науками, философія-метафизика должна имѣть сходство въ общемъ и по способамъ своего развитія и построенія, т. е. она должна строиться на тѣхъ же началахъ, на какихъ строятся другія науки, способами, какими они въ своей сферѣ достигаютъ точности и несомнѣнности. Другими словами, она не должна претендовать, какъ это часто было доселѣ, на обладаніе своими особыми источниками знанія, въ родѣ непосредственнаго созерцанія, готовыхъ прирожденныхъ идей, чистаго мышленія и т. п. Она, какъ все остальное знаніе, должна всецѣло опираться на факты опыта и на умозрѣніе, развивающееся изъ этихъ фактовъ, исключаящее всякій произволь въ умозрительномъ творествѣ; погружаться въ открывающіяся ей высоты и глубины, не однимъ порывомъ мысли и фантазіи, а медленно двигаться въ этомъ направленіи, провѣряя тщательно каждый свой шагъ, ощупывая постоянно прочную реально-фактическую почву подъ ногами, сводя всѣ свои обобщенія и построенія къ единственно надежному ру-

чательству истины—факту, понимаемому въ самомъ широкомъ смыслѣ этого термина, которымъ обнимаются не одни чувственные воспріятія, но и акты мысли, чувства, желанія. Такъ какъ исходнымъ пунктомъ ея служатъ не чистые факты, а уже добытыя, путемъ изслѣдованія этихъ фактовъ во всѣхъ сферахъ бытія, обобщенія, положенія и истины, то по способу развитія своего содержанія она является наукою дедуктивною и синтетическою, или построительною. Потому въ общемъ смыслѣ ея методъ есть дедукція и синтезь, а не индукція и анализъ, дедукція въ томъ смыслѣ, какъ описалъ ее Милль подъ именемъ косвеннаго наведенія. въ томъ смыслѣ, говоря конкретно, въ какомъ есть дедукція-теорія свѣта или голубого цвѣта неба. Въ силу того, что философія-метафизика доселѣ не имѣетъ еще достаточно средствъ достигнуть несомнѣннаго и неоспоримаго, очевиднаго по отношенію къ главнымъ своимъ вопросамъ о міровыхъ дѣятеляхъ—первыхъ причинахъ и должна довольствоваться вѣроятностію, —ея методъ можно называть гипотетически-построительнымъ, просто гипотетическимъ. Что этотъ методъ обладаетъ громадною силою и значеніемъ при открытіи истины,—этого не нужно доказывать. Общеизвѣстно, что имъ добыты всѣ важнѣйшія и величайшія истины въ области естествознанія, сдѣланы всѣ такъ называемыя здѣсь открытія.

Но развиваясь, въ общемъ, научнымъ методомъ дедукціи, который употребляется въ тѣхъ или другихъ размѣрахъ всѣми объяснительными науками, философія имѣетъ еще и свой спеціальный методъ, свой особый приѣмъ, ей одной свойственный, методъ философскій въ собственномъ смыслѣ. Такимъ спеціальнымъ методомъ обладаютъ всѣ науки самостоятельныя. Онъ состоитъ въ каждой наукѣ изъ совокупности спеціальныхъ, особыхъ средствъ, приѣмовъ анализа предметовъ изслѣдованія и открытія, выдѣленія факторовъ и причинъ производителей предметовъ и явленій изслѣдуемыхъ. Его особенностями въ каждой наукѣ обуславливается особенность терминологіи каждой изъ нихъ. Все это есть у философіи-метафизики, и этотъ фактъ окончательно утверждаетъ и дѣлаетъ несомнѣннымъ научный характеръ и самостоятельность философіи.---она ана-

лизируетъ свой предметъ методомъ ей одной свойственнымъ и имѣетъ свою особую терминологию.

Дѣйствительно, развиваясь и строясь синтетически-дедуктивно, пользуясь для этого готовыми данными всѣхъ другихъ наукъ, философія - метафизика необходимо должна опредѣлить сначала общее направленіе своихъ дедукцій, а для этого предварительно разложить, всю совокупность бытія съ своей особенной точки зрѣнія, подобно тому, какъ, на примѣръ, математика разлагаетъ свой предметъ — количество на величину пространственную и число, физика разлагаетъ движеніе на механическое движеніе, свѣтъ, теплоту, звукъ, электричество и магнетизмъ, химія — всѣ тѣла на кислоты и основанія, психологія — явленія сознанія — на явленія ощущенія, представленія, желанія и стремленія и т. д. Философія-метафизика, имѣя своимъ предметомъ все сущее и познаваемое какъ единое цѣлое въ его основахъ и общихъ причинахъ, не можетъ ограничиться простымъ воспроизведеніемъ, въ одной системѣ, разложенія міра, произведеннымъ спеціальными науками, сказавши, на примѣръ, что міръ — весь слагается изъ явленій и отношеній математическихъ, физическихъ, химическихъ, психическихъ и т. д., потому что ея задача идетъ далѣе. Философія - метафизика ставитъ вопросъ о томъ, какимъ образомъ всѣ эти разнородныя явленія образуютъ одно живое цѣлое, и чѣмъ, какою силою они производятся въ цѣломъ, имѣя каждое свой смыслъ, значеніе и функцію въ этомъ цѣломъ, что такое всѣ эти явленія въ ихъ основѣ послѣдней, и что такое, вообще, явленіе, вообще, бытіе, существованіе? Можно, конечно, прямо отвѣтить на этотъ вопросъ какимъ-нибудь предположеніемъ или гипотезою, какъ это дѣлали въ самомъ началѣ философіи и въ нѣкоторыхъ ея формахъ впоследствии въ очень даже недавнее время. Этимъ путемъ въ теченіе вѣковыхъ усилій построены, можно сказать, всевозможныя здѣсь предположенія. При этомъ указаны прямо дѣятели, которые могутъ быть разсматриваемы, какъ производители всего, какъ послѣдніе причины или основы, и выяснилась сама собою сфера, въ которой могутъ вращаться всѣ философскія построенія, тѣ элементы, изъ которыхъ можно формировать эти построенія. Дѣя-

телей этихъ два: мысль и вещество. Полагая ихъ въ основу всего, можно получить только нѣсколько радикально-различныхъ предположеній о міровой жизни. Именно: а) все есть вещество, б) все есть мысль, с) все есть вещество и мысль въ нераздѣльномъ единствѣ; д) все есть вещество и мысль, имѣющія самостоятельное бытіе, отдѣленные другъ отъ друга и соединенныя внѣшнимъ образомъ; е) все—абсолютная мысль или разумъ, производящій вещество и мысль конечную. Изъ предѣловъ этихъ комбинацій философскія построенія - гипотезы выйти не могутъ. Потому всякое философское построеніе въ томъ или другомъ смыслѣ будетъ: или монизмомъ идеалистическимъ—спиритуалистическимъ, или монизмомъ материалистическимъ, или дуализмомъ въ разныхъ его формахъ, или объединеніемъ и примиреніемъ монизма и дуализма. При всемъ разнообразіи системъ философскихъ всякая изъ нихъ необходимо относится къ тому или другому изъ этихъ типовъ и схемъ построенія, — есть монизмъ, дуализмъ, или ихъ примиреніе. Пока эти типы берутся какъ чистое предположеніе, какъ возможности, и развиваются въ подробностяхъ въ той или другой формѣ, — они всѣ имѣютъ одинаковую цѣнность, могутъ казаться одинаково основательными или неосновательными. Усвоеніе одного изъ нихъ будетъ дѣломъ случая, обстоятельствъ, попытокъ мысли и т. п. Научная философія-метафизика, прежде всего, должна устранить эту случайность. Правда, въ концѣ концовъ, ей предстоитъ все-таки выборъ одной изъ этихъ гипотезъ; но она должна сдѣлать выборъ той или другой необходимо — и шагъ за шагомъ — методически—привести мысль къ невозможности всѣхъ остальныхъ. Для того, чтобы сдѣлать это, она должна положить въ основу нѣчто несомнѣнное и очевидное, дать на поставленный вопросъ въ самомъ началѣ такой отвѣтъ, который былъ бы несомнѣннымъ при всякихъ дальнѣйшихъ предположеніяхъ, и отсюда начать опредѣленіе предположенныхъ основъ.

Веніаминъ Снегиревъ.

УЧЕНИЕ АРИСТОТЕЛЯ

и

ЕГО ШКОЛЫ (ПЕРИПАТЕТИЧЕСКОЙ) О БОГѢ.

(Продолженіе *)

е) *Нравственное доказательство бытія Божія.* Между тѣмъ какъ исходною точкою онтологическаго, психологическаго и историческаго доказательствъ бытія Божія у Аристотеля служила, какъ и можно было ожидать и какъ ясно изъ вышеизложеннаго, существующая въ насъ идея или умопредставленіе (ἐννοια) о БогѢ, исходною точкою нравственнаго доказательства служитъ существованіе въ насъ нравственнаго закона и стремленій къ достиженію высшей нравственной цѣли. При изложеніи телеологическаго доказательства бытія Божія мы уже имѣли случай показывать, что высшая цѣль бытія существъ природы есть благо (τ' ἀγαθόν), по Аристотелю. А при изложеніи психологическаго доказательства мы показывали и то, какъ учитъ Аристотель о добродѣтели и счастіи. Истинно добродѣтеленъ, по Аристотелю, только тотъ, кто, совершая доброе и прекрасное, въ этомъ именно и находитъ полное для себя удовлетвореніе, не нуждаясь ни въ какомъ стороннемъ добавленіи или побужденіи, поощреніи¹⁾. У чело-вѣка отъ природы есть расположеніе къ нравственнымъ поступкамъ и отвращеніе къ безнравственнымъ: нужно только

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» за 1890 г. № 13.

¹⁾ Срав. объ этомъ Eht. Nicom. I, 5—11; VII, 11—15 и X, 1—9.

развить это расположеніе посредствомъ упражненія. Нравственная дѣятельность или добродѣтель есть то свойство воли, по которому эта послѣдняя держится середины, соотвѣтствующей нашей природѣ, въ томъ видѣ однако, какъ эта середина познается и устанавливается разумнымъ мышленіемъ. Такимъ образомъ, добродѣтель есть причина, по которой человѣкъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, избѣгая слишкомъ многого съ одной и слишкомъ малаго съ другой стороны, дѣлаетъ то, что соотвѣтствуетъ его природѣ. И въ этомъ-то послѣднемъ пунктѣ ионика Аристотеля тѣснѣйшимъ образомъ примыкаетъ къ его физикѣ. Но что такое добро или благо ($\tau' \acute{\alpha}\chi\alpha\theta\acute{\omicron}\nu$), которое соотвѣтствуетъ природѣ, это будетъ для насъ яснѣе, когда мы рассмотримъ ученіе нашего философа о высочайшемъ благѣ. Въ опредѣленіи послѣдняго Аристотель значительно разнится отъ Платона, по ученію котораго высочайшее благо есть нѣчто само для себя существующее; напротивъ, по Аристотелю, оно различно у каждаго человѣка и для каждаго есть именно то, чрезъ что свойственная человѣку дѣятельность выполняется наилучшимъ образомъ. Но такая дѣятельность есть раньше указанная нами дѣятельность разума теоретическаго и практическаго или дѣятельнаго; а потому высочайшая цѣль жизни состоитъ въ совершенной теоретической и практической дѣятельности души, при чемъ, конечно, необходимо, чтобы низшія побужденія души уступали высшимъ, неразумнымъ—разумнымъ. Такая дѣятельность сама по себѣ доставляетъ человѣку высшее счастье, блаженство, какъ говорено было выше. «Всякое искусство и всякая наука, а также и дѣятельность и намѣреніе, стремятся къ извѣстному благу ($\acute{\alpha}\chi\alpha\theta\acute{\omicron}\nu \tau\omega\varsigma \epsilon\phi\acute{\iota}\epsilon\sigma\theta\alpha\iota \delta\omicron\chi\epsilon\acute{\iota}$),—говоритъ Аристотель;—поэтому благо ($\tau' \acute{\alpha}\chi\alpha\theta\acute{\omicron}\nu$) хорошо опредѣлили такъ: оно есть то, къ чему все стремится. Оказывается однако различіе цѣлей ($\tau\acute{\omega}\nu \tau\epsilon\lambda\acute{\omega}\nu$): онѣ—частію дѣятельности ($\epsilon\nu\epsilon\rho\upsilon\epsilon\iota\alpha\iota$), частію—независимые отъ нихъ предметы. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ есть помимо дѣятельности цѣль, тамъ предметъ цѣниѣ самой дѣятельности. Цѣли должны быть разнообразны, такъ какъ существуютъ различныя дѣйствія и искусства, и науки: цѣль врачебнаго искусства—здоровье, судостроительнаго—судно, стратегіи—побѣда, экономіи—богатство.

Нѣтъ разницы, будетъ ли цѣль дѣйствій въ дѣятельности, или же, помимо послѣдней, въ чемъ-либо иномъ, какъ напримѣръ въ перечисленныхъ наукахъ. Если же есть цѣль въ области осуществимой дѣятельностью, къ которой мы стремимся ради ея самой, а къ другимъ цѣлямъ лишь ради ея, и если мы не стремимся ко всему ради чего-либо иного (ибо въ такомъ случаѣ возникъ бы безконечный рядъ, и наше стремленіе стало бы пустымъ и тщетнымъ), то ясно, что это именно и есть благо и наилучшее (*τ'ἀγαθὸν καὶ τὸ ἄριστον*). Познаніе его имѣетъ важное значеніе для жизни, ибо не лучше ли тогда мы, какъ стрѣлки, ясно видящіе цѣль, достигнемъ желаемого? Если это такъ, то слѣдуетъ постараться опредѣлить въ общихъ чертахъ высшее благо, и къ какимъ наукамъ или способностямъ оно относится... Каково же высшее благо, осуществимое дѣятельностію (*τί τὸ πάντων ἀκρότατον τῶν πρακτῶν ἀγαθῶν*)? На словахъ почти всѣ люди согласны между собою: блаженство (*ἡ εὐδαιμονία*) считается высшимъ благомъ. И далѣе, подвергнувъ критикѣ различныя (и между прочимъ Платоново) опредѣленія того, въ чемъ состоитъ блаженство и высшее благо, съ признаніемъ, что «блаженство, будучи цѣлію человѣческой дѣятельности, представляется чѣмъ-то совершеннымъ (*τέλειον*) и самодовлѣющимъ» (*αὐτάρκης*), говоритъ: «однако, соглашаясь съ тѣмъ, что блаженство есть высшее благо (*ἄριστον*), можно желать болѣе яснаго опредѣленія самого понятія блаженства; а этого мы, быть можемъ, достигнемъ, если опредѣлимъ назначеніе человѣка. Въ чемъ же оно состоитъ? Жизнь свойственна и растеніямъ, а мы ищемъ специально принадлежащее человѣку: итакъ, мы должны выдѣлить жизнь питательную и растительную. Слѣдующій видъ жизни — чувствующій; но и онъ свойственъ какъ лошади, такъ и быку, и, вообще, всѣмъ животнымъ. Остается дѣятельная жизнь разумнаго существа, притомъ такого, которое частію повинуется разуму (*λόγῳ*), частію же владѣетъ разумомъ и мышленіемъ. А такъ какъ разумная жизнь понимается въ двоякомъ смыслѣ, то мы должны разумѣть здѣсь дѣятельную, ибо послѣдней болѣе соотвѣтствуетъ названіе разумной. Итакъ, назначеніе человѣка — въ разумной дѣятельности и энергіи, а

назначеніе хорошаго человѣка—въ хорошемъ и прекрасномъ выполненіи этой дѣятельности, каждое же дѣйствіе тогда хорошо, когда оно сообразуется съ спеціально относящейся къ нему добродѣтелию. Итакъ, если все это справедливо, то благо человѣка заключается въ дѣятельности души, сообразной съ добродѣтелью (*τὸ ἀνθρώπινον ἀγαθὸν φυχῆς ἐνέργεια γίνεται κατ' ἀρετήν*), а если добродѣтелей нѣсколько, то въ дѣятельности, сообразной съ лучшею и совершеннѣйшею добродѣтелью (*ἀριστῆν καὶ τελειοτάτην ἀρετήν*), и притомъ въ теченіе всей жизни, ибо одна ласточка еще не дѣлаетъ весны, какъ не дѣлаетъ ея и одинъ день; точно также и одинъ день или короткое время еще не дѣлаетъ человѣка счастливымъ или блаженнымъ... Что касается до тѣхъ, которые считаютъ блаженство добродѣтелию вообще или одною спеціальною добродѣтелию, то наше опредѣленіе съ ними согласуется, ибо дѣятельность сообразная съ добродѣтелию, причастна добродѣтели; но немаловажно различіе въ пониманіи высшаго блага—какъ обладанія, или какъ пользованія, какъ прибрѣтеннаго качества души, или же какъ дѣятельности (*ἐνέργεια*): вѣдь хорошее качество можетъ быть въ человѣкѣ, но бездѣйствовать, какъ напримѣръ въ спящемъ или по какой-либо иной причинѣ бездѣятельномъ. Съ энергіей этого не можетъ быть, ибо она по необходимости дѣйствуетъ и стремится къ благу. И подобно тому, какъ на Олимпійскихъ играхъ награждаются вѣнцомъ не самые красивые и самые сильные, а принимавшіе участіе въ состязаніяхъ (ибо въ ихъ числѣ находятся побѣдители), точно также и въ жизни только тѣ достигаютъ *καλοῦ ἀγαθίου*, которые дѣйствуютъ ¹⁾. Зато жизнь такихъ людей сама по себѣ пріятна, ибо наслажденіе—душевное состояніе, и каждому пріятно только то, что онъ любитъ, такъ человѣку, любящему лошадей, нравятся лошади, любящему зрѣлища, нравится театръ; точно также все справедливое нравится человѣку, любящему справедливость, и вообще всякая добродѣтель нравится человѣку, любящему добродѣтель...

1) Срав. слова Св. Апостола Павла: *не знаете ли, что бытице на ристалищѣ бытуть вси, но одинъ получаетъ награду? Такъ бытите, чтобы получить. Всѣ подвижники (ἀγωνιστῆρας—состязавшіяся) воздерживаются отъ всего: тѣ для получения вѣнца тѣлеснаго, и мы нетѣлеснаго (1 Кор. 9, 4. 25).*

Является затрудненіе объяснить, какъ возникаетъ блаженство: можно ли ему научиться, или приобрѣтать привычкою, или другимъ какимъ путемъ, или же оно дается какою-то божественною судьбою, или даже просто случаемъ (*κατά τινα θεϊάν μοῖραν ἢ καὶ διὰ τύχην*). Конечно, если боги надѣлили чѣмъ-либо человѣка, то слѣдуетъ и блаженство считать даромъ Божиимъ (*θεόσδοτον εἶναι*), и тѣмъ болѣе, что оно есть лучшее, чѣмъ владѣютъ люди (*ἀνθρώπων βέλτιστον*). Этотъ вопросъ лучше разсмотрѣть въ другомъ мѣстѣ ¹⁾, но если бы даже блаженство не было ниспосылаемымъ отъ Бога (*θεόπεμπτος*), а приобрѣтено было добродѣтелию, или обученіемъ, или упражненіемъ, то все же оно остается чѣмъ-то божественнымъ (даже τῶν θεϊοτάτων εἶναι). Ибо кажется, что цѣль и награда добродѣтели должна быть чѣмъ-то прекраснымъ, божественнымъ и блаженнымъ (*τὸ γὰρ τῆς ἀρετῆς ἄθλον καὶ τέλος ἄριστον εἶναι φαίνεται καὶ θεϊόν τι καὶ μακάριον*).... Разсмотримъ вопросъ, слѣдуетъ ли блаженство относить къ предметамъ, заслуживающимъ похвалы (*ἐπαινετῶν*), или же скорѣе къ предметамъ, заслуживающимъ уваженія (*τιμίων*). Ясно, что оно не относится къ возможностямъ (*δυνάμεων*). Все, чтó хвалимо, представляется извѣстнымъ качествомъ и хвалится по отношенію къ чему-либо. Справедливаго, храбраго и вообще хорошаго человѣка и добродѣтель мы хвалимъ за ихъ дѣйствія и дѣла, точно также и сильнаго или быстраго и т. д. мы хвалимъ за ихъ качества и за то, что они имѣютъ извѣстное отношеніе къ благу и нравственному совершенству. Ясно это и изъ похвалъ, обращаемыхъ къ богамъ: онѣ покажутся смѣльными въ приложеніи къ нимъ, и это потому, что всякая похвала возникаетъ, какъ мы сказали, изъ извѣстнаго отношенія. Если такова природа похвалы, то она не приложима къ самымъ высокимъ предметамъ, а имъ, какъ кажется, свойственно нѣчто большее и лучшее, ибо боговъ мы не хвалимъ, а почитаемъ блаженными и счастливѣйшими; точно также мы почитаемъ блаженными и наиболѣе божественныхъ людей. Тоже самое можно сказать и

1) Объ этомъ говорится далѣе. Срав. также X, 7 и 8 гл. той же Иенки Никонаховой.

о благахъ. Никто не хвалитъ блаженство, или справедливость, а считаютъ ихъ чѣмъ-то божественнымъ и превосходнымъ, чѣмъ-то стоящимъ выше всякихъ похвалъ. По этой-то причинѣ и Эвдоксъ ¹⁾ справедливо причислилъ наслажденіе (ἡδονή) къ прекраснѣйшимъ предметамъ; онъ полагалъ, что оно лучше, чѣмъ предметы, заслуживающіе похвалы, такъ какъ его не хвалятъ, хотя оно и принадлежитъ къ числу благъ; Бога и высшее благо (τὸν θεὸν καὶ τ'ἀγαθόν) онъ относилъ туда же, такъ какъ все остальное зависитъ отъ нихъ. Похвала же принадлежитъ добродѣтели; ибо она дѣлаетъ насъ способными ко всему прекрасному; и хвалебные гимны относятся въ одинаковой мѣрѣ какъ къ душевной, такъ и къ физической дѣятельности. Блаженство же относится къ предметамъ, заслуживающимъ уваженія, и притомъ безусловно. Это слѣдуетъ, какъ кажется, и изъ того, что блаженство есть начало (принципъ), ибо къ нему мы направляемъ всю нашу дѣятельность. Принципъ же и причину благъ мы называемъ чѣмъ-то божественнымъ и заслуживающимъ уваженія» (τῆν ἀρχὴν δὲ καὶ τὸ αἴτιον τῶν ἀγαθῶν τίμιόν τι καὶ θεῖον τίθεμεν) ²⁾. Изъ всего этого видно, что по Аристотелю высшая цѣль нравственныхъ стремленій и дѣятельности отнюдь не придумана самимъ человѣкомъ, но имѣетъ божественное происхожденіе, есть нѣчто божественное въ человѣкѣ. Тоже самое должно сказать и о нравственномъ законѣ, существующемъ въ насъ и побуждающемъ избирать доброе и отвращаться отъ злого. Аристотель ясно отличаетъ писанные законы отъ неписаннаго, вложеннаго въ сердца и совѣсть людей. «Законъ,—говоритъ онъ,—есть то особенный (ἰδίος), а то общій (κοινός). Подъ особеннымъ я разумѣю тотъ писанный, по которому живутъ въ государствахъ, а подъ общимъ—тѣ неписанные (ἄγραφα, въ противоположность γεγραμμένων) законы, которые признаются, какъ кажется, всѣми ³⁾. Руководясь

¹⁾ Эвдоксъ, ученикъ Архита (принадлежалъ къ школѣ пифагорейской), жилъ въ 4 в. до Р. Хр. и былъ старшимъ современникомъ Аристотеля.

²⁾ *Ethica Nicom.* I, 1—6. 10. 12. Перев. Радлова въ Журн. мин. нар. просв. за 1884 г. № 4. Срав. также *Eth. Eud.* I, 1. 7; II, 1; *Rhetor* I, 6 и др. мн. мѣста.

³⁾ *Rhetor.* I, 10. *conf. cap.* 13.

этимъ неписаннымъ закономъ, человѣкъ, подъ управленіемъ разума, дѣлаетъ доброе даже не взирая на то, что его физическая природа или обычаи окружающихъ его людей внушаютъ ему противное добру или благу. «Добрыми и честными (ἀγαθοὶ καὶ σπουδαῖοι) люди бываютъ подъ слѣдующими тремя условіями: подъ условіемъ природы, обычая и разума. Такъ, во-первыхъ, должно родиться,—и родиться человѣкомъ ¹⁾, а не другимъ какимъ-либо животнымъ; потомъ, тѣло и душа человѣка должны имѣть извѣстныя качества; впрочемъ, нѣкоторыя природныя свойства не имѣютъ вполнѣ никакого значенія, потому что они измѣняются подъ вліяніемъ обычая (ἔθος); однако между ними есть и такія, которыя посредствомъ обычая удобно могутъ быть направлены и въ дурную и въ хорошую сторону. Но между тѣмъ какъ прочія животныя живутъ, большею частію, только подъ руководствомъ природы (φύσις), и развѣ нѣкоторыя изъ нихъ руководятся еще привычками (ἔθισμα), человѣкъ, кромѣ того, дѣйствуетъ по внушенію разума (λόγῳ); потому что только онъ одинъ имѣетъ разумъ. Поэтому, всѣ эти три мотива (природа, обычай и разумъ) должны быть приведены въ человѣкѣ во взаимное согласіе. Такъ люди поступаютъ часто вопреки обычаямъ и природѣ, единственно на основаніи разума, который убѣждаетъ ихъ, что такъ поступить лучше ²⁾. Изъ этихъ словъ Аристотеля ясно также, что и нравственный законъ въ человѣкѣ, органомъ коего въ послѣднемъ служитъ совѣсть или сознаніе (нравственной законности или незаконности какого-либо поступка), разумъ (λόγος, срав. νοῦς), имѣетъ свое происхожденіе не отъ самого же человѣка съ его извѣстною природою, а отъ высшаго какого-то законодателя, который побуждаетъ его поступать часто даже вопреки требованіямъ его собственной или вообще природы и обычаевъ, и который въ немъ дѣйствуетъ чрезъ разумъ (λόγος), являющійся, такимъ образомъ,

¹⁾ Припомнимъ значеніе человѣка въ ряду другихъ существъ природы, по телеологическому воззрѣнію Аристотеля.

²⁾ Polit. VIII, 13. Срав. русскій переводъ Н. Скворцова IV, 12, стр. 207. 208. Москва, 1865.

какъ бы въ значеніи λόγος σπερματικός, по выражанію св. отцовъ и учителей Церкви ¹⁾, даже среди язычниковъ.—Кто же этотъ высшій Законодатель и высшій Руководитель разума человѣческаго, какъ не Богъ? Мы не забыли, конечно, Аристотелева сравненія Бога съ закономъ, «который, будучи самъ неподвиженъ, въ душахъ пользующихся имъ все направляетъ къ жизни, сообразной съ планомъ государственнаго устройства». Въ мірѣ «закономъ для насъ,—говоритъ Аристотель, является Богъ, одинаково наклоняющійся во все стороны (νόμος ἡμῶν ἰσοκλήης ὁ θεός), не допускающій никакого исправленія или измѣненія, болѣе сильный и твердый, нежели написанные на хартіяхъ законы ²⁾. Въ такомъ же направленіи и въ нашей собственно «душѣ все какъ бы движеть существующее въ насъ Божество» ³⁾. Ибо и началомъ разума (λόγος), — органа неписаннаго нравственнаго закона, «служить не самъ же разумъ (λόγος), но нѣчто болѣе превосходное. А что можетъ быть превосходнѣе и знанія и ума, какъ не Богъ? ⁴⁾. Тоже самое должно сказать и о высочайшемъ благѣ, какъ крайней цѣли человѣческихъ нравственныхъ стремленій и дѣятельности, какъ мы уже и замѣтили выше. При этомъ прежде всего запомнимъ, что у Аристотеля цѣль (τέλος) вообще, или конечная причина, между прочимъ, «есть разумъ или разумное основаніе (λόγος), а разумное основаніе есть начало (ἀρχή). Оно проявляется одинаково и въ произведеніяхъ искусства и въ составленномъ самою природою ⁵⁾. Такъ въ природѣ вообще; но такъ и въ нравственной области, какъ мы сейчасъ видѣли. Это обоюдное значеніе разума (λόγος, срав. νοῦς) ⁶⁾ побуждаетъ насъ обратить вниманіе на ту сторону въ нравственномъ доказательствѣ бытія Божія, которую мы доселѣ

¹⁾ Св. *Иуст. муч.* 2 ап. 97. Срав. *Clem. Alex. Coh. ad gent. pag. 15 ed. Syls.* и др. См. *E. Spiess, Logos Spermaticos S. 2—5. Leipzig, 1871.*

²⁾ *De mundo, cap. 6.*

³⁾ *Eth. Eud. VII, 14.*

⁴⁾ *Ibid.*

⁵⁾ *De part. animal. I, 1.*

⁶⁾ Изъ раньше приведенныхъ мѣстъ сочиненій Аристотеля мы могли видѣть что и νοῦς у него имѣетъ значеніе ἀρχή и возводится къ Богу въ происхожденіи своемъ.

еще не раскрывали съ достаточною обстоятельностью и которая, однако, имѣетъ немаловажное значеніе какъ для силы самого этого доказательства, такъ и для дальнѣйшаго раскрытія идеи Божества у Аристотеля. Мы припомнимъ, что въ составъ идеи высочайшаго блага у Аристотеля входятъ два основныхъ понятія: понятіе добродѣтели и понятіе блаженства или счастья. Но несомнѣнно также, что человѣкъ стремится, на ряду съ добродѣтелію и счастіемъ, также къ знанію и истинѣ, и что это стремленіе будучи нетождественно съ двумя тѣми стремленіями (къ добродѣтели и счастію), въ то же время тѣсно примыкаетъ къ нимъ, такъ какъ входитъ, какъ одинъ изъ существеннѣйшихъ признаковъ, въ понятіе высочайшаго блага. Мы припомнимъ, что по Аристотелю высочайшее благо или что то же, высочайшая цѣль жизни, состоитъ въ дѣятельности разума не только практической, но и теоретической, созерцательной (*θεωρητική*), что и самая дѣятельность эта (*πράξις, ἐνέργεια*) у Аристотеля называется обыкновенно не столько дѣятельностію души (*ψυχῆς*) сколько именно дѣятельностію разума (*νοῦς, λόγος*), разумною. Разуму въ этомъ отношеніи, по ученію нашего философа, должны подчиняться воля или свобода выбора дѣйствій и сердце или чувство, еще болѣе низменныя способности души. А между тѣмъ несомнѣнно и то, что добродѣтель, по выполненію своему, относится главнымъ образомъ къ области воли, равно какъ и счастье или блаженство ближе всего чувствуется сердцемъ. Итакъ, высочайшее благо должно состоять въ гармоническомъ (*συνφώνως*) сочетаніи всѣхъ этихъ трехъ стихій. Это гармоническое сочетаніе ихъ въ высочайшей идеѣ блага или въ идеѣ высочайшаго блага можетъ быть выражено въ смыслѣ Аристотеля съ помощію понятія *совершенства*. Высочайшее благо, высочайшая цѣль жизни, по его ученію, если мы не забыли, заключается въ *совершенной* теоретической и практической дѣятельности разума, въ *совершенномъ* счастіи (*ἐνέργεια τέλειος, αἰρετώτερον, τὸ ἄριστον*; равно какъ и *ἡ εὐδαιμονία ἀκρότατον τῶν πρακτῶν ἀγαθῶν, ἄριστον καὶ κάλλιστον καὶ ἡδιστόν, τέλος τῶν ἀνθρωπίνων, τέλειον ἀγαθόν, καθ' αὐτὸ αἰρετόν*; съ другой стороны тоже самое *ἡ εὐδαιμονία* есть *ἐνέργεια τις, πράξις τις, ζωῆς τελείας ἐνέργεια κατ' ἀρετήν*

τελείας. ψυχῆς ἀγαθῆς ἐνέργεια καὶ χρῆσις ἀρετῆς τελεία ¹⁾ и под.). Такимъ образомъ шире понимаемая, идея высочайшаго блага, — цѣли стремленій человѣка, — есть то же, что идея абсолютнаго совершенства, въ отношеніи къ знанію или истинѣ (со стороны разума, ума), въ отношеніи къ добродѣтели собственно (со стороны воли) и въ отношеніи къ блаженству или счастію (со стороны сердца или чувства), и включаетъ въ себѣ идеи истины, добра и красоты ²⁾. Но такое, т. е. абсолютное совершенство въ дѣйствительной жизни человѣка и человѣчества не встрѣчается. Оно составляетъ лишь именно *цель*, конецъ его стремленій. А между тѣмъ оно сознается, какъ реально, истинно сущее. «Благо относится къ категоріи бытія» (τ'ἀγαθὸν λέγεται ἐν τῷ τί ἐστί), по словамъ Аристотеля ³⁾. Гдѣ же оно существуетъ и осуществляется въ дѣйствительности?—Только и единственно въ Богѣ. Благо «въ категоріи бытія называется Богомъ» (ἐν τῷ τί λέγεται ὁ θεός), говоритъ прямо Аристотель ⁴⁾. А это и равносильно тому, что требуется утвердить во второй половинѣ нравственнаго доказательства бытія Божія. Такимъ образомъ, и со стороны существованія въ насъ нравственнаго закона и со стороны высшей цѣли нашихъ духовныхъ, нравственныхъ стремленій необходимо требуется признаніе истины бытія Божія. Не даромъ поэтому Богъ у Аристотеля называется не только закономъ (νόμος), но и ζῶον αἰθῆρον ἄριστον ⁵⁾, также βέλτιον ἀρετῆς, κρείττον ἐπιστήμης ⁶⁾, οὐσία καὶ ἐνέργεια ⁷⁾; не даромъ у него говорится, что τοῦ θεοῦ εὐδαιμονία θεωρητικὴ τις ἐνέργεια ⁸⁾; что Богъ

1) См. для сего Eth. Nicom. VIII, 13. 14; Eth. Eud. VIII, 8; Ethica Nicom. I, 2. 9; Eth. Eud. I, 1, 7; II, 1; Pol. VIII, 8. 13; Eth. Nicom. XI, 6. 7; VIII, 14; I, 6; Eth. magn. II, 7 и мн. др.

2) «Благо и бытіе подходятъ подъ однѣ и тѣ же категоріи,—по словамъ Аристотеля: въ категоріи бытія, напимѣръ, оно называется богомъ и разумомъ, въ категоріи качества—добродѣтелями, въ категоріи количества—мѣрою, въ категоріи отношенія—полезнымъ, въ категоріи времени—удобнымъ случаемъ, въ категоріи пространства—приятнымъ мѣстопробываніемъ» и т. п. Eth. Nicom. I, 4.

3) Ibid. Справ. начало сейчасъ приведеннаго въ примѣчаніи.

4) Ibid.

5) Metaph. XI, 7.

6) Eth. magn. II, 5, Eth. Eud. VII, 14.

7) Metaph. XI, 7.

8) Ibid. Cont. Eth. Nic. X, 8; Polit. VIII, 1.

οὐ προαιρείται ὄραν τὰ φαύλα ¹⁾ и под. Но изъ того же нравственнаго доказательства бытія Божія, въ связи съ предшествующими доказательствами, выясняются и основныя духовныя свойства Бога, какъ дѣйствительнаго Существа, и ближе всего, какъ обладающаго полною истиною и совершеннѣйшимъ знаніемъ или вѣдѣніемъ (Богъ есть κρείττον ἐπιστήμης) ²⁾ какъ чистаго и свободнаго отъ всего дурнаго, негоднаго (φαύλων), а съ другой стороны такого, безъ котораго «не можетъ быть блага» ³⁾, и наконецъ какъ исполненнаго совершеннѣйшимъ блаженствомъ (εὐδαιμονία θεοῦ ⁴⁾, а за тѣмъ, какъ обладающаго въ совершенствѣ и въ дѣйствительности также всѣми другими свойствами, онтологическими и духовными, болѣе обстоятельнымъ изслѣдованіемъ которыхъ по Аристотелю мы займемся далѣе, въ связи съ его общимъ ученіемъ о Богѣ.

2. *Ученіе Аристотеля о Богѣ, именно о существѣ и свойствахъ Божіихъ.* Ученіе Аристотеля о Богѣ заключается главнымъ образомъ въ его Метафизикѣ, которую, какъ науку о началахъ бытія, онъ называетъ «первою философіею», а какъ рассуждающую о началѣ всѣхъ началъ—Богѣ,—«богословіемъ» (θεολογική, т. е. φιλοσοφία) ⁵⁾. Но какъ мы могли видѣть уже и изъ выше изложеннаго, и какъ увидимъ еще изъ дальнѣйшаго, и въ другихъ сочиненіяхъ Аристотеля тамъ и сямъ изясняются съ разныхъ сторонъ тѣ или другіе пункты этого его ученія. При этомъ нашъ философъ то съ большею или меньшею строгостію держится основъ своего чисто философскаго міросозерцанія, а то въ большей или меньшей степени отрѣ-

¹⁾ Тор. IV, 5.

²⁾ Срав. раньше приведенное мѣсто изъ метафизики (I, 2) об̄ ἐπιστήμη θεϊστάτη.

³⁾ Метаф. XI (XII), 7.

⁴⁾ Между тѣмъ какъ о выраженіи идей истины и добра или блага въ Богѣ болѣе или менѣе ясное представленіе получается уже изъ предшествующаго, о выраженіи идеи красоты въ послѣднемъ изъ свойствъ Божіихъ мы къ раньше приведеннымъ о Богѣ выраженіямъ: καλῶς, κάλλιστος и под.,—присоединимъ еще изреченіе Аристотеля, что «красота есть даръ Божій» (см. «Изреченія древн. греч. мыслителей» и пр. стр. 236. Харьковъ, 1887).

⁵⁾ Метаф. V, 1. Срав. тѣже «Изреченія др. гр. мысл.», стр. 238. Харьк. 1887.

шаясь отъ нихъ, примыкаетъ или къ ученіямъ до него бывшихъ въ Греціи мыслителей (какъ философовъ, такъ и поэтовъ) или къ народнымъ религіознымъ возрѣніямъ. При изложеніи его ученія о Богѣ мы будемъ все это, по возможности, принимать во вниманіе, не увлекаясь примѣромъ большинства новѣйшихъ западныхъ ученыхъ, которые, въ виду нерѣдкаго несогласія послѣдняго рода богословскихъ возрѣній Аристотеля съ его чисто философскимъ міросозерцаніемъ, отрицаютъ подлинность тѣхъ сочиненій, въ коихъ заключаются тѣ возрѣнія.

Что Богъ по существу своему, какъ сущность абсолютно неограниченная, непостижимъ для ограниченнаго ума человѣческаго, не доступенъ опредѣленію со стороны послѣдняго, это Аристотель признавалъ хорошо и это мы уже видѣли; но видѣли мы также у Аристотеля и указаніе на возможность познанія о Богѣ и составленія нѣкотораго понятія о Немъ въ доступной человѣческому разумѣнію степени. Источниками для такого познанія служатъ, по Аристотелю, съ одной стороны, существующая въ насъ идея Божества (*θεοια*), умопредставленіе о Богѣ, являющееся послѣдствіемъ воздѣйствія самого Бога на нашу душу, а съ другой откровеніе Его въ дѣлахъ творенія, такъ что въ такомъ случаѣ *πάσῃ θνητῇ φύσει γενόμενος ἀθεώρητος, ἀπ' αὐτῶν τῶν ἔργων θεωρεῖται ὁ θεός*, по выраженію Аристотеля ¹⁾. Главнѣйшимъ органомъ познанія человѣка о Богѣ въ человѣкѣ служитъ возжженный самимъ же Богомъ свѣточъ (*—ψῶς*)—умъ (*νοῦς*). «Мнѣ часто, Александръ,—пишетъ въ самомъ началѣ своего сочиненія «О мірѣ» Аристотель ²⁾, казалось, что философія есть по истинѣ божественное и достойное боговъ занятіе, особенно же въ той ея части, въ которой она одна, высоко поднявшись къ созерцанію предметовъ и явленій вселенной, старается познать заключающуюся въ нихъ истину, и между тѣмъ какъ другія науки отстаютъ отъ нея въ такомъ познаніи вслѣдствіе высоты и величія предмета познанія, она не боится труда и не считаетъ

¹⁾ De mundo, cap. 6.

²⁾ Свое сочиненіе «О мірѣ» Аристотель написалъ для ученика своего—Александра Македонскаго.

себя недостойною прекраснѣйшихъ предметовъ; напротивъ, считаетъ изученіе ихъ самымъ сроднымъ себѣ и наиболѣе приличествующимъ. Поелику же не возможно, чтобы мы тѣломъ, оставивъ землю, воспарили на небеса и созерцали очами небесныя оныя пространства, какъ возмнили было нѣкогда неразумныя Алоады ¹⁾: то душа, съ помощію философіи, взявъ въ вожди умъ (τὸν νοῦν), воспаряетъ и преселяется туда, найдши нѣкій незатруднительный путь, и мышленіемъ объемлетъ предметы, на весьма далекое разстояніе отдаленные другъ отъ друга мѣстами, легко, какъ я думаю, узнавая сродное ей, и божественнымъ окомъ души постигая Божественное (θεῖον ψυχῆς ὁματι τὰ θεῖα καταλαβούσα), пророчески открываетъ сіе людемъ» (τοῖς ἀνθρώποις προφητεύουσα) ²⁾. Что же именнѣ о Богѣ и Божественномъ сообщила, открыла намъ душа нашего великаго философа?

«Будучи единымъ, говоритъ Аристотель о Богѣ, Онъ носитъ многія наименованія (εἷς ὢν πολυώνυμος ἐστὶ), будучи именуемъ по всѣмъ тѣмъ свойствамъ и дѣйствіямъ, которыя Онъ все болѣе и болѣе являетъ» ³⁾. Иначе сказать: будучи единымъ по существу, Богъ открывается во многихъ свойствахъ и дѣйствіяхъ своихъ. Поэтому рассмотримъ сперва ученіе Аристотеля.

а) О *существо* Божіемъ. «Существо Бога, каково оно само въ себѣ (Dei essentiam, qualis ipsa in se est), мы не можемъ ни изъяснить, ни постигнуть. Но насколько возможно, что можетъ разумѣть въ немъ умъ человѣческій, съ помощію нѣкой абстракціи, онъ постигаетъ, восходя постепенно, доколѣ, утомившись, какъ несовершеннѣйшій, не успокоится», приведемъ снова замѣчательныя слова нашего философа ⁴⁾. Человѣкъ, не смотря на свою ограниченность, несовершенство,

¹⁾ Извѣстныя въ мифологіи Оть и Эфіалтъ, сыновья Посидона и Ифимедіи, супруги Алоей, великаны, грозившіе богамъ на небѣ взвалить гору Оссу на Олимпъ, а Пелейонтъ на Оссу. См. о нихъ *Аполлодора*, Библиот. 1, 7, 4.

²⁾ De mundo, cap. 1 inif.

³⁾ De mundo, cap. 7 inif.

⁴⁾ Между прочимъ эти замѣчательныя слова, не противорѣчающія и общему типу философскаго міровоззрѣнія Аристотеля, оставляются въ совершенномъ пренебреженіи новѣйшими западными историками философіи.

имѣеть полное право на познаваніе и возможное для его ограниченности и несовершенства постиженіе Существа безграничнаго и всесовершеннаго, Бога. Онъ есть «наилучшее (βέλτιστον) изъ всѣхъ живыхъ существъ» ¹⁾; хотя и не «превосходнѣйшее во всемъ мірѣ» ²⁾; однако такое существо, «ради котораго природа все дѣлаетъ» ³⁾ или, что то же, который составляетъ цѣль природы. Мало того, «умъ» (νοῦς) въ немъ прямо божественнаго происхожденія ⁴⁾; почему душа, съ помощію философіи воспоряющая къ небу, и узнаетъ тамъ сродное себѣ и постигаетъ божественное божественнымъ же окомъ то есть умомъ. Правда, абстракція, съ помощію которой умъ достигаетъ понятія о Богѣ, по самой ограниченности средствъ мышленія и слововыраженія, не можетъ имѣть въ итогѣ своемъ вполнѣ адекватнаго понятія о Богѣ: Богъ въ такомъ понятіи отчасти будетъ по необходимости человѣкообразенъ (ἀνθρωποειδής). Тѣмъ не менѣе, съ одной стороны, самая эта человѣкообразность имѣетъ свои основанія, и весьма законныя въ томъ, что Богъ самъ удостоилъ начертать въ человѣкѣ, и именно въ умѣ его, образъ свой ⁵⁾, а съ другой человѣкъ, и особенно философъ, всячески старается, при означенной абстракціи, ослабить человѣкообразныя черты въ понятіи о Богѣ, въ силу глубокаго сознанія неадекватности этихъ чертъ истинному понятію о Немъ, какъ Существо абсолютно совершенномъ. Аристотель съ неудовольствіемъ взираетъ на людей, «утверждающихъ, что боги существуютъ, но только человѣкообразны» (θεοὺς μὲν εἶναι, ἀνθρωποειδεῖς δὲ) ⁶⁾. Не отрицая такимъ образомъ истинности и простонародныхъ представленій о Божествѣ, Аристотель только желалъ очищенія ихъ отъ грубости, съ философской точки зрѣнія. Такъ между про-

1) Полит. I, 2. Срав. Ио. Ником. VIII, 7 и др.

2) Eth. Nic. VII, 7.

3) Polit. I, 8; Phys. II, 2.

4) Мѣста приводимы были раньше.

5) Это согласно и съ философскимъ воззрѣніемъ Аристотеля на умъ. Подробное обоснованіе этой мысли и оправданіе ея противъ Фейербаха см. въ статьѣ В. Д. Кудрянцева: «Метафизическій анализъ идеальнаго познанія» въ ж. «Вѣра и Разумъ» 1888 отд. фил. I, 373 и дал.

6) Metaph. II 2; conf. XI (XII), 8.

чимъ и ближе всего поступаетъ онъ и въ настоящемъ случаѣ, стараясь изъ народныхъ религіозныхъ представленій извлечь зерно истины, самое существенное для понятія о существѣ и свойствахъ Божества. Сказавъ, что представители народныхъ религіозныхъ воззрѣній (главнымъ образомъ поэты) «называютъ боговъ челоуѣкообразными (*ἀνθρωποειδείς*) и подобными нѣкоторымъ изъ другихъ животныхъ, а равно и другое сообразное и близкое тому утверждаютъ, Аристотель говоритъ: «но если кто изъ всего этого, выдѣливъ, возьметъ одно только самое первое, именно то, что они считали боговъ за первыя сущности (*θεοὺς φουτο τὰς πρώτας οὐσίας εἶναι*): то можетъ почитать это за сказанное въ божественномъ смыслѣ (*θεῖως ἢ εἰρησθαὶ νομίσαιεν*) и эти мнѣнія ихъ по справедливости сочтеть за нѣкотораго рода остатокъ часто искомой, по возможности, но и опять повреждаемой науки и философіи, сохранившійся доннѣ. Вотъ лишь насколько открыто намъ это мнѣніе, отъ отцевъ и предковъ переходящее»¹⁾. Образчикъ такого рода отношенія къ народнымъ представленіямъ о Богѣ и Его свойствахъ даетъ самъ же Аристотель. Высказавъ недавно приведенную мысль о Богѣ, что «будучи единымъ, Онъ носитъ многія наименованія, будучи именуемъ по всѣмъ тѣмъ свойствамъ и дѣйствіямъ, которыя все болѣе и болѣе являетъ», нашъ философъ продолжаетъ: «такъ мы называемъ Его и Зевсомъ и Діемъ, употребляя эти имена одно на ряду съ другимъ, и какъ бы означаемъ ими Того, чрезъ Котораго живемъ»²⁾. Сыномъ же Кроноса или Времени³⁾ называется Онъ, какъ простирающійся отъ безпредѣльнаго вѣка въ иной (такой же) вѣкъ. А молніеносцемъ, громовержцемъ, яснымъ, эфирнымъ, мещущимъ перуны и ниспосылающимъ дожди называется Онъ отъ дождей, молній и прочаго, чего виновникомъ Онъ является. Равно также именуется Онъ плодоноснымъ—отъ плодовъ, покровителемъ городскимъ отъ городовъ, производителемъ, защитникомъ дома, покровительствующимъ

1) Метаф. XI (XII), 8 sub fine.

2) Ζεὺς род. Ζηνός и Δίος Аристотель очевидно, слѣдуя своимъ предшественникамъ, производитъ отъ ζῆν—жить.

3) Κρόνος=χρόνος—время.

щимъ родственныя связи, отечественнымъ—отъ Его отношенія ко всему этому; покровителемъ товарищества, дружбы, страннопріимства, войны, побѣды, очистителемъ, мстителемъ за убійство, принимающимъ мольбы, кроткимъ, какъ говорятъ поэты; далѣе спасителемъ и освободителемъ въ подлинномъ смыслѣ; вообще же сказать, небеснымъ и земнымъ, отъ всей природы и судьбы получая наименованія, такъ какъ Онъ есть виновникъ всего этого (πάντων αὐτὸς αἴτιος ὢν). Поэтому и въ орфическихъ гимнахъ не дурно говорится:

- «Зевсъ есть первый, Зевсъ—самый послѣдній управляющій молніею,
- «Зевсъ—глава, Зевсъ—средина. Отъ Зевса все произошло.
- «Зевсъ—основаніе земли и звѣзднаго неба,
- «Зевсъ—мужескій полъ, Зевсъ—безсмертная нимфа,
- «Зевсъ—дыханіе всего, Зевсъ—устремленіе неугасимаго огня,
- «Зевсъ—дно морское, Зевсъ—солнце и луна;
- «Зевсъ—царь, Зевсъ—начальникъ и родоначальникъ всѣхъ.
- «Все сокрывъ, Онъ вповь изнесъ изъ священныхъ пѣдръ
- «На многорадостный свѣтъ, совершая великое дѣло» 1).

Думаю, что и Необходимостію (Ἀνάγκη) называется не что иное какъ Богъ, какъ обладающій непобѣдимою сущностію (ἀνίκητον οὐσίαν); Судьбою же (Σίμαρμεύη) называется Онъ потому, что безпрепятственно вяжетъ (εἶρειν) и рѣшитъ; Определеніемъ (Περωμέη) — вслѣдствіе того, что Онъ всему полагаетъ предѣлы (πεπερατῶσθαι πάντα) и ничего въ существующемъ не оставляетъ безпредѣльнымъ (ἄπειρον); и Участью (μοῖραν) — отъ назначенія удѣла, участи (ἀπὸ τοῦ μεμερίσθαι); Немезидою—отъ раздѣленія каждому его жребія (ἀπὸ διανεμήσεως); Адрастіею, такъ какъ вина или причина по природѣ неизбежна (ἀναπόδραστον) и, наконецъ, Эсою (Ἄισαν), какъ всегда сущою (ἀεὶ οὔσαν). Что касается до Мойръ или Парокъ (μοῖρα—участь) и веретена ихъ, то это клонится къ слѣдующему: три парки раздѣлены по временамъ (настоящему, прошедшему и будущему) и нитка веретена частію уже выпрядена, частію еще будетъ выпрядена, а ча-

1) Здѣсь у Аристотеля, съ незначительною перестановкою, взяты лишь начало и конецъ изъ замѣчательнаго орфическаго гимна, который въ свое время нами приведенъ былъ. См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1884 г., отд. фил. II. 305. 306.

стию остается обернутою на веретенѣ: къ прошедшему приурочивается одна изъ паркъ—Неотвратимая (Ἄτροπος), поелику прошедшее все неизмѣнно, непреложно (ἄτρεπτα); къ будущему—Лахеса (ибо во всемъ назначенный природою удѣлъ ¹⁾ остается навсегда); къ настоящему же—Клоео, опредѣляющая и прядущая (κλώθουσα) каждому свое. Такъ и самый мнѣе не оказывается беспорядочнымъ. Все же это есть не иное что какъ Богъ (οὐκ ἄλλο τι πλὴν ὁ θεός), какъ и благородный Платонъ говоритъ ²⁾. Итакъ Богъ, какъ гласитъ и древнее преданіе ³⁾, заключая въ Себѣ начало, конецъ и средину всего сущаго, шествуетъ прямымъ путемъ, когда идетъ сообразно съ Своею природою (κατὰ φύσιν); а Ему всегда сопутствуетъ судъ,—мститель для отступающихъ отъ божественнаго закона; если же кто, желая быть счастливымъ, съ самаго начала будетъ причастенъ справедливости, то, избѣжавъ его мщенія, будетъ блаженнымъ и счастливымъ. ⁴⁾ Уже изъ этого отрывка можно отчасти видѣть, какъ училъ самъ Аристотель о существѣ и существенныхъ съ идеальными свойствахъ Божіихъ. Но здѣсь не ясно видны точныя черты его философскаго собственно о томъ ученія. Глубже входитъ онъ въ сущность дѣла, когда, отрѣшившись отъ народныхъ представленій о Божествѣ, находится въ любимой имъ сферѣ своего философскаго міросозерцанія. Человѣкообразное представленіе о Божествѣ опирается, какъ понятно уже и изъ самого названія его человѣкообразнымъ, на сходствѣ между человѣкомъ и Богомъ въ чертахъ образа того и другого. Но самая высшая сторона существа человѣка—умъ (νοῦς) должна была и вполнѣ могла дать нашему философу основанія къ описанію и существа Божія. «Умъ есть нѣчто наиболѣе Божественное въ насъ», говоритъ Аристотель ⁵⁾, и въ этомъ смыслѣ какъ самъ одобрялъ въ

1) Ἀῆξίς—предѣлъ, удѣлъ, въ соотвѣтствіе имени Парки—Λάχεσις, хотя этимологія словъ здѣсь различна (Λάχεσις отъ λαχάνω—даю, получаю по жребію—а λῆξις отъ λήγω—прекращаю).

2) De Legibus, IV. p. 715 sq. ed. Steph.

3) Разумѣется опять ученіе орфиковъ.

4) De mundo, cap. 7.

5) Eth. Nicom. X, 7; conf. cap. 8. 9; De anima I, 4 et al.

предшественникахъ своихъ по философіи (Анаксагоръ, Платонъ), приложеніе этого имени къ Божеству для обозначенія природы, существа послѣдняго ¹⁾, такъ и въ своей собственной философской системѣ съ особеннымъ предпочтеніемъ допускалъ это выраженіе для означенія сущности Божества. «Умомъ» или «Разумомъ» (νοῦς) Аристотель именуетъ Бога въ важнѣйшей, по преимуществу богословской части своей Метафизики ²⁾, изъ которой мы уже дѣлали выдержку при изложеніи космологическаго доказательства бытія Божія по мысли нашего философа. Равно также и въ другихъ сочиненіяхъ своихъ Аристотель, употребляя слово: «умъ» (νοῦς), чрезвычайно бережно и уважительно относится къ содержанію понятія, имъ обозначаемаго, къ человѣческой ли или къ божественной природѣ прилагаетъ онъ это слово или, по абстракціи, относитъ заключающееся въ немъ понятіе къ природѣ ³⁾. А въ одномъ изъ своихъ сочиненій, до насъ недошедшихъ въ цѣломъ видѣ, нашъ философъ, прямо желая дать понятіе о Богѣ по Его существу, говоритъ, что «Богъ есть или умъ или нѣчто даже высшее ума» (ὁ θεὸς ἢ νοῦς ἐστίν, ἢ ἐπέκεινά τι τοῦ νοῦ) ⁴⁾. И такъ какъ въ дохристіанское время съ словомъ: πνεῦμα еще не соединялось того возвышеннаго понятія, какое стало соединяться съ нимъ со временъ Христа и Апостоловъ ⁵⁾: то слово «умъ» у Аристотеля было совершенно равносильно употребляемому нами о существѣ Божіемъ выраженію: *Духъ*. Итакъ Богъ по существу своему, въ смыслѣ Аристотеля, есть высчайшій, чистѣйшій Духъ, и какъ таковой, Онъ совершенно свободенъ отъ всего матеріальнаго ⁶⁾, безтѣлесенъ и т. д. «Аристотель сказалъ, — говоритъ о нашемъ философѣ Секстъ

1) Metaph. I, 3. 4. 7 et. al., De anima II, 2. et. al.

2) Metaph. XI (XII), 7; conf. 8. Getal.

3) De anima I, 3; Phys. II, 6; Metaph. XI (XII) 9; De anima I, 5; II, 2. 3 и мн. др.

4) Aristotelis opp. fragm. 46, t. V ed. Berol. 1870.

5) Въ дохристіанское время πνεῦμα значило: вѣтеръ, вѣяніе, дыханіе. Въ христіанское же время (Іоан. IV, 24) оно стало имѣть преимущественное значеніе «духа» въ отношеніи къ духовности существа Божія.

6) εἶνα: ἀνεῖ ὄλης. Metaph. XI, (XII), t.

Эмпирикъ,—что Богъ безтѣлесенъ» (ἀσώματος τὸν θεὸν εἶναι) ¹⁾. Описавъ Божество съ философской точки зрѣнiя въ XI (XII) книгѣ (глава 7) своей Метафизики, Аристотель поэтому говоритъ: «что Богъ есть нѣкая субстанцiя вѣчная, неподвижная и отдѣленная отъ всего чувственнаго (χωρισμένη τῶν αἰσθητῶν), это явно изъ сказаннаго. Показано также, что это Существо и величины никакой не можетъ имѣть, но есть не состоящее изъ частей и не дѣлимое (ἀμερῆς καὶ ἀδιαίρετος ἐστίν). Ибо Оно движеть въ теченiе безпредѣльнаго времени и ничего не имѣеть изъ того, что есть безпредѣльная опредѣленная возможность (οὐδὲν δ' ἔχει δύναμιν ἄπειρον πεπερασμένον). Опредѣленной величины не имѣеть Оно потому, что всякая величина есть или безпредѣльная или опредѣленная, а безпредѣльной—потому, что вообще нѣтъ никакой безпредѣльной величины. Но Оно также посему и безстрастно и неизмѣнно» (ἀπαθές καὶ ἀναλλοίωτον) ²⁾. Ибо, по Аристотелю, «Умъ (νοῦς) безстрастенъ и не смѣшанъ (ἀμιγής) ни съ чѣмъ» (напримѣръ съ матерiею), слѣдовательно «простъ (ἀπλοῦς), чистъ (καθαρός), отдѣленъ (χωριστός) отъ всего ему не сроднаго» и т. д. ³⁾. Безпредѣльную опредѣленную возможность представляетъ собою все матеріальное; слѣдовательно Онъ вполнѣ нематериаленъ, духовенъ. И наоборотъ, матерiя, по философскому міросозерцанiю Аристотеля, представляетъ собою возможность; слѣдовательно Умъ или Духъ, по противоположенiю ей, есть совершенная дѣйствительность (ἐνέργεια, ἐντελέχεια), идея идей (εἶδος εἰδῶν) и т. д. Но это, въ подробностяхъ своихъ, уже вводитъ насъ въ область Аристотелева ученiя.

б) О *свойствахъ* Божiихъ. Самое общее понятiе о Богѣ есть понятiе о Немъ, какъ Существовѣ совершеннѣйшемъ или всесовершенномъ, т. е. обладающемъ въ безграничномъ совершенствѣ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ умъ или духъ человѣческiй обладаетъ

¹⁾ *Sext. Empir.* Нур. Pyrih. III, 218. Срав. также *Ciceronis*, *De natura deor.* I, 13.

²⁾ *Metaph.* XI (XII), 7 sub. fine.

³⁾ *Metaph.* I, 8; *Phys.* IX, 5; *De anima* I, 2; III, 4. 5 и др. Срав. *Philop. in Arist. de an.* C. g.: τοῦτον τὸν νοῦν καθαρὸν ἔλεγε καὶ ἀμιγῆ καὶ ἀπαθῆ τοῦτεστιν ἀσώματος.

лишь въ ограниченной мѣрѣ. Не даромъ Аристотель сказалъ, что «Богъ есть или умъ или нѣчто даже высшее ума». Не даромъ онъ говоритъ о Немъ также: «Богъ есть живое существо вѣчное совершеннѣйшее» (ἄριστον)¹); или: «вообще въ чемъ есть лучшее (βέλτιον) нѣчто, въ томъ есть нѣчто и наилучшее (ἐστὶ τι καὶ ἄριστον)». Итакъ, поелику въ существующемъ (ἐν τοῖς οὖσι) одно бываетъ лучше другого, то поему есть нѣчто и совершеннѣйшее (ἄριστον), а таковымъ и можетъ быть только Божество» (ὅπερ εἴη ἄν τὸ θεῖον)²). Если же такимъ образомъ Богъ есть существо совершеннѣйшее или всесовершенное, то анализируя, съ философской точки зрѣнія, понятіе совершенства, Аристотель, на основаніи законовъ разума, долженъ былъ изслѣдовать, чтó должно признавать совершеннымъ, въ противоположность не совершенному, и за тѣмъ, какъ, на основаніи тѣхъ же законовъ, возвести понятіе совершенства на степень понятія абсолютнаго совершенства, для приложенія его къ Богу, какъ Существу всесовершенному или абсолютно совершенному, а съ философской точки зрѣнія, какъ абсолютному Началу. Иначе сказать, нашъ философъ долженъ былъ въ понятіи о Богѣ изслѣдовать свойства Божіи, относящіяся къ самому существу Его, такъ называемыя *существенныя, онтологическія*, и относящіяся къ Нему, именно какъ Уму или Духу, т. е. такъ называемыя свойства *духовныя, идеальныя, нравственныя*.

α) Свойства Божіи *существенныя, онтологическія*.

αα) Самое общее и абстрактное свойство всего существующаго есть то самое, что оно есть, существуетъ, имѣетъ бытіе. Но въ бытіи Аристотель ясно различаетъ двѣ коренныя формы: бытіе возможное (τὸ δυνάμει οὖν), не совершенное и бытіе дѣйствительное, совершенное (τὸ ὄν ἐνεργεία, ἢ ἐντελέχεια)³), или иначе: бытіе случайное (τὸ ὄν κατὰ συμβεβηκός) и бытіе по

¹) Metaph. XI (XII), 7.

²) Aristotelis opp. fr. 15, t. V. ed. Berol. (1870), pag. 1476. Срав. въ не разѣ указанномъ мѣстѣ Метафизики (XI, 7) выраженіе Аристотеля о первомъ Движущемъ: καὶ τὸ πρῶτον οὐ σπέρμα ἐστὶν, ἀλλὰ τὸ τέλειον (Оно не сѣмя, но совершенное, зрѣлый плодъ).

³) Metaph. III, 5; IV, 7: (XI (XII), 2; Meteorol. 3 et al.

истинѣ (τὸ ὡς ἀληθὲς ὄν) ¹⁾. Въ первомъ смыслѣ сущностию (ἡ οὐσία) называется и матерія ²⁾, но во второмъ—никогда: дѣйствительное, истинное бытіе можетъ относиться только къ совершенному бытію и можетъ принадлежать только существующему въ дѣйствительности. «Бытіе (τὸ εἶναι), —говоритъ Аристотель,—понимается во многихъ смыслахъ, но главнымъ образомъ (κυρίως) оно есть энтелехія» ³⁾, т. е. совершенное существованіе. И такъ какъ «бытіе во всякомъ случаѣ лучше небытія» (τὸ εἶναι βέλτιον τοῦ μὴ εἶναι) ⁴⁾ и дѣйствительное, истинное бытіе, безъ сомнѣнія, лучше бытія въ возможности: то естественно, что Богу, какъ Существу всесовершенному, можетъ принадлежать только бытіе дѣйствительное, истинное, совершенное. Болѣе подробное обоснованіе этой мысли представлено нами при изложеніи онтологическаго доказательства бытія Божія по Аристотелю.

бб) Существо абсолютно совершенное можетъ быть только одно. Мысль о единствѣ существа Божія раскрывается и доказывается у Аристотеля въ различныхъ мѣстахъ и весьма обстоятельно и основательно. И прежде всего онъ вполне соглашается съ аргументаціею представителей Элейской школы (Ксенофаномъ, Зенономъ и др.), что «если Богъ есть совершеннѣйшее изъ всѣхъ существъ, то Онъ долженъ быть единъ (ἓνα εἶναι); ибо если бы ихъ было два или нѣсколько, то Онъ уже не былъ бы превосходнѣйшимъ и совершеннѣйшимъ изъ всѣхъ, такъ какъ тогда каждый изъ многихъ былъ бы таковымъ» ⁵⁾. Затѣмъ самое абсолютное бытіе, истинно сущее (τὸ ὄν) у Аристотеля совпадаетъ съ единствомъ (τὸ εἶν): «сущее понимается во многихъ смыслахъ, но въ отношеніи къ единому (πρὸς εἶν) и къ нѣкоей одной природѣ, и не одноименно, но подобно тому какъ все здоровое въ отношеніи къ здоровью, при чемъ первое тѣмъ, что охраняетъ, а второе—тѣмъ, что дѣлаетъ, первое—тѣмъ, что служитъ признакомъ здоровья,

¹⁾ Metaph. IV, 7; 5, 4 и др.

²⁾ Metaph. VI (VII), 10. 15; IX, f.: οὐσία ὁλική и др. м.

³⁾ De anima, II, 1.

⁴⁾ De animal. gener. II, 1.

⁵⁾ De Xenoph., Zenon. et Gorg. 3.

а второе—тѣмъ, что воспріимчиво къ нему; или подобно тому какъ врачебное въ отношеніи къ медицинѣ (ибо все врачебное называется таковымъ именемъ потому, что заключаетъ въ себѣ все, относящееся къ медицинѣ, а самая медицина отчасти потому, что способна къ ней, отчасти же потому, что есть самое врачебное занятіе); подобно же этому мы будемъ принимать и прочее такъ или иначе называемое: но такъ точно и сущее (τὸ ὄν) понимается во многихъ смыслахъ, но все относится къ одному началу (πρὸς μίαν ἀρχήν). Ибо одно называется сущимъ потому, что представляетъ собою сущности (οὐσίαι), другое потому, что представляетъ собою состоянія сущности, третье—потому, что представляетъ собою путь къ сущности или субстанціи, или уничтоженія, или лишенія, или качества, или творческія или производительныя свойства сущности или того, что понимается въ отношеніи къ сущности, или отрицанія чего-либо изъ такового или же самой субстанціи; почему и самое не-бытіе мы называемъ не-бытіемъ. Итакъ, подобно тому, какъ и для всего относящагося къ здоровью есть одна наука, такъ точно и въ отношеніи ко всему другому. Ибо одна наука разсматриваетъ не только то, что относится къ единицѣ какъ числу, но и то, что говорится въ разсужденіи одной природы, такъ какъ и это нѣкоторымъ образомъ относится къ исчисленію по единицамъ. Итакъ ясно, что одной же наукѣ принадлежитъ и разсмотрѣніе сущаго, какъ сущаго. Но ко всему относится наука о первомъ въ собственномъ смыслѣ (χαρίως τοῦ πρώτου), и о томъ, отъ чего все прочее зависитъ и по причинѣ чего такъ называется. Посему, если это есть сущность, то философъ долженъ имѣть начала и причины сущностей. А какъ въ отношеніи ко всякому роду, одно въ отношеніи къ одному должно быть и воспріятіе (чувственное), такъ и наука, какъ на примѣръ грамматика, будучи одна, разсматриваетъ всѣ звуки. Посему и въ отношеніи къ сущему разсматривать, сколько видовъ его и какіе виды видовъ, есть дѣло одной науки по роду. Итакъ, если сущее и единое суть одно и то же, то они относятся и къ одной природѣ, потому что слѣдуютъ одно за другимъ какъ начало и причина, но не какъ изъясняемыя на одномъ основаніи. Ибо одно и

то же будетъ: одинъ человѣкъ и сущій человѣкъ и просто человѣкъ. и не означаетъ чего-либо другого усиленное выраженіе: одинъ есть человѣкъ и есть человѣкъ. Ясно же, что сущее не выдѣляется ни въ происхожденіи, ни въ уничтоженіи. Подобное же и въ отношеніи къ единому; такъ что явно, что прибавленіе въ нихъ означаетъ одно и то же, и что единое есть не иное что, какъ сущее. Также и сущность каждаго изъ нихъ, то есть, и единого и сущаго, одинаково не есть случайная (*οὐ κατὰ συμβεβηχός*); такъ что сколько есть видовъ единого, столько же есть видовъ и сущаго, въ числѣ коихъ находятся и противоположности каждаго изъ нихъ. Единому же противопоставляется множество¹⁾. Но множественность есть свойство матеріи. А первый Двигатель, какъ существо совершенно нематеріальное, и въ этомъ отношеніи противоположенъ ей. «Все, что есть многое числомъ, имѣетъ матерію (*ὅσα ἀριθμῶ πολλὰ, ὅλην ἔχει*); ибо въ отношеніи къ множественности можно принять въ основаніе тоже самое, что и въ отношеніи къ человѣку: людей много, но Сократъ одинъ. А первое Движущее, какъ то что есть и было (*τὸ τί ἦν εἶναι*), не имѣетъ матеріи; ибо Оно есть энтелехія. Слѣдовательно первое Движущее неподвижное есть едино (*ἓν*) и со стороны разумнаго основанія и со стороны числа» (*λόγῳ καὶ ἀριθμῶ*)²⁾. И со стороны самого понятія о движеніи Аристотель доказываетъ единство перваго Двигателя, или, что то же, Бога. «Если движеніе вѣчно,—говоритъ онъ въ своей Физикѣ,—то должно быть вѣчно и первое Движущее, если оно одно; если же многія, то многія и вѣчныя; но скорѣе должно думать, что одно, нежели многія, и опредѣленныя, нежели безпредѣльныя. Ибо такъ какъ случается одно и то же, то всегда лучше принимать опредѣленныя; потому что въ естественномъ должно быть скорѣе опредѣленное и лучшее, если только оно въ немъ есть. Достаточно будетъ и то, если единое (*ἓν*), которое является пер-

¹⁾ Metaph. III, 2.

²⁾ Ibid. XI (XII), 8. Въ этомъ смыслѣ немного далѣе Аристотель приводитъ извѣстный стихъ изъ Иліады Гомера (II, 204).

«Не хорошо многовластіе: одинъ долженъ быть властитель».

вымъ изъ неподвижныхъ, будучи вѣчнымъ, будетъ началомъ движенія и для другихъ (движущихъ). Поэтому и отсюда явно, что необходимо, чтобы первое Движущее было едино и вѣчно. Ибо доказано было, что необходимо, чтобы движеніе было всегда; если же всегда, то необходимо ему быть и постояннымъ, такъ какъ что есть всегда, то и постоянно, а что потомъ, то непостоянно. Но если оно есть постоянное, то и единое; едино оно и потому, что производится отъ единого Движущаго и есть движеніе одного движимаго. Ибо если то одно, а то другое будетъ двигать что-нибудь, то цѣлое движеніе будетъ уже не постоянное, но перемѣнное¹⁾.

вв) Между тѣмъ какъ все матеріальное, множественное, въ числѣ своихъ несовершенствъ, имѣетъ и случайность, условность своего бытія, зависимость послѣдняго отъ разныхъ причинъ и началъ, Существо всесовершенное, единое, должно исключать въ себѣ всякую случайность и условность, не должно ни отъ кого не зависѣть въ своемъ бытіи, слѣдовательно должно быть *самобытно*, сумосуще, безусловно. Аристотель прямо различаетъ «вѣчное и Божественное изъ сущаго» (*αἰδία καὶ θεία τῶν ὄντων*) отъ того, что «допускаетъ въ себѣ возможность и быть и не быть» (*τὰ ἐνδεχόμενα καὶ εἶναι καὶ μὴ εἶναι*)²⁾. Вѣчное и божественное не можетъ не быть; оно необходимо (*ἐξ ἀνάγκης*) существуетъ, необходимо должно быть уже для того, чтобы имъ объяснить существованіе бытія возможнаго, случайнаго; но само оно существуетъ независимо отъ послѣдняго, и ни отъ чего не завися: *ἐξ ἀνάγκης ἄρα ἐστὶν ὄν καὶ ἡ ἀνάγκη, καλῶς, καὶ οὕτως ἀρχή*³⁾. «Ибо необходимое понимается въ слѣдующихъ смыслахъ: какъ то, что происходитъ какъ бы насильственно, поелику происходитъ помимо стремленія къ нему;—какъ такое, безъ чего не можетъ быть блага и какъ такое, что не можетъ имѣть себя иначе, но имѣетъ себя просто» (*ἀπλῶς*)⁴⁾. А такое существо и есть Богъ, такъ что «первое и въ собственномъ смыслѣ необходимое есть простое»

1) Phys. VIII, 6 (7).

2) De animal. gener. II, 1, conf. Metaph. VIII, 8.

3) Metaph. XI (XIII), 7.

4) Ibid.

(τὸ πρῶτον καὶ κυρίως ἀγαθαῶν τὸ ἀπλοῦν ἔστιν) ¹⁾. Поэтому Онъ и есть первый Двигатель неподвижный, т. е. такой, безъ Котораго не могло бы быть движенія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и такой, Который самъ уже не подвергается движенію чьею-либо стороннею силою ²⁾. Весьма основательно и ясно Аристотель доказываетъ необходимость признанія такого Существа въ ряду существъ зависимыхъ и случайныхъ. «Есть, — говоритъ онъ, — въ ряду существующихъ нѣкое Существо отдѣльное и неподвижное, которое должно быть признаваемо и Божествомъ (τὸ θεῖον), и Оно-то есть первое и самое главное начало» (πρώτη καὶ κυριωτάτη ἀρχή) ³⁾. Рядъ условныхъ началъ и причинъ не можетъ простираться въ безконечность и требуетъ признанія необходимости бытія такового начала, то есть, Бога. «Ясно, что есть какое-то высшее начало и не безконечны причины всего сущаго, ни въ значеніи послѣдовательности, ни съ точки зрѣнія ихъ вида, по группамъ ⁴⁾, — говоритъ Аристотель. Такъ невозможно, чтобъ одно выходило изъ другого, другое изъ третьяго и т. д. въ безконечность, какъ изъ матеріи, на примѣръ, мясо изъ земли, земля изъ воздуха, воздухъ изъ огня, и чтобы этотъ рядъ переходовъ нигдѣ не останавливался. Невозможно это и съ точки зрѣнія вопроса, откуда начало движенія; на примѣръ, невозможно, чтобы человѣкъ получалъ движеніе отъ воздуха, воздухъ отъ солнца, солнце отъ раздора (между элементами), и чтобы такой послѣдовательности совсѣмъ не было предѣла. Равнымъ образомъ и цѣли, ради которыхъ что-либо существуетъ, не могутъ итти въ безконечность: прогулка, ради здоровья, здоровье ради счастья, счастье ради чего нибудь другого, и такъ далѣе, постоянно одно ради другого. Точно также должно думать и въ отношеніи къ тому, въ силу чего что-либо есть то, что оно есть и чѣмъ было (τὸ τί ἦν εἶνα!). Но съ другой стороны и внизъ спускаясь, не возможно итти въ безконечность, когда начинать съ верхняго (конца), на примѣръ, въ такомъ порядкѣ: изъ огня вода, изъ

1) Metaph. IV, 5.

2) Ibid. XI (XII), 7; Conf. De coelo I, 9; Phys. VIII, 6.

3) Metaph. X, 7.

4) Οὐτε: εἰς εὐθυσίαν, οὔτε κατ' εἶδος.

воды земля и т. д. Въ обоихъ случаяхъ невозможно итти въ безконечность (*εις ἄπειρον*). Ибо въ первомъ случаѣ, когда есть посредствующее, необходимо есть конецъ (*τέλος*); во второмъ случаѣ предметы переходятъ другъ въ друга взаимно, ибо уничтоженіе одного есть происхожденіе другого. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и невозможно, чтобы первый моментъ погибъ, такъ какъ онъ вѣченъ. Ибо такъ какъ происхожденіе, если итти вверхъ, не безпредѣльно, то необходимо было бы, что то первое, изъ разрушенія чего происходитъ нѣчто, не вѣчно. Далѣе, то, ради чего что-нибудь бываетъ, есть конецъ, а конецъ—это не то, что бываетъ ради другого чего-нибудь; наоборотъ, все остальное бываетъ ради него. Слѣдовательно, если послѣдній моментъ будетъ чѣмъ-нибудь въ родѣ этого, то онъ не будетъ безпредѣльнымъ; а если послѣдній моментъ вовсе не таковъ, то не будетъ того, ради чего все совершается. Но, кромѣ того, принимающіе безконечный рядъ причинъ, незамѣтно для себя, уничтожаютъ природу благъ (*τὴν τοῦ ἀγαθοῦ φύσιν*). Между тѣмъ никто не принялся бы ни за какое дѣло, не имѣя въ виду дойти до извѣстнаго предѣла; въ подобныхъ дѣйствіяхъ не было бы смысла; ибо, кто-либо крайней мѣрѣ имѣетъ смыслъ, тотъ всегда дѣлаетъ ради чего-нибудь, а это и есть предѣлъ, то есть, конецъ и цѣль (*τέλος πέρας ἐστίν*). А что касается того, что дѣлаетъ то, что есть, тѣмъ, что оно есть и чѣмъ было (*τὸ τί ἦν εἶναι*), то опредѣленіе этого понятія не возможно сводить къ другому опредѣленію, нагромождая только слова. Ибо предшествующее всегда скорѣе служить подлиннымъ опредѣленіемъ, а послѣдующее опредѣленіе вовсе не есть опредѣленіе; и чему не отвѣчаетъ первое (опредѣленіе), тому подавно не можетъ соответствовать и вытекающее изъ него ¹⁾. Кромѣ того, высказывающіе такое уче-

¹⁾ Это мѣсто мы приводимъ въ томъ переводѣ, который съ недавняго времени появляется въ приложеніи къ Журналу мин. нар. просвѣщенія (1890 № 3, стр. 149). Ближе къ подлиннику было бы перевести такъ: «ибо| всегда стоящее впереди (*ὁ ἔμπροσθεν*) болѣе стоящаго послѣднимъ, а послѣднее даже и не существуетъ, а въ чемъ нѣтъ перваго, въ томъ нѣтъ и послѣдующаго» (*οὐδὲ τὸ πρῶτον μὴ ἔστι, οὐδὲ τὸ ἐχόμενον ἔστιν*). Очевидно, что при этомъ переводѣ и смыслъ мѣста значительно измѣняется.

ніе уничтожаютъ возможность знанія. Ибо невозможно знать что-нибудь прежде, нежели дойдешь до не поддающагося дальнѣйшему анализу; безъ этого и знать нельзя. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно объять мыслию все такимъ образомъ безграничное? Это вѣдь не то, что линія, которую можно не останавливаясь дѣлать; мыслить же невозможно, не имѣя точекъ опоры: по этому никто не считаетъ дѣлений, если будетъ мысленно проходить по бесконечной линіи. Да и матерію необходимо мыслить въ чемъ-нибудь движущемся и слѣдовательно, ничему ¹⁾ нельзя быть безпредѣльнымъ; ибо въ противномъ случаѣ быть безпредѣльнымъ ²⁾ не значило бы быть подлинно безпредѣльнымъ. Съ другой стороны, если бы различные виды причинъ были бесконечны по числу, то и тогда также не возможно было бы знаніе, ибо мы думаемъ, что знаемъ вещи только тогда, когда понимаемъ причины, а въ чемъ-либо опредѣленномъ невозможно объять безпредѣльное, образовавшееся чрезъ накопленіе причинъ ³⁾. Такимъ образомъ здѣсь Аристотель, не именуя «высшее начало» прямо Богомъ, сводитъ къ нему всѣ тѣ основныя причины или начала, которыя исчислены нами раньше при изложеніи философскаго воззрѣнія Аристотеля (его ученіе о движеніи), и которыя, по приведеннымъ теперь словамъ его, требуютъ для себя одного высшаго, перваго начала. Которымъ можетъ быть только Богъ—*πρώτη καὶ χορηγία ἀρχή*. Не даромъ еще раньше приведенныхъ словъ въ той же *Метафизикѣ* Аристотель говорилъ, что знаніе причинъ и началъ есть самое почетное знаніе. «Ибо самое божественное знаніе — и самое почетное. А божественно оно во всякомъ случаѣ вдвойнѣ, ибо и то изъ знаній, которое скорѣе всего прилично имѣть Богу, божественно, и всякое, какое только рассуждаетъ о божественномъ. А единственно только этому знанію выпало на долю то и другое: съ одной стороны, Богъ всѣмъ кажется причинною основою и нѣкоторымъ началомъ. Съ другой стороны, это знаніе

1) Т. е. матеріальному.

2) Т. е. опять веществу, матеріи.

3) *Метаф.* II, 2. Рус. перев. *Розанова* и *Первова* въ прилож. къ *Журн. мн.* нар. просв. за 1890 г. № 3.

таково, что имъ можно обладать или одному только Богу, или Богу больше всего. Однимъ словомъ, всѣ прочія знанія нужнѣе этого, но ни одно не выше¹⁾. Всѣ второстепенныя причины: и причина матеріальная или вещество, и причина формальная или идея, сущность, τὸ τί ἦν εἶναι, и причина движущая или производящая и причина конечная или цѣль (τέλος) возводятся къ Нему, т. е. къ Богу, по своему началу, имѣя Его своимъ источникомъ; а Онъ самъ уже ни къ чему и ни къ кому не возводитъ начало своего бытія, а Самъ есть пренотекущій Первоисточникъ этого бытія для Себя и для всего сущаго. Τὸ θεῶν φύσις χωριστὴ καὶ ἀκίνητος, πρῶτη καὶ χωριστάτη ἀρχή²⁾.

гг) Будучи самобытнымъ, не имѣя начала своего бытія, Богъ есть такимъ образомъ Существо безначальное; но между тѣмъ какъ все матеріальное, какъ ограниченное, слишкомъ очевидно доказываетъ свою конечность, скоротечность своей жизни по продолженію ея, Онъ, какъ Существо всесовершенное, и по продолженію своего бытія долженъ быть безконеченъ. Однимъ словомъ, Богъ долженъ быть Существомъ *вѣчнымъ*, не имѣющимъ ни начала, ни конца своего бытія, вѣчно, слѣдовательно, сущимъ. Эта истина глубоко и ясно сознаваема была Аристотелемъ и съ неопровержимою доказательностію проводится въ его сочиненіяхъ. И прежде всего, въ согласіи съ религіозно-философскимъ міросозерцаніемъ Греціи прежняго и своего времени онъ говоритъ: «Ксенофанъ говорилъ, что одинаково нечестивы какъ тѣ, которые говорятъ, что боги умираютъ, такъ и тѣ, которые утверждаютъ, что они произошли; ибо и въ томъ и въ другомъ случаѣ выходитъ, что они нѣкогда не существовали»³⁾. Далѣе, прямо и съ строго философской точки зрѣнія, въ связи съ доказанною выше самобытностію, Аристотель также неопровержимо доказываетъ совершенную вѣчность, то есть безначальность и безконечность Существа абсолютнаго, безусловно безпредѣльнаго, Бога. «Без-

1) Метаф. I, 2.

2) Метаф. X, 7. Сравн. οὐσία πρώτη κτλ. Тамъ же XI (XII), 7.

3) Rhetor. II, 53.

предѣльное, — говорить Онъ, — не имѣеть начала; ибо иначе Оно имѣло бы и конецъ, предѣль (τοῦ ἀπειροῦ οὐκ ἔστιν ἀρχή· εἴη γὰρ. ἂν αὐτοῦ πέρας). Но Оно также есть и не происходящее ¹⁾ и не уничтожающееся (ἄφθαρτον) ²⁾, такъ какъ Оно есть начало. Ибо все происшедшее необходимо имѣеть и конецъ и всякое уничтоженіе предполагаетъ собою окончаніе. Поэтому, какъ мы говоримъ, для Него нѣтъ начала, но само Оно, кажется, служить началомъ для всего другого и объемлетъ все и всѣмъ управляетъ, какъ говорятъ всѣ тѣ, которые не принимаютъ никакихъ другихъ причинъ, помимо безпредѣльнаго, какъ напр., умъ (νοῦν) или дружбу; и это, кажется, есть Божество; ибо Оно есть бессмертно и неуничтожимо (ἀθάνατον καὶ ἀνώλεθρον), какъ говоритъ Анаксимандръ и большая часть фізіологовъ ³⁾. Мы помнимъ также, какъ отъ вѣчности движенія Аристотель доказывалъ вѣчность и Перваго Двигателя ⁴⁾. Поэтому онъ говоритъ: «Дѣйствительное бытіе Бога есть Его бессмертіе (θεοῦ ἐνέργεια ἀθανασία). Это и есть вѣчная жизнь; такъ что Божеству свойственно производить вѣчное движеніе» ⁵⁾. Или, точнѣе можно было бы выразиться, самая вѣчность движенія условливается тѣмъ, что вѣченъ первый Двигатель, также какъ Его дѣйствительное бытіе, дѣятельность вѣчная (ἐνέργεια) условливаетъ собою и то, что вѣчнымъ становится имѣющее по сущности своей лишь возможное (τὸ δυνάμει ὄν). «Дѣйствительность (по сущности) первѣе, нежели возможность (πρότερον τῆ ὀψία ἐνέργεια δυνάμειως), — говоритъ Аристотель. И по времени дѣйствительность всегда идетъ впереди, одна дѣйствительность впереди другой до тѣхъ поръ, пока не дойдетъ до дѣйствительности перваго вѣчно Движушаго. Но и въ собственнѣйшемъ смыслѣ (χωριστέρως):

1) Ἀγένητον въ смыслѣ быванія, рожденія и под.

2) Собственно: «петляиное»; но у Аристотеля собственно, въ его философской системѣ, этотъ терминъ, на ряду съ противоположнымъ ему по значенію—ἀγένητον, указываетъ на тотъ процессъ происхожденія и уничтоженія, который обозначается у него растяжимымъ словомъ: «движеніе».

3) Phys. III, 3; Conf. Eth. Nic.

4) Phys. VIII, 6; Metaph. XI (XII), 7 и др.

5) De coelo II, 3.

вѣчное первѣе тлѣннаго или уничтожимаго по сущности (*τὰ αἰδία πρότερα τῆ οὐσίᾳ τῶν φθαρτῶν*), а возможное ничто не вѣчно (*ἔστι δὲ οὐδὲν δυνάμει αἰδίου*). Основаніе же этому слѣдующее: всякая возможность существуетъ вмѣстѣ съ своею противоположностію; ибо быть невозможнымъ не свойственно ничему: все же возможное можетъ не быть дѣйствительнымъ. Итакъ, возможное по бытію можетъ и быть и не быть; одно и то же стало быть можетъ и быть и не быть. Могущее же не быть допускаетъ свое небытіе; допускающее же возможность не-бытія—уничтожимо (тлѣнно), или просто (*ἀπλῶς*), или это самое, о чемъ говорится, что оно допускаетъ не-бытіе, или по мѣсту, или по количеству, или по качеству, вообще же по сущности. А между тѣмъ ничто изъ неуничтожимаго (нетлѣннаго) просто не существуетъ по возможности просто; въ какомъ же отношеніи?—ничто не препятствуетъ сказать: въ отношеніи къ качеству, напримѣръ, или къ мѣсту. Итакъ, оно все существуетъ въ дѣйствительности. То же самое должно сказать и относительно существующаго по необходимости, хотя бы это были первыя субстанціи; ибо если бы ихъ не было, то и ничего бы не было. Равнымъ образомъ и движеніе, если есть какое-либо вѣчное движеніе, или если есть что-либо вѣчно движимое, не есть движимое по возможности, если оно не есть движеніе откуда-либо куда-либо: ничто не препятствуетъ, если бы это было и вещество. Поэтому всегда находится въ дѣйствіи солнце и звѣзды и цѣлое небо, и нѣтъ опасности, чтобы оно когда-либо остановилось, чего боятся нѣкоторые изъ писавшихъ о природѣ ¹⁾. И не утомляется дѣлая это: ибо движеніе всего этого совершается не по возможности, по каковому закону существуетъ противоположное ему уничтожающееся, такъ чтобы трудно было для него постоянство движенія. Ибо сущность, именуемая матеріей и возможностью, не есть дѣйствительность, служащая причиною ея. Не уничтожающемуся же или нетлѣнному подражаетъ даже и измѣняемая сущность, какъ напримѣръ, земля и огонь. Ибо и она всегда находится въ дѣйствіи (*ἐνεργεῖ αἰεί*). Сама по

¹⁾ Разумѣется Эмпедоклъ.

себѣ и въ себѣ она имѣеть движеніе» ¹⁾. Если же все это, то тѣмъ болѣе Божество, первый Движущій, (οὐσία τις αἰδίου καὶ ἀκίνητος) ²⁾. «Богъ есть первое движущее неподвижное, вѣчное, сущность и дѣйствительность» (ὁ θεὸς τὸ πρῶτον κινῶν ἀκίνητον, αἰδίον, καὶ οὐσία καὶ ἐνέργεια), говоритъ Аристотель ³⁾; или: «Богъ есть живое существо вѣчное совершеннѣйшее» (ὁ θεὸς ζῶν αἰδίον ἄριστον) ⁴⁾ и под. Вообще, по Аристотелю, «Богъ продолжаетъ жизнь свою отъ безпредѣльнаго вѣка и до другого (такого же) вѣка» (ὁ θεὸς διήκων ἐξ αἰῶνος ἀτέρμονος εἰς ἕτερον αἰῶνα) ⁵⁾, чрезъ что нашъ философъ выражаетъ, очевидно, ту же мысль, которая высказывается и въ известномъ мѣстѣ Св. Писанія: *прежде даже горамъ не быти и создатися земли и вселенный, и отъ вѣка и до вѣка Ты еси* (Псал. 89, 3).

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ).

¹⁾ Metaph. VIII, 8.

²⁾ Ibid. XI (XII), 7.

³⁾ bid. Cont. De coelo I, 9; Phys. VIII, 6.

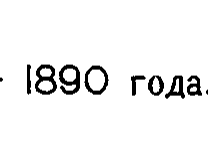
⁴⁾ Metaph. XI (XII), 7. Conf. Top. V, 1.

⁵⁾ Apud Stob. in Eclog. Phys. I, 86.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

31 Августа № 16. 1890 года.

Содержаніе. Указъ Святѣйшему Правительствующему Синоду о новой инструкціи для церковныхъ старостъ.—Инструкція церковнымъ старостамъ.—Отъ Епархіальнаго Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.—Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленіе.

У К А З Ъ

Святѣйшему Правительствующему Синоду.

Признавъ за благо утвердить представленныя Намъ Синодомъ, при докладѣ его, исправленную и дополненную инструкцію церковнымъ старостамъ; а равно форму присяги для нихъ, Повелеваемъ Синоду ввести инструкцію сію въ дѣйствіе, порядкомъ, въ докладѣ его изъясненнымъ, взамѣнъ инструкціи, утвержденной 17 апрѣля 1808 года.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

АЛЕКСАНДРЪ.

Въ Петергофѣ
12-го Юня 1890 года.

Д О К Л А Д Ъ.

Велѣдствіе состоявшагося, съ Высочайшаго соизволенія, въ 1870 году постановленія Синода о замѣнѣ сбора отъ продажъ церковныхъ свѣчей опредѣленнымъ процентнымъ взносомъ отъ всѣхъ церковныхъ доходовъ на нужды духовно-учебныхъ заведеній, возникла потребность въ пересмотрѣ правилъ о церковномъ хозяйствѣ, съ цѣлію обезпеченія правильнаго учета церковныхъ доходовъ и расходовъ. Въ сихъ видахъ Синодъ призналъ полезнымъ дѣйствующую нынѣ инструкцію церковнымъ старостамъ подвергнуть тщательному пересмотру въ связи со всѣми послѣдовавшими со дня перваго ея изданія постановленіями и распоряженіями по предмету церковнаго хозяйства. Въ настоящее время трудъ сей оконченъ, при чемъ въ инструкціи, гдѣ слѣдуетъ, подлежащія статьи или дополнены, или измѣнены, или вовсе исключены и замѣнены новыми, какова, напр., статья

о присягѣ для церковныхъ старостъ. Рассмотрѣвъ исправленную такимъ образомъ и дополненную инструкцію и находя оную цѣли соотвѣтствующею, Синодъ полагаетъ: 1) Высочайше утвержденную 17 апрѣля 1808 года инструкцію церковнымъ старостамъ отмѣнить, и, взявъ ея, нынѣ же ввести въ дѣйствию исправленную, дополненную и измѣненную инструкцію церковнымъ старостамъ; 2) дѣйствию сей инструкціи распространить на всѣ тѣ церкви, старосты коихъ доселѣ руководствовались инструкцію 17-го апрѣля 1808 года; 3) избраніе церковныхъ старостъ, на основаніи правилъ сей инструкціи, произвести по истеченіи трехлѣтняго срока, на который избраны нынѣ занимающія эту должность лица, или и ранѣе сего срока, въ случаѣ смерти означенныхъ лицъ или оставленія ими по какимъ-либо причинамъ должности старосты, и 4) избраніе означенныхъ въ § 42 инструкціи представителей прихожанъ произвести во всѣхъ церквяхъ, гдѣ имѣетъ дѣйствовать настоящая инструкція, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, со дня обнародованія инструкціи. Повергая сіи предположенія, вмѣстѣ съ инструкціею церковнымъ старостамъ и формою присяги для нихъ, на Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества воззрѣніе, Синодъ всеподданнѣйше испрашиваетъ на утвержденіе означенной инструкціи и присяги для старостъ, а равно и предположеній своихъ о порядкѣ введенія сей инструкціи въ дѣйствию Высочайшаго указа.

На подлинномъ докладѣ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: «*Согласенъ*».

Въ Петергофѣ

12-го Іюня 1890 года.

ИНСТРУКЦІЯ ЦЕРКОВНЫМЪ СТАРОСТАМЪ.

1. Церковный староста есть повѣренный прихода, избираемый къ каждой приходской церкви для совмѣстнаго съ причтомъ пріобрѣтенія и употребленія церковныхъ денегъ и всякаго церковнаго имущества, подъ надзоромъ и руководствомъ Благочиннаго и Епархіальнаго Начальства.

2. Церковные старосты, съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, могутъ быть избираемыми и къ церквамъ приписнымъ, не имѣющихъ своихъ причтовъ, если въ сихъ церквахъ совершается Богослуженіе, имѣется собственное имущество и ведется отдѣльное отъ самостоятельной церкви хозяйство.

3. Къ церквамъ, существующимъ при казенныхъ, общественныхъ и благотворительныхъ заведеніяхъ разныхъ вѣдомствъ, старосты избираются на основаніи правилъ, для сихъ церквей установленныхъ, но утверждаются Епархіальнымъ Начальствомъ.

4. Къ церквамъ домовымъ, устроеннымъ и содержимымъ на средства частныхъ лицъ, а также къ молитвеннымъ домамъ и часовнямъ, приписнымъ къ церквамъ, особые старосты не могутъ быть опредѣляемы.

5) Церковный староста въ отпращеніи своей должности руководствуется какъ правилами сей инструкціи, такъ и другими существующими по духовному вѣдомству постановленіями, подчиняясь во всѣхъ своихъ дѣй-

ствіяхъ распоряженіямъ Епархіального Начальства, объявляемымъ въ установленномъ порядкѣ.

6. Разъясненіе, дополненіе и измѣненіе правилъ сей инструкціи принадлежитъ Святѣйшему Синоду.

7. Въ церковныя старосты избираются лица не моложе 25 лѣтъ отъ роду, по возможности грамотныя, извѣстныя приходу христіанскимъ благочестіемъ и преданностію Святой Православной Церкви. Не могутъ быть церковными старостами:

1) сектанты;

2) не бывающіе у псовѣди и причастіа;

3) состоящіе подъ слѣдствіемъ или судомъ за преступленія или проступки, а равнѣ и подвергнушіеся по судебнымъ приговорамъ за противозаконныя дѣянія заключенію въ тюрьмѣ или иному болѣе строгому наказанію;

4) исключенныя изъ службы по суду или изъ духовнаго вѣдомства и званія за пороки или же изъ среды обществъ и дворянскихъ собраній по приговорамъ тѣхъ сословій, къ которымъ они принадлежатъ, а также сложившіе съ себя священныя санъ;

5) несостоятельныя должники;

6) состоящіе подъ опекою за расточительность;

7) въ приходахъ, находящихся внѣ городскихъ поселеній, содержатели заведеній для раздробительной продажи спиртныхъ напитковъ, а равнѣ прикащики и сподѣльцы сихъ заведеній,

и 8) волостныя старшины и писари, доколѣ состоятъ въ сихъ должностяхъ.

8. Право избирать церковнаго старосту къ приходской церкви принадлежитъ исключительно проживающимъ въ предѣлахъ прихода лицамъ, не моложе 25-ти лѣтъ, имѣющимъ право участвовать въ собраніяхъ мѣстнаго городского или сельскаго общества или въ собраніяхъ дворянства.

9. Право избирать церковнаго старосту есть личное и не можетъ быть передаваемо по довѣренностямъ.

10. Въ городахъ, заблаговременно до наступленія выборовъ, церковный причтъ составляетъ по церковно-исповѣднымъ вѣдомствамъ списокъ прихожанъ, имѣющихъ, на основаніи настоящихъ правилъ, право участвовать въ выборахъ. Списокъ этотъ, если пожелаютъ прихожане, представляется имъ на разсмотрѣніе.

11. О днѣ и часѣ выборовъ причтъ объявляетъ въ церкви въ три предшествующіе выборамъ воскресные или праздничные днѣ послѣ литургіи и, сверхъ того, въ городахъ посылаетъ письменныя сообщенія о семъ въ мѣстныя полицейскія управленія.

12. По соглашенію съ Благочиннымъ, причтъ назначаетъ выборы, по возможности, въ такое время года, когда большинство прихожанъ находится въ мѣстахъ постояннаго ихъ жительства. Выборы производятся въ храмѣ въ присутствіи причта подъ наблюденіемъ благочиннаго или заступающаго его мѣсто лица.

13. Во время производства выборовъ, на обязанности присутствующаго на оныхъ благочиннаго или заступающаго его мѣсто лица лежитъ наблюденіе за тѣмъ, чтобы выборы совершались въ должномъ порядкѣ, безъ

криковъ и споровъ, нарушающихъ благочиніе въ храмѣ, и чтобы не принимали участія въ выборахъ нетрезвыя и, согласно § 8, не имѣющія на то права лица.

14. Въ случаѣ, если въ собраніи избирателей не состоится открытаго и общаго соглашенія на избраніе въ церковныя старосты одного изъ предложенныхъ прихожанами кандидатовъ, выборы производятся простымъ большинствомъ голосовъ явившихся избирателей, и въ семъ случаѣ избираются два кандидата: первый и второй, получившіе наибольшее число избирательныхъ голосовъ.

15. О состоявшемся избраніи церковнаго старосты въ томъ же собраніи составляется письменный приговоръ по прилагаемой при семъ формѣ. Приговоръ подписывается избирателями, избраннымъ, причтомъ и благочиннымъ, и представляется послѣднимъ епархіальному начальству на разсмотрѣніе и утвержденіе. О несостоявшихся по какому-либо случаю выборахъ, а равно и о происшедшихъ на нихъ безпорядкахъ благочинный доноситъ епархіальному начальству.

16. Въ случаѣ неутвержденія епархіальнымъ архіереемъ произведенныхъ выборовъ, или въ случаѣ несостоявшихся выборовъ производятся, на основаніи сихъ правилъ, новыя выборы.

17. Если и повторительные выборы не будутъ утверждены или не состоятся, то епархіальному архіерею предоставляется поручить исполненіе должности старосты, впредь до избранія такового установленнымъ порядкомъ, кому-либо изъ благонадежныхъ прихожанъ по предоставленію мѣстнаго причта или, въ крайнемъ случаѣ, одному изъ членовъ причта.

18. Духовенство городскихъ безприходныхъ церквей сообщаетъ, чрезъ благочиннаго, городскому головѣ списокъ кандидатовъ, изъ числа коихъ городская дума избираетъ къ означеннымъ церквамъ старостъ. Объ избранныхъ городскими думами лицахъ представляется на утвержденіе епархіальнаго архіерея на общемъ основаніи. Въ случаѣ неизбранія думою кандидата изъ числа указанныхъ въ списокѣ, благочинный представляетъ новый списокъ кандидатовъ, а если и за сими не послѣдуетъ избранія, то въ дальнѣйшемъ епархіальный архіерей поступаетъ согласно § 17 сей инструкціи.

Примѣчаніе. Для выбора церковныхъ старостъ въ думѣ составляется собраніе лишь изъ гласныхъ православнаго исповѣданія, при чемъ не должны присутствовать гласные изъ раскольниковъ, еднновѣрцевъ и нехристіанъ. Въ городахъ, въ коихъ городское управленіе состоитъ преимущественно изъ лицъ неправославнаго исповѣданія, выборы производятся непосредственно православными обывателями, созываемыми городскимъ головою.

19. Утвержденный въ должности церковнаго старосты приводится къ присягѣ, по приложенной при семъ формѣ, и ему вручается экземпляръ настоящей инструкціи.

20. Староста избирается на три года и, по выслугѣ сего срока, можетъ быть избираемъ установленнымъ порядкомъ и на слѣдующія трехлѣтія, но въ такомъ случаѣ опъ не приводится вновь къ присягѣ.

21. Староста при вступленіи своемъ въ должность повѣряетъ въ присутствіи причта все церковное имущество по описи и прихода-расходнымъ

книгамъ, и объ оказавшемся по повѣркѣ составляется за подписью всѣхъ присутствовавшихъ при этомъ лицъ особый актъ, который и хранится вмѣстѣ съ церковными документами. Если бы при повѣркѣ чего-либо не явилось, или что либо оказалось поврежденнымъ и утраченнымъ, то объ этомъ немедленно доводится до свѣдѣнія мѣстнаго благочиннаго для донесенія епархіальному начальству.

22. На церковнаго старосту возлагается: 1) сборъ денегъ въ церковный кошелекъ и кружку, пріемъ всякаго рода суммъ, вкладовъ и приношеній, поступающихъ въ церковь, полученіе доходовъ отъ отдачи въ наемъ оброчныхъ статей, а равно процентовъ съ церковныхъ капиталовъ, платы за вѣячки, разрѣшительныя молитвы, погребальныя принадлежности, мѣста для могилъ и проч.; 2) продажа восковыхъ свѣчей и огарковъ; 3) покупка, по указанію причта, всего необходимаго для церкви: церковнаго вина, просфоръ, восковыхъ свѣчей, ладона, деревяннаго масла, богослужебныхъ книгъ и духовно-нравственныхъ изданій для исполненія церковной бібліотеки и т. п. предметовъ; 4) веденіе приходо-расходныхъ книгъ, которое, въ случаѣ неграмотности старосты, возлагается на одного изъ членовъ причта; 5) поддержаніе въ исправности, обновленіе и пополненіе ризницы и церковной утвари; 6) ближайшее наблюденіе за исправнымъ состояніемъ иконостаса, лампадъ, подевѣчниковъ и т. п., а также за исправнымъ содержаніемъ церковныхъ зданій, оградъ, погостовъ, кладбищъ и памятниковъ; 7) надзоръ за отопленіемъ, освѣщеніемъ и чистотою церкви, исправностію сторожей и другихъ служителей при церкви; 8) прісмотръ за домами, пріобрѣтенными церковнымъ иждивеніемъ, или инымъ способомъ поступившими въ собственность церкви, какъ для помѣщенія причта, такъ и для извлеченія дохода въ пользу церкви, а также лѣсными дачами, гдѣ таковыя имѣются, съ тѣмъ, чтобы вырубка изъ оныхъ лѣса была производима исключительно для удовлетворенія нуждъ церкви и причта, а не для продажи; 9) наблюденіе за тѣмъ, чтобы въ предѣлахъ прихода не происходило протязаконной продажи церковныхъ восковыхъ свѣчей, и 10) наблюденіе за сохраненіемъ богомольцами тишины и порядка во время Богослуженія въ церкви и внѣ ея—во время крестныхъ ходженій.

Примѣчаніе. Употребленіе церковной ризницы и утвари при Богослуженіи зависить исключительно отъ усмотрѣнія и распоряженія старшаго члена причта.

23. Въ тѣхъ епархіяхъ, гдѣ учреждены епархіальные свѣчныя склады для снабженія церквей восковыми свѣчами, ладаномъ и деревянными масломъ, церковнымъ старостамъ вмѣняется въ непремѣнную обязанность пріобрѣтать означенные предметы для церквей, при которыхъ они состоятъ старостами, только изъ этихъ складовъ, а равно и продавать огарки только въ эти склады.

24. Въ случаѣ необходимости, церковный староста, съ согласія причта, можетъ приглашать въ помощь себѣ лицъ, извѣстныхъ своею благонадежностію, какъ для участія въ обносѣ по церкви кошелька и кружекъ, во время Богослуженія, и въ продажѣ церковныхъ свѣчей, такъ вообще для услугъ по церковному хозяйству и для временнаго исполненія должности старосты въ случаѣ его болѣзни или отлучки по какимъ бы то ни было причинамъ.

25. Церковный кошелекъ и кружка, а равно кружка въ пользу епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія обносятся по церкви при каждомъ Богослуженіи; остальные, затѣмъ, кружки, устанавливаемые съ разрѣшенія Святейшаго Синода, обносятся или въ тѣ дни, которые для нихъ назначены, или въ порядкѣ очереди, никакъ не болѣе одной кружки въ каждую очередь.

26. Деньги, собираемые въ церковный кошелекъ, а равно выручаемыя отъ продажи свѣчей и получаемыя отъ добродѣтельныхъ дателей, опускаются немедленно послѣ службы въ ящикъ, для сего устроенный. Ящикъ для сыпки денегъ долженъ находиться за ключами старосты и церковною печатью.

27. Свѣчи и свѣчные огарки хранятся въ отдѣльныхъ ящикахъ за ключами старосты.

28. Всѣ вообще добродѣтельныя приношенія, принятыя церковнымъ старостою, предъявляются старшему члену причта и затѣмъ записываются, по принадлежности, въ церковную опись или въ приходо-расходную книгу.

29. Церковному старостѣ и причту не дозволяется ни подъ какимъ предлогомъ брать къ себѣ и держать на дому церковныя деньги.

30. Безъ особой надобности при церквахъ не можетъ быть оставляемо наличныхъ денегъ, по высылкѣ ихъ изъ кружекъ и изъ церковнаго ящика, болѣе 200 р. Свыше же сей суммы дозволяется хранить при церквахъ по особымъ уважительнымъ причинамъ, съ разрѣшенія епархіальнаго архіерея.

31. Церковныя суммы въ наличныхъ деньгахъ и въ именныхъ % бумагахъ, не снабженныхъ отдѣльными купонными листами, хранятся при церквахъ въ кладовыхъ или ризницахъ за ключемъ старосты и церковною печатью. Всѣ прочія % бумаги отсылаются для храненія въ государственнѣйшій банкъ или въ мѣстныя конторы и отдѣленія онаго.

32. Свободныя наличныя деньги, свыше означенной въ § 30 суммы, отсылаются для приращенія % въ государственнѣйшій банкъ и мѣстныя конторы и отдѣленія онаго, или обращаются въ наиболѣе выгодныя государственныя процентныя бумаги на имя церкви.

33. Не могутъ быть помѣщаемы на храненіе въ церквахъ деньги, документы и вещи, принадлежащія какъ старостѣ и причту, такъ и другимъ лицамъ.

34. Церковный староста, не испрашивая разрѣшенія епархіальнаго начальства, но непремѣнно съ согласія причта, производитъ расходы: а) на приобрѣтеніе необходимыхъ для Богослуженія предметовъ; б) всѣ текущія расходы по церкви, какъ напримѣръ, по покупкѣ дровъ для отопленія храма, выдачѣ жалованья просфорнѣ и наемнымъ служителямъ, уплатѣ налога въ городскую думу съ церковныхъ домовъ, приносящихъ доходъ и т. п., и в) на поддержаніе въ исправности церкви и всѣхъ церковныхъ строеній: по церквамъ въ обѣихъ столицахъ и кафедральнымъ соборамъ до 300 р., по прочимъ городскимъ церквамъ до 150 р. и по церквамъ въ селеніяхъ до 50 р. въ годъ. На расходы по поддержанію въ исправности церкви и всѣхъ церковныхъ строеній свыше указанныхъ суммъ причтъ и староста испрашиваютъ чрезъ благочиннаго разрѣшеніе епархіальнаго начальства.

35. На ремонтныя исправленія и передѣлки въ алтарѣ, съ измѣненіемъ существенныхъ частей онаго, на общее возобновленіе иконостаса и и стѣнной живописи храма, на возведеніе какихъ бы то ни было новыхъ церковныхъ построекъ, напримѣръ, колокольни, придѣловъ, домовъ, оградъ и т. п., и на всякія ремонтныя строительныя работы въ церквахъ древнихъ непремѣнно должно быть испрашиваемо разрѣшеніе Епархіальнаго начальства, которое, во всѣхъ этихъ случаяхъ, руководствуется существующими на этотъ предметъ постановленіями.

36. Церковный причтъ со старостою ходатайствуютъ о разрѣшеніи новыхъ церковныхъ построекъ въ такомъ только случаѣ, если на это изъявлено согласіе общимъ собраніемъ прихожанъ (§§ 8 и 9), удостовѣренное приговоромъ за подписью участвовавшихъ въ собраніи лицъ, и если на производство испрашиваемыхъ построекъ измѣются въ виду достаточныя средства.

37. Установленные Святѣйшимъ Синодомъ и Епархіальнымъ начальствомъ обязательныя сборы съ церковныхъ доходовъ на духовно-учебныя и другія потребности высылаются безотлагательно, согласно распоряженіямъ объ этихъ сборахъ.

38. По производствѣ всѣхъ необходимыхъ по церкви расходовъ, можетъ быть удѣляема, съ разрѣшенія, каждый разъ епархіальнаго Архіерея, часть свободныхъ церковныхъ суммъ на наемъ или устройство помѣщенія для причта, гдѣ такового помѣщенія при церкви не имѣется, на воспособленіе церковно-приходскимъ школамъ и на дѣла общественнаго благотворенія въ предѣлахъ прихода. Если на счетъ свободного остатка церковныхъ денегъ предполагается пріобрѣсть недвижимое имущество для обезпеченія причтовой помѣщеніемъ и содержаніемъ, то въ семъ случаѣ должно быть испрашиваемо чрезъ епархіальнаго архіерея разрѣшеніе Святѣйшаго Синода.

39. Займообразныя выдачи денегъ изъ свободныхъ суммъ церкви могутъ быть допускаемы не иначе, какъ подъ отвѣтственностію причта и старосты за исправность уплаты ссуды, и притомъ исключительно на удовлетвореніе потребностей другихъ церквей или крайнихъ нуждъ причтовъ съ тѣмъ, чтобы на выдачу ссудъ до 300 р. было испрашиваемо разрѣшеніе епархіальнаго архіерея, а свыше этой суммы разрѣшеніе Святѣйшаго Синода.

40. Переходящія суммы, получаемыя отъ сборовъ въ пользу различныхъ учреждений, отсылаются въ тѣ мѣста и въ тѣ сроки, кои указаны въ распоряженіяхъ объ этихъ сборахъ.

41. По истеченіи каждаго мѣсяца, въ одинъ изъ первыхъ семи дней наступившаго мѣсяца, высыпаются изъ ящичковъ и кружекъ накопившіяся деньги, которыя по надлежащемъ счетѣ, записываются въ шнуровую приходо-расходную книгу. Въ то же время производится свидѣтельство всего прихода и расхода за истекшій мѣсяць, при чемъ выведенный по приходо-расходной книгѣ остатокъ суммъ и капиталовъ повѣряется съ наличною кассою.

42. Требуемая предыдущимъ §-мъ выплата денегъ и свидѣтельство прихода и расхода суммъ производятся при участіи причта, старосты и двухъ представителей прихожанъ, особо избираемыхъ послѣдними на каждый годъ изъ лицъ, удовлетворяющихъ требованіямъ § 7-го.

43. О днѣ и часѣ высылки денегъ и свидѣтельства прихода и расхода представители прихожанъ извѣщаются причтомъ.

44. Въ случаѣ надобности, высылка денегъ изъ кружекъ и ящичковъ можетъ быть произведена въ присутствіи указанныхъ въ § 42 лицъ и до истеченія мѣсячнаго срока, но не иначе, какъ съ запискою денегъ въ книгу въ тотъ же день.

45. О результатахъ ежемѣсячнаго свидѣтельства прихода и расхода (§ 41) дѣлается надпись въ церковной приходо-расходной книгѣ, за подписью всѣхъ присутствовавшихъ при свидѣтельствѣ лицъ и съ обозначеніемъ числа и мѣсяца, въ которые происходило свидѣтельство.

46. Въ случаѣ неявки одного или обоихъ представителей прихожанъ къ свидѣтельству прихода и расхода, таковое не останавливается, но о неявкѣ представителей должна быть каждый разъ дѣлаема отмѣтка въ приходо-расходной книгѣ.

47. Въ отношеніи записи прихода и расхода въ лиуровыя приходо-расходныя книги и составленія, по истеченіи года, отчетныхъ вѣдомостей, старосты руководствуются существующими правилами и формами счетоводства, утвержденными опредѣленіемъ Святѣйшаго Синода отъ 24 сентября—8 октября 1876 года.

48. Благочинные, при обзорѣнн церквей, повѣряютъ церковные документы, принадлежащіе церквамъ капиталы и суммы, а также ризницу, утварь и прочее имущество.

49. Благочинный, въ случаѣ замѣченныхъ имъ неисправностей въ приходо-расходныхъ книгахъ или какихъ-либо недостатковъ въ распоряженіяхъ по церковному хозяйству, даетъ причту и старостѣ указанія или дѣлаетъ паставленія, а въ случаѣ отступленія отъ настоящихъ правилъ, соблюденія ихъ или вообще какихъ-либо неправильныхъ дѣйствій и важныхъ упущеній со стороны причта и старосты, доноситъ о томъ епархіальному Архіерею.

50. Причтъ и церковный староста, при осмотрѣ благочиннымъ церкви, а равно при повѣркѣ церковныхъ доходовъ и расходовъ особо назначенными для сего епархіальнымъ Архіереемъ лицами, предъявляютъ имъ всѣ документы, приходо-расходныя книги и церковное имущество.

51. Какъ благочинный, такъ и означенныя лица, по надлежащей повѣркѣ предъявленныхъ документовъ, книгъ и имущества, свидѣтельствуя о таковой повѣркѣ своими надписями въ приходо-расходныхъ книгахъ.

52. Непомянувшимъ съ усердіемъ въ теченіе трехъ лѣтъ обязанности церковнаго старосты, выдаются, по увольненіи отъ сей должности, похвальные листы за подписью епархіальнаго архіерея.

53. Прослужившіе въ должности церковнаго старосты три трехлѣтія, въ случаѣ избранія въ четвертое трехлѣтіе, представляются къ награжденію соотвѣтственно ихъ званію и заслугамъ.

54. Крестьяне, во время прохожденія должности церковнаго старосты, освобождаются отъ всѣхъ нарядовъ и работъ, а равно отъ тѣлеснаго наказанія.

55. Церковнымъ старостамъ каѳедральныхъ соборовъ и приходскихъ церквей въ столичныхъ и губернскихъ городахъ, не принадлежащихъ къ крестьянскому сословію, присволяется мундиръ IX класса, для православнаго ду-

ховнаго вѣдомства установленный, а старостамъ соборныхъ и приходскихъ церквей въ уѣздныхъ городахъ и селахъ—мундиръ X класса. Крестьянамъ, состоящимъ въ должности церковнаго старосты, присвоится особый по утвержденному рисунку, кафтанъ.

56. Выслужившимъ въ должности церковнаго старосты три трехлѣтія съ усердіемъ и пользою для церкви предоставляется право носить, по оставленіи должности, присвоенные оной мундиръ и кафтанъ.

57. Епархіальному архіерею предоставляется входить установленнымъ порядкомъ съ представленіями о награжденіи какъ церковныхъ старостъ, такъ и представителей прихожанъ при ежемѣсячномъ свидѣтельствѣ прихода и расхода церковныхъ суммъ, за особые труды и попеченіе о приращеніи церковныхъ доходовъ, а равно за содѣйствіе къ благоустройству приходскаго храма и изысканію средствъ для обезпеченія мѣстнаго причта помѣщеніемъ и содержаніемъ.

58. Церковный староста, уклоняющійся отъ исполненія правилъ сей инструкции и требованій епархіальнаго начальства, но надлежащемъ въ томъ удостовѣреніи и въ случаѣ безуспѣшности увѣщанія, увольняется отъ должности по опредѣленію консисторіи, утвержденному епархіальнымъ архіереемъ. За проступки же, соединенные съ ущербомъ для церковнаго имущества, церковный староста подвергается ответственности установленнымъ въ законахъ порядкомъ.

Приложеніе къ § 19.

ФОРМА ПРИСЯГИ.

Я, нижеименованный, обещаюсь предъ Святымъ Евангеліемъ и животворящимъ Крестомъ Господнимъ исполнять обязанности старосты церкви, по инструкции, миѣ данной, ревностно, честно, со страхомъ Божиимъ, во благо Святой Церкви и для спасенія моей души, памятуя, что въ семь должень буду дать отвѣтъ предъ закономъ и Господомъ Богомъ на страшномъ судѣ Его. Во увѣреніе же сего моего обѣщанія цѣлую слова и крестъ Спасителя моего. Аминь.

Приложеніе къ § 15.

Ф О Р М А П Р И Г О В О Р А.

1890 г. Марта « » дня. Мы нижеподписавшіеся, прихожане *такой-то* церкви *такого-то* уѣзда *такой-то* губерніи, собравшіеся въ числѣ *столькихъ-то* человекъ для производства выбора старосты къ сей церкви, избрали на сію должность единогласно *такого-то* (прописать званіе, имя, отчество, и фамилію), или большинствомъ *столькихъ-то* голосовъ первымъ кандидатомъ *такого-то* (званіе, имя, отчество, фамилія) и вторымъ кандидатомъ большинствомъ *столькихъ-то* голосовъ *такого-то* (званіе, имя, отчество и фамилія). О чемъ и составленъ сей приговоръ. Слѣдуютъ подписи: 1) избирателей, 2) избранныхъ (согласенъ принять на себя должность церковнаго старосты), 3) причта (при семъ присутствовали) и 4) благочиннаго (правильность производства выбора свидѣтельствую).

(Церк. Вѣд. № 27).

Отъ Харьковскаго Епархіального Попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія.

Епархіальное Попечительство проситъ оо. благочинныхъ Харьковской Епархіи, на основаніи журнала Епархіального Сѣзда взыскать съ псаломщиковъ епархіи по 25 к. съ cadaго въ пользу семейства умершаго псаломщика Архангело-Михайловской церкви сл. Новой Айдары Старобѣльскаго уѣзда, Андрея Михайлова Попова, умершаго 25 іюня сего 1890 года, и представить таковыя деньги въ попечительство.

— Епархіальное Попечительство проситъ оо. благочинныхъ Харьковской Епархіи взыскать съ священниковъ подвѣдомыхъ имъ церквей по 1 руб. съ cadaго, въ пользу семейства умершаго священника сл. Пристѣна, Купянскаго уѣзда, Павла Сѣкирскаго и представленіи таковыхъ денегъ въ Епархіальное Попечительство.

Отъ Правленія Харьковскаго Духовнаго училища.

Правленіе Харьковскаго Духовнаго училища честь имѣетъ довести до свѣдѣнія оо. уполномоченныхъ сѣзда духовенства Харьковскаго училищнаго обруга, имѣющаго открытъ свои засѣданія 18 сентября, что въ настоящемъ году назначены слѣдующіе предметы занятій сѣзда: 1) разсмотрѣніе смѣты прихода и расхода суммъ по содержанію Харьковскаго Духовнаго училища и училищнаго общежитія въ 1891 году; 2) разсмотрѣніе журнала ревизионнаго комитета по повѣркѣ экономическаго отчета за 1889 годъ; 3) избраніе трехъ членовъ ревизионнаго комитета для повѣрки экономической отчетности по содержанію училища и училищнаго общежитія въ 1890 году и наблюденія за производствомъ расходовъ въ 1891 году; 4) разсмотрѣніе вѣнчиковыхъ вѣдомостей за 1889 годъ и 5) другія текущія дѣла, подлежащія обсужденію сѣзда.

Епархіальныя извѣщенія.

Его Высокопреосвященство Высокопреосвященный Амвросій Архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій изъявляетъ свою архипастырскую благодарность со внесеніемъ въ послужной списокъ священникамъ Волчанскаго уѣзда

слоб. Ново-Бурлуцкой Николаю *Ястремскому* и слоб. Ново-Бѣлгорода Василю *Корнильеву* за усердіе въ борьбѣ со штундизмомъ.

— Окончившій курсъ въ Харьковской духовной семинаріи Владимиръ *Поповъ* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Введенской церкви слоб. Нижней Покровки, Волчанскаго уѣзда.

— Окончившій курсъ Рязанской духовной семинаріи Александръ *Мирожинъ* опредѣленъ священникомъ къ Петро-Павловской церкви слоб. Дружелюбовки, Купянскаго уѣзда.

— Псаломщикъ Митрофаніевской церкви слоб. Куземовки, Купянскаго уѣзда, Афанасій Ефимовъ перемѣщенъ въ сл. Должикъ Харьковскаго уѣзда къ Казанско-Богородичной церкви.

И. д. псаломщика при Иоанно-Богословской церкви села Ново-Александровки Купянскаго уѣзда, Феоктистъ *Пантелеимоновъ* утвержденъ въ этой должности.

— Сынъ псаломщика Федоръ *Ефимовъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Митрофаніевской ц. села Куземовки, Купянскаго уѣзда.

— Діаконскій сынъ Филмонъ *Черняевъ* опредѣленъ на праздное псаломщицкое мѣсто при Казанской цер. слоб. Голубовки, Старобѣльскаго у.

— Псаломщикъ Крестовоздвиженской церкви села Новаго, Валковскаго уѣзда, Василій *Логвиновъ* опредѣленъ на псаломщицкое мѣсто при Петропавловской церкви слоб. Павловки, Старобѣльскаго уѣзда.

— Утверждены въ должностяхъ *законоучителей*: Волчанскаго приходскаго училища священникъ Волчанской соборной Троицкой церкви Гавриилъ *Бѣлоусовъ*, Мало-Волчанскаго начальнаго училища священникъ Сошествіевской церкви села Малой Волчьей Викторъ *Евфимовъ* и Польнянскаго начальнаго училища діаконъ Николаевской церкви слободы Котовой Алексѣй *Вербичій*.

— Утверждены въ должн. церкви. старос. къ церкв.: къ Покровской церкви села Островерховки, Харьковскаго уѣзда крест. Аггей *Галиченко*; Успенской церкви сл. Алексѣевки, Старобѣльскаго уѣзда, крест. Николай *Когманъ* на 4-е трехлѣтіе; Дмитріевской церкви сл. Стецковки, Сумскаго уѣзда крест. Иванъ *Чугай*; Борисо-Глѣбской цер. с. Ясенка, Ахтырскаго уѣзда, крест. Іеремія *Щитка*; Пророко-Мльнянской церкви с. Уляповки, Сумскаго уѣзда, крест. Михаилъ *Середа*.

— *Вакантно* мѣсто священника при Николаевской церкви въ Верхне Харьковскомъ женскомъ монастырѣ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Пожертвованіе на церковно-приходскія школы.—Штундизмъ въ Волчанскомъ уѣздѣ и мѣры противъ него.—О задачахъ духовенства въ настоящее время.—Что теперь всего нужнѣе для народа.—Православныя школы въ Прибалтійскомъ краѣ.—Весѣда по пчеловодству.—О профессиональномъ образованіи.—Мѣры земства къ развитію производительности крестьянъ.—Новый проектъ продовольственнаго дѣла крестьянъ.—Отчетъ комитета по сооруженію православнаго храма у подножія Балканъ для вѣчнаго поминовенія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ.

Членъ Сумскаго уѣзднаго отдѣленія Училищнаго Совѣта по церковно-приходскимъ школамъ почетный потомственный гражданинъ Павелъ Иваповичъ Харитоненко принесъ въ даръ Ученному церковно-приходскимъ школамъ принадлежащій ему домъ, находящійся въ Троицкомъ приходѣ г. Сумъ, близъ Павловскаго рафинаднаго завода, спеціально приготовленный для школы и снабженный необходимымъ инвентаремъ, школьными принадлежностями и учебниками, съ тѣмъ, впрочемъ, неизбѣжнымъ условіемъ, что Училищный Совѣтъ предоставитъ право администраціи Павловскаго рафинаднаго завода обучать въ этой школѣ по установленной программѣ въ утреннія и вечернія занятія шестьдесятъ человекъ рабочихъ, за что администрація завода обязана уплачивать школѣ *восемьсотъ рублей въ годъ*. Уплата этой суммы будетъ производиться только тогда и до тѣхъ поръ, пока рабочіе Павловскаго завода будутъ пользоваться обученіемъ въ школѣ. Даръ этотъ имѣетъ тѣмъ большую цѣну, что въ Троицкомъ приходѣ города Сумъ не имѣется Церковно-приходской школы.—

— Отецъ предсѣдатель Волчанскаго уѣзднаго отдѣленія Харьковскаго Епархіальнаго Училищнаго Совѣта, Протоіерей Арсентій Павловъ, пожертвовалъ на нужды Волчанской церковно-приходской воскресной школы одновременно *шестьдесятъ руб.*, что весьма важно, такъ какъ вслѣдствіе большого наплыва учащихъ въ школѣ недоставало учебныхъ книгъ.

— Штунда старается распространять возможно шире свое ученіе. Такъ недавно появилась она въ слободѣ Ново-Бурлуцкой, Волчанскаго уѣзда. При произведенномъ по этому дѣлу дознаніи обнаружилось, что виновникомъ появленія штунды въ слободѣ Ново-Бурлуцкой оказался тотъ же неизвѣстный человекъ Полтавской губерніи, по имени Алексѣй, который не одинъ разъ появлялся въ слободѣ Ново-Бѣлгородѣ съ преступною цѣлію совращать легкомысленныхъ въ штунду, почему, какъ обнаружилось, и увлечен-

ные въ штунду крестьяне слободы Ново-Бурлуцкой находится въ тѣсной связи съ увлеченными въ слободѣ Ново-Бѣлгородѣ. Въ слободѣ Ново-Бурлуцкой пока ясно обнаружился въ принадлежности къ штундѣ одинъ только крестьянинъ Акимъ Гриценко съ семействомъ, но и этотъ вслѣдствіе предложеннаго ему при дознаніи увѣщанія, являясь съ чистосердечнымъ, повидимому, раскаяніемъ, въ чемъ и далъ отъ себя письменное заявленіе, приложенное къ дѣлу дознанія.

Въ слободѣ Ново-Бѣлгородѣ при дознаніи ясно обнаружили себя въ принадлежности къ штундѣ восемь лицъ, и всѣ они оказались самыми упорными штундистами; особеннымъ упорствомъ отличается крестьянинъ Прокопій Вороной; на всѣ предложенныя имъ при дознаніи увѣщанія отвѣчали съ полнымъ упорствомъ и увѣренностію въ правотѣ своего вѣрованія, — «мы хотимъ жить по Евангелію, вѣруемъ въ Господа Іисуса Христа, и только». Такое упорство въ сектантствѣ означенныхъ лицъ, можетъ быть, зависѣло отъ того, что упомянутый Алексѣй изъ Полтавы чаще могъ навѣщать ихъ и утверждать въ сектѣ, не рискуя быть замѣченнымъ въ слободѣ Ново-Бѣлгородѣ, какъ слоб. торговой, а также и по близости Ново-Бѣлгорода къ селу Кочетку, гдѣ по словамъ увлеченныхъ въ штунду, часто проживаетъ наставникъ ихъ Алексѣй изъ Полтавы.

Къ вышнему смущенію жителей слободы Ново-Бѣлгорода, какъ-бы въ помощь Алексѣю изъ Полтавы, въ половинѣ Великаго поста сего года, возвратился въ семейство сынъ выкреста изъ евреевъ, Алексѣй Аркадьевъ, прожившій послѣдніе три или четыре года въ г. Херсонѣ; этотъ второй Алексѣй оказался самымъ яркимъ и упорнымъ штундистомъ; тотчасъ по возвращеніи, какъ выяснилось при дознаніи, занялся почными собраніями въ своемъ домѣ и, не ограничиваясь Ново-Бѣлгородомъ, отправился на второй день Пасхи, 2 апрѣля сего года, въ слоб. Ново-Бурлуцкую продолжать дѣло штунды, начатое тамъ Алексѣемъ изъ Полтавы, гдѣ и былъ арестованъ мѣстнымъ урядникомъ на дѣлѣ пропаганды означеннаго 2 апрѣля, въ домѣ крестьянина Акима Гриценка, вмѣстѣ съ лицами поименованными въ актѣ дознанія.

Мѣстными священниками какъ слоб. Ново-Бурлуцкой Николаемъ Ястремскимъ, такъ и слободы Ново-Бѣлгорода Василіемъ Корнильевымъ, въ приходѣ котораго состоятъ всѣ восемь сектантовъ, употреблялись мѣры вразумленія какъ совратившихся, послѣдствіемъ чего было то, что означенные совратившіеся, за исключеніемъ двухъ человѣкъ: Прокопія Вороного и Алексѣя Аркадьева, испол-

няли въ семь году христіанскій долгъ исповѣди и Св. Причастія а также и мѣры предохраненія прихожанъ отъ увлеченія въ штунду: говорплсь часто поученія въ церквѣ и при требоисправленіяхъ; предлагалось слово вразумленія и предохраненія отъ соблазновъ, посягаемыхъ злонамѣренными людьми; церковныя богослуженія совершаются ими съ подобающею торжественностію при пѣніи мѣстныхъ пѣвческихъ хоровъ изъ крестьянъ-прихожанъ; частныя церковныя службы и домашнія требы также совершаются съ должнымъ вниманіемъ, вразумительнымъ и внятнымъ чтеніемъ и пѣніемъ; оба священника пользуются любовью и уваженіемъ прихожанъ за ихъ всегда кроткое пастырское къ нимъ отношеніе и безкорыстіе.

Число лицъ, зараженныхъ штундой, какъ въ слободѣ Ново-Бурлуцкой, такъ и въ слободѣ Ново-Бѣлгородѣ, при дознаніи выяснилось только вышеозначенное, но нельзя не предполагать, что есть въ приходахъ какъ той, такъ и другой слободы колеблющіеся.

Свобода, каковою пользуется, какъ видно изъ дознанія, Алексѣй изъ Полтавы, появляющійся то въ селѣ Кочеткѣ, то въ слободѣ Ново-Бѣлгородѣ и Ново-Бурлуцкой, а можетъ быть успѣвшій уже побывать и въ другихъ околныхъ селеніяхъ для выполненія своей преступной миссіи, что можетъ сдѣлаться извѣстнымъ только тогда, когда незамѣтно для другихъ брошенныя имъ на сердца простодушныхъ злыя сѣмена принесутъ уже видимый злой плодъ, —такая свобода, если не будетъ ограничена и зорко преслѣдуема подлежащими властями, принесетъ печальныя послѣдствія во всей мѣстности, избранной имъ для своей преступной, подпольной пропаганды. Не менѣе вредно пребываніе въ обществѣ слободы Ново-Бѣлгорода совращенныхъ въ штунду крестьянина Прокопія Вороного и въ особенности сына выкреста изъ евреевъ Алексѣя Аркадьева, въ высшей степени, до фанатизма, пропитаннаго штундистскими ученіями въ трехлѣтнее пребываніе его въ Херсонскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ; общество смущено ихъ пропагандой; при дознаніи пришлось слышать отъ многихъ, что возмутителей общественного спокойствія и *поругателей св. православной вѣры Прокопія Вороного и Алексѣя Аркадьева слѣдуетъ удалить изъ общества, какъ вредныхъ членовъ онаго.* —Его Высокопреосвященство предписалъ консисторія: копию съ донесенія о благочиннаго, производившаго дознаніе, препроводить Г. Начальнику губерніи при отношеніи съ просьбою принять мѣры къ удаленію означенныхъ пропагандистовъ, а священникамъ слободы Ново-

Бурлуцкой Николаю Ястремскому и слободы Ново-Вѣлгорода Василію Корнильеву изъявить благодарность за усердіе въ борьбѣ со штурдизмомъ со внесеніемъ въ послужные ихъ списки.

• — О задачахъ духовенства въ настоящее время. Одинъ воронежскій священникъ говоритъ, что духовенству нужно обратить вниманіе на образованіе народа, на его религіозно-нравственное просвѣщеніе. Этого въ настоящее время отъ духовенства требуетъ правительство, того же ждетъ отъ него и общество: образованіе народа, оглашеніе его свѣтомъ вѣры должно быть нашею первою и прямою обязанностью. Мы получили образованіе на средства народа и живемъ теперь на тѣ же средства. Мы обязаны нравственно отплатить народу за все то, что мы получали и получаемъ отъ него. Какъ извѣстно, духовенство въ послѣднее время занято устройствомъ своихъ учебныхъ заведеній. И дѣйствительно, почти вездѣ теперь устроены прекрасныя помѣщенія для семинарій, женскихъ училищъ, мужскихъ духовныхъ училищъ. Строятся, а гдѣ уже выстроены, дома для общежитія и проч. Не пора ли духовенству подумать и о сельскихъ школахъ? Вѣдь извѣстно, что всѣ учебныя заведенія духовнаго вѣдомства содержатся на церковныя суммы, не пора ли хоть часть этихъ суммъ тратить на сельскія школы, на школы самого народа, отъ котораго поступаютъ церковныя доходы? Мы не отрицаемъ, что нужно заботиться о духовно-учебныхъ заведеніяхъ, но нужно же обращать серьезное вниманіе духовенству и на сельскія школы. Сельскіе жители это тоже наши духовныя дѣти, о которыхъ мы должны заботиться, какъ мы заботимся о своихъ дѣтяхъ. Часто бываютъ сѣзды духовенства, на этихъ сѣздахъ всегда или большею частію разсужденія идутъ о дѣлахъ духовно-учебныхъ заведеній, но о дѣлахъ сельскихъ школъ и даже церковно-приходскихъ до послѣдняго времени почти не было разсужденій, или вѣрнѣе, занятій. Духовенству нужно придти на помощь земству, которое вездѣ почти открыло школы, нужно придти и на помощь епархіальному училищному совѣту, который открываетъ во многихъ мѣстахъ церковно-приходскія школы. Средствъ епархіальнаго совѣта далеко не хватаетъ на содержаніе церковно-приходскихъ школъ, школъ именно нашихъ, подлежащихъ нашему вѣдомству. Неужели духовенство не придетъ на помощь епархіальному совѣту? Мы производимъ сборы въ пользу православнаго палестинскаго общества, въ пользу алтайской, китайской и японской миссій, но часто забываемъ о своей прямой ближайшей миссиі въ дѣлѣ народнаго учительства. Правда, что

нужно просвѣщать, обращать въ нашу вѣру язычниковъ, но| необходимо же просвѣщать и нашихъ прихожанъ, которые, нужно сознаться, очень мало знаютъ, что слѣдуетъ знать всякому христіанину. Такимъ образомъ все сказанное здѣсь сводится къ тому, что духовенству въ настоящее время нужно стремиться всевозможными средствами увеличивать сборъ на церковно-приходскія школы, и вообще на школы. Средства и у насъ конечно, найдутся, если мы постараемся найти ихъ.

Прежде всего намъ самимъ слѣдуетъ изъ собственныхъ средствъ жертвовать на школы, особенно церковно-приходскія. Предположимъ, что въ нашей епархіи 950 штатовъ. Если мы соберемъ по 2 рубля съ штата изъ причтовыхъ доходовъ и тогда прибавится до 2,000 рублей годового школы дохода. Вѣдь не всѣ мы занимаемся въ школахъ: нному изъ насъ некогда, иной слабъ здоровьемъ и проч. Вотъ мы и должны жертвовать хотя малую лепту. На эту лепту будутъ напята учителя, которые за насъ будутъ заниматься и подъ нашимъ наблюдениемъ. Далѣе нужно побуждать и прихожанъ, чтобы они болѣе жертвовали на школы, для ихъ же пользы устрояемыя. Духовенству нужно бы стараться о томъ, чтобы въ каждомъ селѣ назначено было постоянное обезпеченіе на содержаніе училища такъ, чтобы ежегодно съ известной статьи получался доходъ въ пользу училища. Такъ, въ иныхъ селахъ общество можетъ дать мірскую землю, или аренду съ мельницъ, или съ ярмарокъ. Во многихъ мѣстахъ огорожены кладбища. Нельзя ли доходъ за сѣно съ нихъ назначить въ пользу училищъ и т. п. Нужно просить, чтобы общества давали землю или подлѣ самаго училища, или гдѣ-либо подъ сады или подъ пашни въ пользу школы. Напр., въ слободѣ Рѣпьевкѣ, Коротояк. уѣзда, крестьяне отрѣзали десятину земли въ пользу училища при самомъ училищѣ.

И вообще духовенству должно внушать своимъ прихожанамъ, что нужно заботиться не объ одной только церкви, но и о школѣ. Я знаю одного священника, который при всякомъ удобномъ случаѣ это внушаетъ своимъ прихожанамъ, и достигъ того, что прихожане охотно исполняютъ все, что потребуется для школы. Отъ духовенства именно требуется любовь къ школѣ, чтобы школа была нашимъ любимымъ дѣтищемъ. Если мы ее будемъ любить, то много можемъ сдѣлать для пользы школы. Не даромъ пишутъ часто, что гдѣ священникъ идетъ заодно съ учителемъ рука объ руку съ нимъ, т. е. гдѣ священникъ принимаетъ живѣйшее участіе въ дѣ-

лахъ школы, тамъ школа процвѣтаетъ, и наоборотъ. А у насъ бывають, къ сожалѣнію, иногда и несогласія между священникомъ и учителемъ,—отъ чего да хранить насъ Господь. Нѣтъ, не враждовать съ учителемъ слѣдуетъ, а напротивъ, всячески стараться облегчать тяжелое положеніе сельскихъ учителей. Мало, кажется, найдется другихъ обязанностей, которыя бы такъ были тяжелы, какъ обязанность сельскаго учителя, трудъ его можетъ понять только тотъ, кто самъ былъ на его мѣстѣ. Неужели мы своимъ недоброжелательствомъ еще болѣе усугубимъ этотъ трудъ? Все, что мы, духовенство, сдѣлаемъ для сельскаго своего учителя, все это сдѣлано будетъ для пользы народа, для пользы нашихъ прихожанъ и для насъ самихъ. Учитель, видя расположеніе къ себѣ священника, видя, что онъ помогаетъ ему, будетъ усерднѣе заниматься своимъ дѣломъ, и скорѣе достигнетъ того, что въ приходѣ нашемъ будетъ болѣе грамотныхъ и хоть нѣсколько просвѣщенныхъ прихожанъ.

Итакъ, духовенству прежде всего въ настоящее время слѣдуетъ обратить вниманіе на сельскія школы. Благодареніе Богу, у насъ въ каждомъ селѣ есть благоустроенные храмы, далѣе наши духовно-учебныя заведенія такъ же теперь почти устроены,—нужно позаботиться, чтобы въ каждомъ селѣ была благоустроенная школа. Извѣстно, что за-границею вездѣ, при въѣздѣ въ селеніе, бросается въ глаза лучшее зданіе—это школа. У насъ же, часто, проѣзжая село, не увидишь, гдѣ находится школа, если она есть; а есть и такія села, что и вовсе нѣтъ школы.

Изъ жизни святыхъ великихъ іерарховъ Василія Великаго и Григорія Богослова извѣстно, что они знали только двѣ дороги, два пути—одинъ въ храмъ Божій, а другой путь въ школу, когда они жили въ Аѳонахъ. Храмы Божіи и школы—это именно два пути, которые ведутъ человѣка къ совершенству. Богослуженіе наше, отправляемое въ храмахъ Божіихъ, будетъ болѣе понятно, если оно будетъ объяснено въ школѣ. Религіозное просвѣщеніе, какъ сознано теперь, должно быть положено въ основу народнаго образованія. Если такъ, то нужно же стремиться къ тому, чтобы были вездѣ благоустроенныя школы, воспитывающія дѣтей въ духѣ нашей православной церкви.

Считаемъ теперь излишнимъ говорить, что не противно ученію нашей церкви употреблять суммы церковныя на школы. Въ § 38 инструкціи церковнымъ старостамъ Высочайше утвержденной 12 іюня сего 1890 г. Св. Синодомъ прямо разрѣшено часть свобод-

ныхъ церковныхъ суммъ употреблять на воспособленіе церковно-приходскимъ школамъ. Отраднo также слышать, что теперь нѣкоторыя уѣздныя отдѣленія училищнаго епархіальнаго совѣта назначили съѣзды наблюдателей, учителей и членовъ своихъ для изысканія средствъ на церковно-приходскія школы. Объ этомъ бы дѣлѣ нужно подумать и на нашихъ благочинническихъ и епархіальныхъ съѣздахъ. Общими усиліями дѣло можно скорѣе подвинуть.

Желательно было бы, чтобы мы—духовенство, путемъ печати и особенно въ епархіальныхъ вѣдомостяхъ, подѣлились другъ съ другомъ своими мыслями касательно такого важнаго дѣла, какъ дѣло народнаго образованія. Извѣстно, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ наши сельскія школы очень хорошо поставлены. Не слѣдуетъ ли завѣдующимъ такими школами подѣлиться съ читателями епархіальныхъ вѣдомостей, т. е. съ своими собратьями, какъ они достигли такихъ хорошихъ результатовъ? А въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣтились разные камни преткновенія въ дѣлахъ школь, и объ этомъ не худо бы сообщить къ свѣдѣнію всего духовенства. Можетъ быть общими усиліями удалось бы преодолѣть всѣ эти препятствія, въ дѣлѣ народнаго образованія. Чѣмъ болѣе будетъ высказано въ печати мнѣній, тѣмъ будетъ лучше для самого дѣла.

— Что нужнѣе всего для народа? Вотъ вопросъ, которымъ не мало занимается теперь и свѣтская и духовная печать. Но рѣшеніе этого вопроса въ той и другой совѣтѣ не одинаковы. Въ то время какъ духовенство и духовная печать стараются доказать, что для народа болѣе всего необходимы теперь школы, библіотеки и книги, что только путемъ религіозно-нравственнаго и умственнаго развитія и просвѣтленія наниъ простой народъ и можетъ избавиться отъ разныхъ присущихъ ему теперь нравственныхъ и матеріальныхъ недуговъ,—нѣкоторая часть свѣтской печати, говоря объ этихъ недугахъ, отрицаетъ эти средства и старается доказать неправильность взгляда духовной печати. Для образца приводимъ взглядъ на вышесказанный предметъ одного священника, встрѣченный нами на страницахъ «Ворон. Еп. Вѣд». «Если бы кто-либо спросилъ у меня, что всего нужнѣе въ настоящее время для народа, я смѣло могъ бы сказать, что для народа нужнѣе всего теперь книга и книга хорошая. Много лѣтъ я живу среди простаго народа и пришлось убѣдиться, что большая часть бѣдствій народныхъ происходитъ отъ невѣжества. Изъ множества примѣровъ въ подтвержденіе этой своей послѣдней мысли укажу на нѣ-

которые. Въ селѣ, гдѣ я живу, свирѣпствовалъ дифтеритъ, дѣти умирали въ большомъ количествѣ. Въ одномъ домѣ тоже болѣли дѣти, но всѣ остались живы. Меня это заинтересовало. Когда я началъ спрашивать у хозяина дома, нужно сказать, человѣка грамотнаго и разумнаго, солдата, бывшаго даже учителемъ въ военной школѣ, тотъ мнѣ сообщилъ, что онъ строго-на-строго запретилъ бабамъ выносить и выпускать дѣтей больныхъ на дворъ, велѣлъ повѣть ихъ теплымъ чаемъ или же пригрѣтою водою и т. п. и дѣти, слава Богу, остались живы всѣ. Нужно сказать, что въ семьѣ этой почти всѣ мужчины грамотные, читаютъ книги, а въ нынѣшнемъ году даже выписываютъ «Сельскій Вѣстникъ». Далѣе я замѣтилъ, что въ селѣ, гдѣ я живу, есть нѣсколько отъявленныхъ пьяницъ, которые почти всегда пребываютъ при винныхъ лавкахъ и въ трактирѣ и ни одинъ изъ нихъ не знаетъ грамоты. Я не говорю, что грамотные крестьяне не пьютъ водки, я говорю только, что изъ грамотныхъ нѣтъ отъявленныхъ пьяницъ. Еще замѣтно, что солдаты живутъ почти всегда лучше, потому что они грамотные люди. Когда приходитъ праздникъ, неграмотные больше идутъ въ трактиръ, а грамотные читаютъ книжки. Одинъ солдатъ рассказалъ мнѣ слѣдующее: «когда я вышелъ изъ службы, то я нашелъ, что отецъ мой часто запивалъ, — какъ придетъ праздникъ, онъ идетъ въ шинокъ. Я смотрѣлъ, смотрѣлъ и говорю отцу, человѣку неграмотному: это дѣло не хорошо, не ходи въ шинокъ, я тебѣ почитаю книжку. Старикъ сперва не слушалъ, а потомъ сталъ слушать мое чтеніе и пересталъ пить». Много я знаю примѣровъ, что родители прежде часто предавались пьянству, а теперь рѣже, потому что у нихъ дѣти ходили въ школу, стали грамотными и стали читать книжки. Сильно поразилъ меня рассказъ «Отступникъ», помѣщенный въ «Русскомъ Богатствѣ» за 1883 годъ. Содержаніе этого рассказа слѣдующее: былъ одинъ мужикъ, горькій пьяница. Онъ пропилъ почти все. Пришлось ему быть въ городѣ на судѣ въ качествѣ свидѣтеля. Когда кончился судъ, мужику выданы были деньги, которыя полагаются свидѣтелямъ. Онъ хотѣлъ было купить кое-что для дома, но вмѣсто того деньги пропилъ, оставилъ только на билетъ на проѣздъ по желѣзной дорогѣ. Когда онъ ѣхалъ въ вагонѣ, тутъ книгоноша разложилъ книги для продажи. Мужикъ подошелъ и сталъ смотрѣть на книги. Его спросили: не желаетъ ли и онъ купить книгу? Тотъ отвѣчалъ, что онъ не прочь бы купить, да денегъ нѣтъ. Книгоноша подарилъ ему евангеліе. Мужикъ сѣлъ и началъ читать по

складамъ, онъ немного былъ грамотенъ. Прибывши домой, онъ такъ увлекся чтеніемъ, что почти все свободное время проводилъ въ чтеніи. Къ нему стали приходять его пріятели собутыльники и тинули его въ кабакъ, но онъ вмѣсто того, чтобы итти въ шинокъ, какъ было прежде, началъ и имъ читать евангеліе и тѣ стали рѣже ходить въ шинокъ. Шинкаръ, узнавши такія дѣла, приходитъ къ священнику и требуетъ у него написать куда слѣдуетъ, что въ селѣ явился отступникъ, который совращаетъ другихъ. «Если вы, говорилъ кабатчикъ, не донесете, то я донесу и вамъ будетъ плохо». Я привелъ здѣсь этотъ рассказъ къ тому, чтобы показать, какъ много значитъ въ жизни народа книга и еще болѣе такая книга, какъ евангеліе.

По прочтеніи этого разсказа нсвольно является мысль, почему евангеліе подарилъ этому крестьянину книгоноша, а не священникъ, особенно приходскій? Если священникъ не могъ подарить, то онъ могъ бы предложить мужику купить евангеліе и мужикъ купилъ бы. Все сказанное здѣсь сводится къ тому, что нужно распространять книги для чтенія въ народѣ, особенно евангеліе, и нужно заняться этимъ дѣломъ прежде всего духовенству. Обязательно нужно устроить склады для продажи книгъ при каждой церкви. Вѣдь было предписано, чтобы при церквахъ имѣлись для продажи 60-тикопѣчные марки, отчего же бы не обязать ктиторовъ и священниковъ имѣть религіозныя и вообще полезныя книги при церквахъ для продажи? Вѣдь на это не потребуется много денегъ. Если употреблено будетъ на первый разъ каждою церковію по 10 рублей, и то довольно. Вѣдь деньги эти возвратятся.

Недавно я при своей церкви завелъ продажу книгъ. Когда я купилъ книгъ, именно житій свитыхъ и молитвенниковъ, первыя по 1½ коп., а вторыя по 8 коп., и велѣлъ ктитору продавать вмѣстѣ съ свѣчами, но прихожанамъ пока ничего не говорилъ, что нужно пріобрѣтать эти книги; тогда прихожане мало покупали. Тогда я однажды съ церковной касседры сказалъ, какъ полезно читать книги, особенно религіозныя, духовныя; прихожане стали покупать книги больше. А въ другой разъ я разсказалъ случай съ мужикомъ, описанный выше, и торговля книгами пошла бойчѣе. Здѣсь нужно сказать, что у насъ ктиторъ грамотный самъ и у него дѣти ходили въ школу. Послѣднія слова я говорю къ тому, что лучше всего выбирать ктиторами людей грамотныхъ. Продавши купленные мною книги, ктиторъ заявилъ самъ, что нужно купить еще книгъ для продажи, что и было сдѣлано. Если я опи-

сываю здѣсь свои дѣйствія, то вовсе не для того чтобы хвалиться ими, собственно говоря, и хватиться нечѣмъ, скорѣе всего я жалѣю, что не занялся прежде продажею книгъ, и если нишу, то больше для того, чтобы подѣлиться мыслями съ собратами - священниками, побесѣдовать: такова и цѣль «Епархіальныхъ Вѣдомостей», куда предназначаются эти строки. Какъ хорошо было бы, если бы каждый священникъ, не обинуясь и не мудрствуя лукаво, описывалъ свои пастырскія дѣла. Я очень былъ бы радъ, если бы люди болѣе разумные и опытные помогли мнѣ въ дѣлѣ распространенія книгъ въ народѣ. (Церк. Вѣстн.).

— Въ идущей теперь въ прибалтійскомъ краѣ работѣ по укрѣпленію русскихъ началъ въ краѣ значительное и полезное участіе принимаетъ православное духовенство. Оно основало въ разныхъ мѣстахъ края православныя школы, въ которыхъ обучаетъ въ настоящее время уже около 17 тысячъ дѣтей, въ томъ числѣ едва ли не свыше 15 тысячъ дѣтей туземцевъ не рускаго происхожденія. Такимъ образомъ эта масса малолѣтнихъ уже съ самыхъ юныхъ лѣтъ вращается въ чисто русской, православной средѣ, слышитъ русскій говоръ и сближается съ нашею церковностью.

Въ прошломъ году обучалось въ православныхъ школахъ:

	Мальч.	Дѣвоч.	Всего.
Въ Лифляндской губ.	8.547	4.389	12.936
„ Курляндской „	1.279	400	1.679
„ Эстляндской „	1.501	677	2.178
	<u>11.327</u>	<u>5.466</u>	<u>16.793</u>

Въ вѣроисповѣдномъ отношеніи учащіеся распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Право- славн.	Люте- ранъ.	Католи- ковъ.	Евре- евъ.
Въ Лифляндской губ.	10.210	2.674	—	—
„ Курляндской „	813	682	88	29
„ Эстляндской „	1.477	700	1	—

Кромѣ того, эти же православныя школы посѣщали свыше 100 раскольниковъ и нѣсколько баптистовъ.

Въ вышеприведенныхъ данныхъ далеко не заключается все число дѣтей, которыя должны были по своему возрасту обучаться въ школахъ. Причиной этому служить частью бѣдность родителей, которые не въ состояніи одѣть и отправить своихъ дѣтей въ школу, частью то, что многія православныя дѣти, находясь въ услуженіи у лютеранъ, не отпускаются этими послѣдними въ школу.

Какъ извѣстно, для лютеранскихъ школъ въ Прибалтійскомъ краѣ существуетъ правило, обязывающее родителей подѣ страхомъ штрафа отправлять дѣтей въ школу; существующія же для православныхъ народныхъ школъ правила не даютъ права требовать обязательнаго представленія дѣтей въ школу, вслѣдствіе чего въ настоящее время возбужденъ уже вопросъ объ установленіи обязательности и для православныхъ школъ.

Преподаваніе ведется членами причтовъ, которымъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ помогаютъ учителя окончившіе курсъ учительскихъ семинарій. Жалованье получаютъ здѣсь псаломщики-учителя отъ правительства по 250—350 руб. въ годъ. Пять учителей получаютъ жалованье отъ Прибалтійскаго Православнаго Братства отъ 100 до 420 рублей въ годъ; 29 учителей вмѣсто жалованья пользуются школьными земельными участками; одинъ учитель пользуется жалованьемъ отъ владѣльца имѣнія Фаль въ Эстляндской губерніи, князя П. Волконскаго, который и школу содержитъ на свой счетъ; четыре учителя обучаютъ безвозмездно. Жалованье получаемое учителями вспомогательныхъ школъ отъ обществъ, за немногими исключеніями въ латышской части Лифляндской губерніи, большею частію очень скудно, такъ что учителя вынуждены на лѣтнее время удаляться отъ школъ и добываютъ себѣ пропитаніе частію даже полевыми работами.

Всѣ православныя школы Прибалтійскаго края состоятъ въ вѣдѣніи особаго находящагося въ Ригѣ училищнаго совѣта подѣ предсѣдательствомъ преосвященнаго епископа Рижскаго и Митавскаго Арсенія и при ближайшемъ участіи попечителя учебнаго округа М. Н. Капустина ¹⁾; на мѣстахъ же въ каждомъ приходѣ существуютъ «училищныя попечительства», на обязанности которыхъ лежатъ ближайшее наблюденіе за школами въ приходѣ и завѣдываніе ихъ хозяйственною частію; попечительства эти состоятъ изъ священника и старшаго псаломщика и изъ трехъ прихожанъ, избираемыхъ на 5 лѣтъ. Между всѣми училищными попечительствами края особенно выдѣляется Ревельское, содержащее три приходскія школы и сиротскій пріютъ; попечительство это владѣетъ капиталомъ въ 22,000 рублей, подареннымъ ему гр. Орловымъ-Давыдовымъ, и имѣетъ собственный домъ.

Что же касается сельскихъ попечительствъ, то нужно сказать,

¹⁾ Въ настоящее время М. Н. Капустинъ назначенъ попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа.

что въ нѣкоторыхъ приходяхъ члены ихъ, крестьяне, ревностно заботятся какъ о привлеченіи дѣтей въ школу, такъ и объ извлеченіи средствъ къ лучшему содержанію школъ, въ другихъ же приходяхъ члены крестьяне мало принимаютъ участія въ дѣлахъ школы. Это зависитъ отъ того, что православные крестьяне въ большинствѣ бѣдняки и что волостныя правленія, состоящія большею частью изъ лютеранъ, равнодушно относятся къ дѣламъ православныхъ школъ. Тѣмъ не менѣе, съ каждымъ годомъ православныя школы все-таки улучшаются и крѣпнютъ. Каждая такая школа въ краѣ есть русская твердыня; онѣ не только ограждаютъ православныхъ дѣтей отъ неблагопріятныхъ вѣяній иновѣрческой среды, но и помогаютъ дѣтямъ иновѣрцевъ, обучающимся въ этихъ школахъ, усвоивать себѣ русскія воззрѣнія и приучаютъ ихъ безъ вражды относиться къ православію и православнымъ. (Моск. Вѣд.)

— 12 августа, въ 2 часа дня, на выставкѣ пчеловодства Императорскаго Общества акклиматизаціи животныхъ и растений, на пасѣбѣ, въ Измайловскомъ звѣринницѣ, происходила послѣдняя бесѣда по пчеловодству, въ предсѣдательствѣ протоіерея отца П. И. Кроткова, предсѣдающаго въ отдѣленіи Пчеловодства Общества акклиматизаціи. Бесѣда была посвящена вопросу о преподаваніи пчеловодства въ сельскихъ народныхъ школахъ. По этому вопросу сдѣланъ былъ докладъ Г. А. Кожевниковымъ. Отмѣтивъ тотъ фактъ, что въ настоящее время вопросъ о приданіи сельскимъ начальнымъ школамъ характера сельскохозяйственныхъ элементарныхъ школъ мѣстами уже осуществляется и упомянувъ о прежнихъ докладахъ-проектахъ по этому же вопросу секретаря Полтавскаго общества сельскаго хозяйства представленнаго особой правительственной комиссіи и профессора Исакова на послѣднемъ Кіевскомъ сельскохозяйственномъ съѣздѣ, Г. А. Кожевниковъ сообщилъ, что министерство государственныхъ имуществъ учреждаетъ, какъ передаютъ, три сельскохозяйственныя школы въ Бессарабіи и такія же школы устраиваютъ Полтавское общество сельскаго хозяйства и Цѣжинское уѣздное земство; починъ тому же дѣлу кладутъ многія уѣздныя земства, и въ томъ числѣ нѣкоторыхъ уѣздовъ Московской губерніи, разбивкой при сельскихъ школахъ огородовъ, плодовыхъ садовъ и питомниковъ на отводимой для этого крестьянамъ землѣ. Полезно было бы и крайне желательно, по мнѣнію докладчика, чтобы при каждой, если возможно сельской школѣ, и особенно при тѣхъ, при которыхъ разбиваются сады, были устроены и маленькіе пчельники. Постепенно въ сель-

скихъ школахъ могло бы привѣтсѣ обученіе учащихъ дѣтей сельскаго населенія пчеловодству. Далѣе Г. А. Кожевниковъ остановился на недавно изданной брошюрѣ сельскаго учителя, Каневскаго уѣзда, Кіевской губерніи, В. Шимановскаго *Пастыка при народной школѣ*, въ коей доказывается, что пасѣка при школѣ съ одной стороны дастъ дополнительный заработокъ учителю и въ то же время подготовитъ практически чрезъ нѣкоторое время изъ школьниковъ молодыхъ пчеловодовъ; помимо практическихъ работъ на самой пасѣкѣ г. Шимановскій находитъ полезнымъ, если сельскіе учителя организуютъ зимніе внѣклассные уроки пчеловодства для тѣхъ изъ учениковъ, которые этимъ заинтересуются, и даетъ даже довольно подробный планъ преподаванія пчеловодства въ сельской школѣ.

Участники бесѣды, среди которыхъ были командированные на выставку сельскіе учителя и священники-пчеловоды, преподающіе также въ сельскихъ и церковно-приходскихъ школахъ, нашли мысль о преподаваніи пчеловодства и планъ даваемый для этого г. Шимановскимъ заслуживающими полнаго сочувствія, очень пригодными и практичными. Высказывалось, между прочимъ, желаніе, чтобы преподаваніе пчеловодства въ младшихъ классахъ сельской школы было теоретическое, а въ старшихъ и практическое.

Выставку посѣтили извѣстный пчеловодъ и бывшій предсѣдатель пчеловодной комиссіи при вольно-экономическомъ обществѣ тайный совѣтникъ А. Ѡ. Зубаревъ и попечитель Бурашевской, близъ Твери, школы пчеловодства, садоводства и огородничества А. С. Юрловъ, и въ этотъ день была устроена, внѣ программы, по желанію присутствовавшихъ пчеловодовъ, бесѣда, посвященная вопросу о зимовкѣ пчелъ, на которую собралось до 40 человекъ. Бесѣда длилась долго, касалась вопроса о зимовкѣ весьма подробно, съ различными детальными указаніями, и будетъ изложена обстоятельно въ издающемся при выставкѣ пчеловодства Ѡ. С. Мочалкинымъ «Дневникѣ Выставки», гдѣ изложены довольно подробно и всѣ предшествующія пчеловодныя бесѣды при настоящей выставкѣ.

— Такъ называемое профессиональное образованіе начинаетъ расти и крѣпнуть, встрѣчая сильную и общую поддержку. Во главѣ этого дѣла стоитъ правительство; но, какъ справедливо замѣчено въ одномъ московскомъ журналѣ («Дѣтская Помощь»), не остаются безучастны къ этому дѣлу также города, земства, общества и частныя лица. По словамъ этого журнала, въ Тамбовѣ, въ прошлую оче-

редную сессію, губернское земское собраніе высказалось за устройство въ 8 уѣздахъ промышленныхъ училищъ ремесленного и сельскохозяйственнаго типовъ. Саратовское губернское земство положило устроить сѣтъ низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ по типу школъ министерства государственныхъ имуществъ; разработкой этого вопроса занялась спеціальная коммиссія изъ губернскихъ гласныхъ, которой земское собраніе поручило разработать и общій вопросъ объ активномъ участіи губернскаго земства въ правильной постановкѣ въ губерніи вообще низшаго народнаго образованія, при чемъ прямо имѣется въ виду образованіе путемъ премій въ составѣ учащихъ способныхъ руководителей земледѣльческимъ и профессиональнымъ образованіемъ, и способствовать путемъ субсидій устройству опытныхъ питомниковъ, садовъ, огородовъ, пасѣкъ и т. п. Многія городскія думы готовятъ открытіе промышленныхъ училищъ по нормальнымъ уставамъ — въ Москвѣ средняго технического, въ Одессѣ городского ремесла, въ Керчи технического. Интересъ къ профессиональному образованію выразился далѣе въ устройствѣ и распространеніи низшихъ сельско-хозяйственныхъ школъ, въ ассигновкахъ на преподаваніе сельскаго хозяйства въ церковно-приходскихъ школахъ и въ открытіи практическихъ мастерскихъ для взрослыхъ работниковъ съ цѣлью научить ихъ лучшимъ приемамъ работы. Практическое обученіе стало распространяться въ послѣднее время въ разныхъ вѣдомствахъ и особенно въ земствѣ. При московскомъ губернскомъ земствѣ въ прошломъ году открытъ экономическій отдѣлъ и особое бюро для содѣйствія сельскому хозяйству и кустарной промышленности сельскаго населенія московской губерніи. Мелкіе ремесленники, не зная лучшихъ образцовъ своего производства, не вводятъ никакихъ улучшеній; экономическое бюро имѣетъ въ виду приглашать мастеровъ-учителей, которые каждому кустарю будутъ практически показывать образцы, формы, способы и приемы лучшаго производства.

— По словамъ «Рус. Вѣд.» Московское губернское земство принимаетъ цѣлый рядъ мѣръ, для развитія производительности сельскаго хозяйства крестьянъ Московской губерніи. Губернской управой въ послѣднее время рассылаются многимъ сельскимъ хозяевамъ приглашенія съ просьбою дать указанія, какія мѣры принимались въ той или другой мѣстности для подъема крестьянскаго хозяйства, каково было вліяніе этихъ мѣръ на экономическое положеніе мѣстныхъ крестьянъ и что именно могутъ сдѣлать въ этомъ направленіи земскія учрежденія. Вмѣстѣ съ тѣмъ приглашенный

управой агрономъ, посредствомъ личныхъ разъѣздовъ по губерніи, занимается изученіемъ того, что до сихъ поръ сдѣлано въ различныхъ уѣздахъ для поднятія производительности крестьянскаго сельскаго хозяйства.

Одновременно съ этимъ Московской губернской земской управой устроены были въ Клину, Рузѣ и Звѣнигородѣ совѣщательныя собранія для поднятія мѣстныхъ кустарныхъ промысловъ. Предполагается избрать особыхъ попечителей въ волостяхъ, которые должны быть посредниками между Московскимъ музеемъ, гдѣ продаются изданія кустарей, и сими послѣдними и ученыхъ мастеровъ по главнымъ кустарнымъ промысламъ, которые будутъ разъѣзжать по деревнямъ, гдѣ существуетъ кустарное производство, помогать кустарямъ въ пріисканіи выгодной работы и заказовъ, давать имъ всѣ нужныя указанія, какъ улучшить свои издѣлія и гдѣ найти подешевле матеріалъ. Музеемъ отпускаются кустарямъ машинки, штампы, образцы и рисунки новаго товара по самымъ дешевымъ цѣнамъ, или же выдаются въ счетъ платы за доставленный для продажи товаръ. За одобренный техникомъ товаръ музеемъ выдается половина платы тотчасъ по доставкѣ товара, а остальное—по распродажѣ его; за товаръ же, доставленный по заказу музея или его техниковъ, уплачиваются немедленно всѣ деньги сполна. Число заказовъ музею отъ разныхъ учреждений все болѣе и болѣе увеличивается. Въ настоящее время, между прочимъ, исполненъ чрезъ посредство музея для Курской желѣзной дороги заказъ граблей для уравнианія щебня, ватерпасовъ и малярныхъ кистей.

— Въ газетахъ былъ сообщенъ слухъ, что по новому проекту организациі продовольственнаго дѣла предполагается, между прочимъ, учрежденіе центральныхъ волостныхъ хлѣбныхъ магазиновъ и лишь въ видѣ исключенія для большихъ селеній устройство магазина на одно селеніе. Основаніемъ къ такой организациі можетъ служить повидимому то соображеніе, что надзоръ за правильной засышкой хлѣба въ волостные магазины легче, нежели въ противоположномъ случаѣ, при сотняхъ магазиновъ на уѣздъ; другое соображеніе, можетъ быть, заключается въ томъ, что при новомъ порядкѣ достигнута будетъ экономія по устройству и содержанію магазиновъ, по управленію ими и т. п.

По поводу этого слуха «Рус. Вѣд.» получили письмо, авторъ котораго поминаетъ, что «какъ только уничтожена была обязательность существованія центральныхъ магазиновъ, крестьяне повсемѣстно перешли тотчасъ же къ иной системѣ, а именно завели

магазины почти по каждому селенію; даже тамъ, гдѣ въ виду сбереженія расходовъ два-три селенія совмѣстно устроили одинъ магазинъ, они съ теченіемъ времени раздѣлились по-деревенно. Самое существованіе такого факта, рѣзко выраженного, говоритъ за то, что существуютъ какія-то общія и могучія причины, вызывающія такое дробленіе магазиновъ по деревнямъ. Обращаясь далѣе къ выясненію причинъ, заставляющихъ населеніе предпочитать сельскіе магазины, приходится констатировать слѣдующее: 1) существованіе магазина въ другомъ селеніи, даже не особенно отдаленномъ, создаетъ значительныя неудобства для засыпки и полученія хлѣба, такъ какъ ведетъ къ большой потерѣ времени не только на проѣздъ, но и на ожиданіе, пока хлѣбъ будетъ принятъ или выданъ; въ результатъ на это приходится тратить часто не одинъ день; 2) если при существованіи магазина въ одномъ селеніи возникаютъ часто недоразумѣнія изъ-за различія засыпаемаго разными домохозяевами хлѣба, то это неудобство возрастаетъ при соединеніи въ одномъ магазинѣ хлѣба изъ разныхъ селеній и въ особенности теперь, когда болѣе чѣмъ ирежде въ крестьянскихъ поляхъ господствуетъ разносортность сѣмянъ; 3) если ирежде, когда преобладали овинная сушка хлѣба, послѣдній слезивался въ волостныхъ магазинахъ и получался оттуда на половину, а иногда и совсѣмъ негодный въ пищу, то вѣроятность такого результата отъ охраненія хлѣба въ волостномъ магазинѣ возрастаетъ теперь, при преобладаніи сырмомота, въ нѣсколько разъ; 4) обычныя въ ирежнее время и притомъ громадныя растраты хлѣба, несмотря на возможное улучшеніе въ управленіи, скорѣе возможны при системѣ волостныхъ магазиновъ, чѣмъ при сельскихъ, куда магазинный смотритель одинъ не пойдетъ; кромѣ всего этого, существованіе мелкихъ подеревенныхъ магазиновъ даетъ возможность лицамъ, не имѣющимъ собственныхъ амбаровъ, беречь въ нихъ свой хлѣбъ, что при волостныхъ магазинахъ недоступимо.

«Всѣ отмѣченныя неудобства волостныхъ магазиновъ, говоритъ авторъ письма, существовали на практикѣ и могутъ быть подтверждены массою фактовъ. Что же касается предполагаемыхъ удобствъ, то, во-первыхъ, приходится замѣтить, что значительнаго удешевленія по постройкѣ магазиновъ при этой системѣ врядъ ли возможно достигнуть, такъ какъ придется строить нѣсколько амбаровъ при каждой волости, въ видахъ именно того, чтобы хлѣбъ не сдыхался въ большой массѣ. Самое управленіе, сторожа и т. п. обходится при поселенныхъ магазинахъ очень дешево, такъ какъ до-

волью часто производится безвозмездно, при чемъ правильнымъ исполненіемъ этой должности нерѣдко дорожаютъ, ибо это избавляетъ отъ другихъ болѣе сложныхъ и хлопотливыхъ общественныхъ должностей; что же касается лучшаго надзора и контроля, то и онъ не такъ затруднителенъ при поселенныхъ магазинахъ, какъ это можетъ представляться съ перваго взгляда. Конечно, немислимо ежегодно посѣтить всѣ магазины по уѣзду, т. е. 300—600; но дѣло въ томъ, что необходимости въ этомъ нѣтъ. Вся суть въ томъ, чтобы населеніе было увѣрено, что контроль дѣйствительно существуетъ, и тогда засыпка будетъ производиться исправно, если тому не препятствуютъ серьезныя экономическія причины. Увѣренность же эта будетъ существовать, коль скоро магазины будутъ дѣйствительно осматриваться каждый годъ, хотя въ десятой части ихъ (что вполне возможно) и при томъ такъ, что заранѣе не будетъ извѣстно, какіе магазины и когда будутъ осматриваться въ этомъ году». («День»).

О Т Ч Е Т Ъ

комитета по сооруженію Православнаго Храма у подножія Балнана, въ Южной Болгаріи, для вѣчнаго поименованія воиновъ, павшихъ въ войну 1877—1878 годовъ.

По 31-е декабря 1889 года. Къ 1-му января 1889 года въ капиталахъ комитета состояло: а) процентныхъ бумагъ, по нарицательной ихъ стоимости 434,225 р., б) наличныхъ денегъ на сумму 11,648 р. 36 к. итого 445,873 р. 36 к., къ нимъ поступило, съ 1-го января по 31-е декабря 1889 года 50,898 р. 74 к., а всего, съ остаткомъ отъ декабря 1888 года, къ 1-му января 1890 года въ приходѣ 496,772 р. 10 к., съ 1-го января по 31-е декабря израсходовано наличными деньгами 27,169 р. 58 к., затѣмъ къ 1-му января 1890 года въ остаткѣ: а) процентными бумагами по нарицательной ихъ цѣнѣ 456,725 р., б) наличными деньгами, хранящимися на особомъ счетѣ въ Государственномъ Банкѣ 12,877 руб. 52 коп., итого въ наличности 469,602 руб. 52 коп., балансъ 496,772 руб. 10 коп.

Изъ общей суммы капиталовъ комитета 469,602 р. 52 к.—135,550 р. процентными бумагами (въ томъ числѣ 128,200 р. 5⁰/₁₀₀ облигаціями 3-го восточнаго займа, 3,250 р. свидѣтельствами на 6⁰/₁₀₀ золотую ренту и 4,100 р. 5⁰/₁₀₀ банксовыми билетами 2-го выпуска) и 3,284 р. 81¹/₂ к. кредитными деньгами составляютъ неприкосно-

венный запасный капиталъ на обезпеченіе содержанія причта и будущаго ремонта сооружаемой церкви, а 1,400 р. процентными бумагами (въ томъ числѣ 5—5⁰/₀ облигацій С.-Петербургскаго городского общества на 900 р., 1—5⁰/₀ облигація 1-го восточнаго займа въ 100 р., 3—5⁰/₀ облигаціи 3-го восточнаго займа на 300 р. и 1—5⁰/₀ банковый билетъ 2-го выпуска въ 100 р.) и наличными деньгами 77 р. 35 к. имѣють данное жертвователями специальное назначеніе.

Съ открытія комитета по 31 декабря 1889 г. поступило: пожертвованій 433,787 р. ¹/₂к., въ томъ числѣ: наличными деньгами 433,137 р. ¹/₂ к., и процентными бумагами 650 р., процентовъ съ этихъ денегъ, какъ по процентнымъ бумагамъ, въ которыя онѣ были обращены, такъ и по наличнымъ суммамъ, находившимся на текущемъ счетѣ 210,013 р. 31 к., прибыли, полученной отъ продажи и покупки процентныхъ бумагъ, а равно отъ выхода въ тиражъ нѣкоторыхъ бумагъ 20 р. 91 к., всего поступленій на 643,821 р. 22¹/₂ к. Изъ этой суммы израсходовано по 31 декабря 1889 года на работы по постройкамъ и сооруженіямъ, на заготовку строительныхъ матеріаловъ и принадлежностей, на содержаніе строительнаго персонала, на командировки и разъѣзды, на изготовленіе смѣтъ, плановъ и чертежей, на канцелярію комитета и дѣлопроизводство, на охрану имущества комитета по приостановкѣ работъ по постройкѣ и пр., всего 123,711 р. 9 к., остальные затѣмъ 520,110 р. 13¹/₂ к. помѣщены въ процентныя бумаги, составляющія къ 1 января 1890 г., какъ выше изложено, нарицательную стоимость 456,725 р., и заключаются въ наличныхъ деньгахъ въ суммѣ 12,877 р. 52 к.

Поступившія пожертвованія распредѣляются по источникамъ поступленія слѣдующимъ образомъ: Всемплотивѣйше пожаловано въ Божѣ почившимъ Государемъ Императоромъ Александромъ Николаевичемъ 1,000 р., пожертвовано его свѣтлостью княземъ Александромъ Баттенбергскимъ 400 р., пожертвовано начальниками, офицерами, нижними чинами и вообще служащими отдѣльныхъ воинскихъ частей, сухопутныхъ и морскихъ 30,037 р. 98 к., поступило отъ духовнаго вѣдомства пожертвованныхъ и собранныхъ епархіальными архіереями, монастырями, благочинными, приходскими священниками, причетниками и консисторскими чиновниками 166,729 р. 23¹/₂ к., въ томъ числѣ пожертвованныхъ Афонскими монастырями 8,112 р., пожертвовано начальниками, преподавателями и учащимися учебныхъ заведеній, мужскихъ и женскихъ, разныхъ исповѣданій и вѣдомствъ 5,918 р. 38 к., пожерт-

вовано служащими въ разныхъ правительственныхъ учрежденіяхъ гражданскаго вѣдомства 20,929 р., поступило отъ дворянства какъ коллективно, такъ и собранныхъ по подписнымъ листамъ и пожертвованныхъ предводителями дворянства 7,634 р. 98 к., пожертвовано городскими думами, а также пожертвовано и собрано по подпискѣ городскими головами, членами городскихъ управъ и служащими въ нихъ 55,300 р. 32 к., въ томъ числѣ пожертвовано Московскою городскою думою, въ память двадцатипятилѣтія царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича 50,000 р., собрано и пожертвовано членами земскихъ управъ и мировыхъ учрежденій и служащими въ нихъ 7,189 р. 70¹/₂ к., собрано и пожертвовано начальниками губерній и полицейскими чинами 78,560 р. 10 к., отъ мѣстныхъ комитетовъ и управленій Россійскаго общества краснаго креста 4,463 р. 83 к., отъ русскихъ посольствъ, миссій и консульствъ за границею 6,559 р. 5¹/₂ к., отъ ярмарочныхъ комитетовъ 991 р. 91 к., отъ частныхъ банковъ, обществъ и учрежденій 2,222 р. 40 к., отъ желѣзнодорожныхъ и пароходныхъ обществъ и управленій и отъ страховыхъ обществъ 16,813 р. 62 к., отъ держателей фабрикъ и заводовъ 8,580 р. 2 к., отъ купцовъ и торговыхъ обществъ и компаній 5,763 р. 7 к., отъ мѣщанъ, и ремесленниковъ и рабочихъ артелей 974 р. 22 к., непосредственно отъ крестьянъ 7,509 р. 25 к., отъ клубовъ и общественныхъ собраній 430 р. 50 к., отъ разныхъ лицъ чрезъ редакція газетъ и отдѣльно 4,596 р. 46 к., отъ держателей гостинницъ и трактирныхъ заведеній 720 р. 47 к., отъ биржевыхъ маклеровъ и нотариусовъ 462 р. 50 к., итого 433,787 р. ¹/₂ к. Кромѣ денежныхъ пожертвованій, въ комитетъ поступили отъ нижепоименованныхъ лицъ слѣдующія приношенія иконами, церковною утварью и другими предметами: въ 1880 г., отъ А. О. Лутушиной образъ Св. Апостоловъ Петра и Павла въ серебряной ризѣ. Отъ настоятеля и братіи Благовѣщенской Никандровой Пустыни, Псковской епархіи — икона преподобнаго Никандра Псковскаго, на кипарисѣ, два экземпляра службы и житія угодника, серебряный вызолоченный крестъ и Св. Евангеліе въ бархатѣ съ серебряными украшеніями. Въ 1881 г.: отъ мануфактуръ-совѣтника Н. И. Оловянишникова — церковная утварь, именно: 9 подсвѣчниковъ, 2 лампы, 2 каддила, 3 блюда, 2 кропила, 2 креста, ковчегъ, Евангеліе, пасхальная свѣча, панихидница, муропомазанница, ковшикъ съ тарелочкою, чайникъ, тазъ, умывальникъ, купель, чаша, — мѣдные посеребренные, и 5 колоколовъ въ 25 пуд. вѣса; отъ священника Николаев-

скаго прихода, слободы Никольской, Старобѣльскаго уѣзда, Харьковской епархіи, Самуила Федорова — два шелковыхъ платка для престола; въ 1882 г.: отъ купеческой дочери Е. А. Очкиной — церковная утварь, доставленная священникомъ Николаевской церкви въ г. Пензѣ, Григоріемъ Соколовымъ, состоящая изъ дискаса, потира, звѣздицы, лжицы, конія, ковшика и двухъ блюдь; 73 аршина новины (холста), доставленные Ярославскимъ губернаторомъ (приношеніе мѣстныхъ крестьянъ); въ 1883 г.: отъ крестьянъ Глѣбовской волости, Рыбинскаго уѣзда, Ярославской губерніи — ящикъ съ серебряными позолоченными церковными сосудами, состоящими изъ чаши, потира, дискаса съ принадлежностями, пожертвованными въ память 25-ти лѣтня царствованія въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича; отъ благочиннаго Боровскаго собора, священника Василія Казанскаго — 26 аршинъ холста; въ 1885 г.: отъ бывшего священника л.-гв. Егерскаго полка протоіерея Павла Фаворскаго — обра:ъ Рождества Христова, въ серебряномъ позолоченномъ окладѣ, украшенномъ драгоценными камнями, съ изображеніемъ на оборотной сторонѣ въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра Николаевича; отъ В. И. Иконникова — кіотъ краснаго дерева, рѣзной, съ образомъ Нерукотвореннаго Спаса, древняго письма въ серебряномъ окладѣ и позолоченной рамѣ; разновременнo отъ неизвѣстныхъ — святцы мѣсячные, печатанные олеографіей на холстѣ, и двѣ брошюры подъ заглавіями: «Св. Равноапостольные Просвѣтителы славянъ Кириллъ и Меѳодій» и «Слово въ день Св. Равноапостольныхъ славянскихъ Просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, произнесенное 11-го мая 1882 г. въ Исаакіевскомъ Соборѣ протоіереемъ Іоанномъ Полисадовымъ».

НЕКРОЛОГЪ.

14 Августа настоящаго года по напутствованіи св. таинствами, — причащеніемъ и елеосвященіемъ, умеръ отъ антонова огня, настоятель Купянской соборной Покровской церкви протоіерей Иванъ Михайловичъ Мухинъ на 67 году отъ рожденія. Покойный протоіерей, по окончаніи съ 1849 года академическаго образованія со степенью кандидата богословія, состоялъ преподавателемъ въ 4-мъ классѣ Купянскаго духовнаго училища по 1850 г. Въ этомъ же году рукоположенъ былъ во священника къ Купянской Николаевской церкви, отъ которой, по распоряженію Епархіальнаго начальства, въ 1871 году перемѣщенъ къ соборной церкви настоятелемъ съ производствомъ въ протоіерея.

Въ теченіе своей службы проходилъ должность законоучителя въ приходскомъ училищѣ, состоялъ благочиннымъ городскихъ церквей съ 1871 по 1873 годъ, былъ цензоромъ проповѣдей и духовникомъ по благочинію 1-го Купянского округа. За ревностное исполненіе обязанностей своего служенія и особые труды покойный имѣлъ слѣдующія награды: набедренникъ, фіолетовую скуфію, камлавку, наперсные кресты, въ память войны 1853—56 годовъ и отъ Св. Синода выдаваемый, ордена 3 и 2 степени Св. Анны Высочайше пожалованіе.

У покойнаго протоіеря, еще съ 1853 года оставшагося вдовцомъ, никого не осталось въ семействѣ.

Покойный протоіерей былъ исполнительный по службѣ, велъ весьма простой и скромный образъ жизни. Погребеніе надъ умершимъ совершено было мѣстнымъ благочиннымъ въ сослуженіи съ шестью священниками и двумя діаконами при большомъ стеченіи народа, сопровождавшаго до могилы покойнаго своего пастыря, такъ много лѣтъ потрудившагося для душевной пользы своихъ пасомыхъ. При погребеніи почтили память покойнаго надгробною весьма прочувствованною рѣчью смотритель мѣстнаго духовнаго училища.

ОБЪЯВЛЕНІЕ

ВЪ ХАРЬКОВѢ

НЕДАВНО ВЫШЛА ИЗЪ ПЕЧАТИ ПОЛЕЗНАЯ СПРАВОЧНАЯ КНИГА

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

дѣйствующихъ и руководственныхъ каноническихъ постановленій, указовъ, опредѣленій и распоряженій Святѣйшаго Правительствующаго Синода (съ 1721—1889 гг. включительно) и гражданскихъ законовъ, относящихся къ Духовному Вѣдомству православнаго исповѣданія.

Составилъ. Столоначальникъ Харьковской Духовной Консисторіи

С. В. Калашниковъ.

Цѣна за экземпляръ «Алфавитнаго Указателя» съ пересылкою 2 руб., безъ пересылки 1 руб. 75 коп. Выписывающіе не менѣе 10 экз. платятъ по 1 руб. 70 коп. съ пересылкою.

Съ требованіями можно обращаться къ Автору по мѣсту службы его.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первая двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ [нумера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ пополудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

~~■~~ Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.